

ДЖ. СВИФТЪ.

Путешествіа доктора Гулливера къ лиллипутамъ и великанамъ.

Изложеніе О. Богдановой.

Съ 10-ю иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Акц. Общ. Типографскаго Дѣла въ СПб.
7 Рота, 26.

1911.

В. В. № 122, 123.

ИЗДАНІЯ
„ВСЕОБЩЕЙ БИБЛИОТЕКИ“.

- Г. Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. № 28, 29—20 к.
С. Вейманъ. Волчій домъ. № 103, 104 — 20 к.
Д. Де-Фо. Робинзонъ Крузо. № 12, 13 (съ иллюстр.)—20 к.
М. Сервантесъ. Донъ Кихотъ Ламанчскій. № 5, 6 (съ
иллюстр.)—20 к.
М. Твэнъ. Принцъ и нищій. № 105—107. — 30 к.
Его-же. Приключенія Тома. № 108—110. — 30 к.
Его-же. Приключенія Финна. № 111—113 — 30 к.

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

Джонатанъ Свифтъ.

(30 ноября 1667 г. — 19 окт. 1745).

Нерадостно встрѣтила жизнь рожденіе маленькаго Джонатана Свифта. «Неудачи и разочарованія стерегли мою колыбель», говорилъ онъ самъ впоследствии.

Отецъ его, мелкій судейскій чиновникъ, умеръ еще до появленія сына на свѣтъ, оставивъ жену безъ всякихъ средствъ къ существованію. Среди родныхъ матери находился зажиточный дядя-торговецъ. Онъ былъ страшно скупъ, но имѣлъ желаніе слыть богачемъ и пользоваться всеобщимъ поклоненіемъ; получить помощь отъ этого человѣка можно было лишь путемъ горькихъ униженій. Къ этому-то дядѣ и попала въ зависимость осиротѣвшая семья.

Но трудно себѣ представить, что должно было ожидать Джонатана въ этомъ домѣ. Страшная бѣдность, цѣлый рядъ униженій и несправедливостей, отсутствіе своего угла, все это, конечно, не могло не повліять на характеръ Свифта; наряду съ хорошими природными задатками въ немъ начинаютъ появляться и несимпатичныя черты. Плохое отношеніе окружающихъ порождаетъ подозрительность и недовѣріе къ людямъ, а угнетенное положеніе и страшное желаніе вырваться на свободу изъ зависимаго состоянія развивается впоследствии въ жажду власти и господства.

Когда мальчикъ подросъ, его отдали сначала въ школу, а потомъ въ Дублинскій университетъ.

Университетскія занятія, отличавшіяся сухостью и педантичностью, не привлекали его, онъ съ трудомъ, только по «особой милости» получилъ ученую степень. Хорошимъ поведеніемъ онъ также не отличается, часто нарушаетъ дисциплину, участвуетъ въ студенческихъ исторіяхъ, не посѣщаетъ церковь, не является домой въ опредѣленное время и пр. и пр. Взамѣнъ усвоенія университетскихъ наукъ и правилъ, онъ увлекается чтеніемъ книгъ, которое за шесть лѣтъ пребыванія въ университетѣ, достигло колоссальныхъ размѣровъ. Онъ читалъ все, что попадалось подъ руку: исторію, политику, поэзію, право и т. д. Погружаясь въ міръ книгъ, онъ удалялся товарищей, недолюбливавшихъ его за замкнутый характеръ, сосредоточивался самъ въ себѣ, не показывая окружающимъ ни одного уголка своей души.

Едва успѣлъ онъ выйти изъ университета и оглядѣться, чтобы выбрать себѣ поле дѣятельности, какъ давно готовившееся народное возстаніе въ Дублинѣ разразилось цѣлымъ рядомъ уличныхъ столкновеній между англичанами и ирландцами. Свифту пришлось покинуть родину и отправиться искать счастья въ Лондонъ.

По совѣту матери онъ обратился къ одному изъ государственныхъ дѣятелей, находившемуся съ ними въ дальнемъ родствѣ, сэру Вильяму Темплю, чловѣку умному, образованному и не чуждому литературѣ.

Темплъ принялъ его хорошо и оставилъ у себя въ Муръ-Паркѣ въ качествѣ секретаря. Тутъ впервые пришлось познакомиться Свифту съ видными общественными дѣятелями и проникнуть въ тайны политики, тутъ же онъ встрѣчается съ представителями передовой литературы, съ высшею знатью и даже съ королемъ Вильгельмомъ, но изъ этихъ знакомствъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, ничего не вышло.

Скромная жизнь въ Муръ-Паркѣ не удовлетворяла его. Чѣмъ больше вникалъ онъ въ общественную и политическую жизнь, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему принять дѣятельное участіе въ ней, хотѣлось играть видную роль, хотѣлось славы, власти. Понятно, что положеніе секретаря начинало тяготить его, но Темплъ, жившій тихой и спокойной жизнью среди книгъ и своихъ друзей, не могъ понять той бури, которая происходила въ душѣ Свифта и потому очень невнимательно отнесся къ просьбѣ послѣдняго подыскать ему болѣе подходящее мѣсто.

Съ каждымъ днемъ недовольство Свифта возрастаетъ и въ одну изъ очень тяжелыхъ минутъ его настроенія, онъ рѣзко порываетъ съ Темпломъ и, принявъ на себя санъ пастора, уѣзжаетъ въ одинъ изъ очень бѣдныхъ сѣверныхъ приходоу Ирландіи, мѣстечко Кильрутъ. На первый взглядъ этотъ поступокъ можетъ показаться страннымъ: жажда власти, славы и вдругъ такая скромная роль, въ особенности, если принять во вниманіе полное отсутствіе набожности, — въ университетѣ его считали чуть-ли не безбожникомъ. Что-же заставило его рѣшиться на такой шагъ? Этотъ вопросъ станетъ исполнѣ яснымъ, если мы припомнимъ, что въ Англіи въ то время духовный санъ вовсе не обособлялъ человѣка отъ мірскихъ дѣлъ, напротивъ, онъ давалъ возможность принимать самое горячее участіе во всѣхъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Свифтъ считалъ это мѣсто только переходомъ къ болѣе важнымъ дѣламъ, онъ ждалъ, пока его позовутъ. Но время проходило, его не звали и приходилось поневолѣ приниматься за свои пасторскія обязанности, которыя онъ исполнялъ хотя и не съ большимъ рвеніемъ, но исполнѣ добросовѣстно.

Въ это время Темплъ, только въ отсутствіе оцѣнившій таланты своего бывшаго секретаря, завязываетъ съ нимъ дѣятельную переписку, приглашая сг

вновь пріѣхать въ Муръ-Паркъ и обѣщая на этотъ разъ всяческое содѣйствіе.

Пасторскія обязанности уже успѣли достаточно надоесть Свифту, прельщала его и близость къ кипучей политической жизни, а кромѣ того, въ домѣ Темпля росла красавица Стелла, дочь стариннаго друга семьи Темпля, леди Джиффордъ. Еще въ первое свое пребываніе въ Муръ-Паркъ у Свифта зародилось къ ней чувство, сильно возросшее за время разлуки. Всѣ упомянутыя причины не заставили его долго раздумывать и онъ, взявъ отпускъ, во время котораго кто-то совсѣмъ занялъ его мѣсто, уѣхалъ въ Муръ-Паркъ.

Теперь мы уже видимъ его здѣсь сотрудникомъ ученыхъ работъ Темпля, тутъ-же онъ выступаетъ впервые со своими памфлетами, вначалѣ для защиты взглядовъ Темпля въ литературѣ, затѣмъ въ роли обличителя тогдашней церкви и духовенства (плодъ его пастырства и долгихъ размышленій жизни въ глуши). Послѣднему памфлету онъ обязанъ тѣмъ, что до конца дней своихъ остался только священникомъ, несмотря на всѣ свои связи, талантъ и сильное желаніе занять болѣе высокое положеніе; онъ вооружилъ противъ себя не только все высшее духовенство, но даже королеву Анну, которая стала считать его безбожникомъ и упорно противодействовать всякому его повышенію.

Какъ только его мѣткія и ядовитыя, безъ всякой жалости бичующія людскіе пороки, сатиры появились въ печати, ихъ сразу-же оцѣнили, почувствовали въ нихъ силу. Обѣ политическія партіи, сильно враждовавшія между собою — виги и тори, начинаютъ заискивать въ немъ, каждая партія старается привлечь на свою сторону такого важнаго союзника.

Вотъ тутъ-то и начинается для Свифта пора его политической дѣятельности. Наконецъ-то желаніе его исполняется: онъ сила, у него заискиваютъ, къ его голосу прислушиваются. Власть у него въ рукахъ.

теперь настало время, когда онъ сможетъ свой талантъ, свои знанія употребить съ громадною пользою для отечества и вліять на ходъ политики, которая очень часто предпринимала довольно-таки нелѣпые шаги. Онъ съ головою окунается въ общественную жизнь.

Но тутъ на его пути всталъ рядъ горькихъ разочарованій: пришлось столкнуться съ мелочностью и тщеславіемъ партій, которыя свои личные интересы, интересы власти ставили гораздо выше обще-государственныхъ.

Разочаровавшись въ одной партіи, разгромивъ своихъ прежнихъ друзей, Свифтъ переходитъ въ другую, надѣясь тутъ найти настоящихъ, честныхъ общественныхъ работниковъ, но и здѣсь его надеждамъ суждено было рушиться.

Напрасно онъ прилагаетъ все свои старанія, бичуетъ политическія интриги, мелкое тщеславіе партій, неблаговидные поступки вожаковъ ихъ, — положеніе вещей не мѣняется.

Безплодность работы вскорѣ утомила его, начали также надѣдать ему и нападки враговъ, зорко подстерегавшихъ каждый его шагъ, и онъ началъ подумывать объ удаленіи. Какъ разъ къ этому времени, благодаря восшествію на престолъ Георга I, произошелъ рѣзкій политическій поворотъ и ему пришлось окончательно уже покинуть Лондонъ и отправиться на свою родину въ Дублинъ, гдѣ ему благодаря связямъ удалось получить мѣсто старшаго священника въ соборѣ св. Патрика.

Съ этой поры начинается новый періодъ его, дѣйствительно, плодотворной дѣятельности. Онъ выступаетъ какъ вождь народный, какъ защитникъ угнетенной Ирландіи и здѣсь его заслуги неоцѣнимы; имя его, какъ добраго генія еще и до сихъ поръ живетъ среди ирландскаго народа.

Недружелюбно встрѣтила его вначалѣ родина, да и самъ Свифтъ, какъ мы видѣли выше, не осо-

бенно-то тяготѣлъ къ ней, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на мѣсто ссылки. Долгое отсутствіе, занятіе болѣе важными политическими дѣлами сдѣлали ее совсѣмъ чуждою душѣ Свифта. Зброшенный вновь судьбою въ эту глушь, усталый, почти больной, онъ приглядывается ближе къ своему обездоленному народу, начинаетъ любить его и рѣшаетъ всѣ свои силы отдать ему на служеніе. Онъ собираетъ вокругъ себя дублинское общество, которому даетъ тонъ и направленіе и въ тоже время все ближе и ближе сходится съ народомъ, опускается въ нѣдра его, входитъ въ сношенія съ вожаками, забираетъ власть въ свои руки и поднимаетъ знамя ирландской самостоятельности.

Ирландія, въ то время страшно угнетаемая англійскимъ правительствомъ, которое не только само выжимало изъ нея послѣдніе соки, но и содѣйствовало въ этомъ направленіи всякимъ проходимцамъ, застыла въ изнеможеніи и нуженъ былъ могучій умъ Свифта, чтобы вывести ее изъ этого смертнаго состоянія на путь борьбы.

Ни одинъ шагъ правительства не ускользаетъ отъ его взора, каждое новое законодательство, или просто распоряженіе подвергается его рѣзкой критикѣ, онъ указываетъ границы власти и зорко стережетъ и отстаиваетъ права Ирландіи. Его ѣдкіе памфлеты, печатавшіеся и распространявшіеся нелегальнымъ путемъ, сослужили громадную пользу ирландскому народу, раскрывъ глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Самоуправленіе Ирландіи было сведено къ нулю и потому парламентъ не могъ противоdѣйствовать правительству, всѣ дѣйствія котораго сводились къ тому, чтобы какъ можно скорѣе вывести страну на путь полнѣйшаго обнищанія. Въ этомъ направленіи и былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятіи.

Прежде всего былъ запрещенъ вывозъ овецъ въ Англію, считавшійся одною изъ самыхъ выгодныхъ

статей Ирландіи, и только потому, что это вредило интересамъ англійскихъ овцеводовъ. Запрещеніе это, конечно, повлекло за собою развитіе шерстопрядильнаго дѣла въ Ирландіи. Тогда снова появляется указъ, запрещающій вывозъ шерсти и суконъ. Такія мѣры разоряли страну, народъ дошелъ-таки до обнищанія. Вскорѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ. Чтобы удовлетворить эту потребность, англійское правительство рѣшаетъ выпустить новую монету, поручаетъ это дѣло торговцу-аферисту, и, несомнѣнно, монета выпускается низкой пробы. Безцеремонность правительства дошла до крайнихъ предѣловъ.

Тутъ-то и выступилъ Свифтъ съ рядомъ ѣдкихъ памфлетовъ, называвшихся *«Письмами суконщика»*.

Въ первомъ изъ нихъ, конечно, рѣзко критикуя дѣйствія правительства, онъ призываетъ народъ мстить англичанамъ бойкотомъ всѣхъ ихъ издѣлій и поощрять всѣми силами родную производительность. Памфлетъ поднялъ всю Ирландію. Власти взволновались и начали тщетно искать автора.

Свифта это не испугало; онъ выпускаетъ второе письмо, гдѣ требуетъ отвергнуть вновь пущенную монету, считая безуміемъ принимать, размѣнивать золото и серебро на мѣдь, не стоящую и одной трети своей номинальной стоимости.

За вторымъ появилось третье и четвертое письмо, результатомъ чего въ концѣ концовъ было рѣшеніе, принятое во всѣхъ уцѣлѣвшихъ автономныхъ учрежденіяхъ и поддержанное дворянствомъ и духовенствомъ, отвергнуть новую монету. Правительству, принявшему ее вначалѣ подъ свою защиту, пришлось уступить.

Эта побѣда оживила Ирландію, пробудивъ въ ней надежды на свои силы и лучшее будущее, и сплотила враждовавшія между собою различныя политическія партіи, во главѣ которыхъ и всталъ Свифтъ.

Народъ боготворилъ его, образовались цѣлыя дружины для его охраны.

Во все время его жизни, находилась неотлучно при немъ Стелла, его лучший другъ и помощникъ во всѣхъ дѣлахъ. Благодаря какимъ-то до сихъ поръ не выясненнымъ обстоятельствамъ, бракъ ихъ до самаго конца не былъ объявленъ. Несчастливая женщина, жившая все время вблизи него, но не подъ одною кровлею, оставалась въ глазахъ постороннихъ только его доброй знакомсой, занимая въ его домѣ такое же положеніе, какъ каждый изъ гостей. Конечно, такая жизнь должна была тяготить ее, не разъ просила она Свифта объявить ихъ бракъ, но, онъ оставался непреклоннымъ.

Вскорѣ послѣ «Писемъ суконщика», Свифтъ выпускаетъ въ свѣтъ сатиру *«Путешествія Гулливера по отдаленнымъ странамъ»*. Мысль объ этой сатирѣ зародилась у него еще въ Лондонѣ, когда онъ участвовалъ въ одномъ изъ журналовъ. Первоначальною цѣлью ея было высмѣять чрезмѣрные преувеличенія разсказовъ путешественниковъ, но, по мѣрѣ того, какъ у него накоплялось недовѣріе и недовольство къ людямъ, она принимаетъ болѣе мрачный характеръ и выливается сатирой на все человѣчество, выставляя на псказъ и осмѣивая всѣ чело-вѣческія страсти.

Въ первомъ путешествіи *«Къ лиллипутамъ»* онъ приписываетъ всѣ недостатки, свойственные людямъ, крохотному народу, у котораго они сильнѣе бросаются въ глаза и кажутся смѣшными, а подчасъ наводятъ и на печальныя размышленія. Тутъ же онъ затрагиваетъ политическія дѣла, выводитъ борьбу обоихъ партій, осмѣиваетъ причины, послужившія къ раздору и пр. и пр. Въ лицѣ правителей и министровъ онъ выводитъ лицъ власти имущихъ; такъ, напр., въ лицѣ наслѣдника престола выведенъ Георгъ I, въ лицѣ Флимнапа — Гольполь и т. д.

Въ путешествіи *«Къ бробдиньягамъ»* та же самая

цѣль осмѣянія людскихъ недостатковъ достигается обратнымъ путемъ, путемъ сравненія съ сильнымъ первобытнымъ народамъ-великанамъ. Бробдинъягамъ страна Гулливера представляется какимъ-то мурзвейникомъ, въ которомъ происходятъ безконечныя и безплодныя ссоры, драки и интриги. Великаны съ высоты своего величія видятъ страну Гулливера такою же, какою казалась ему Лиллипутія. Здѣсь также встрѣчаются нападки на отдѣльныя личности, такъ напр., нападая на фрейленъ, онъ мститъ одной изъ придворныхъ дамъ, всячески старавшейся поддерживать въ королевѣ Аннѣ непріязненное отношеніе къ нему.

Но самой злой сатирой, производящей даже непріятное впечатлѣніе, является путешествіе «*Къ Гунгнамъ*», въ которомъ онъ описываетъ страну, гдѣ господствующимъ классомъ является благородная, умная и честная порода лошадей, въ роли же низшихъ животныхъ, исполняющихъ тяжелыя и грязныя работы, выведены двуногія существа *иху*, очень напоминающія своимъ видомъ людей. Человѣческіе недостатки доведены у этихъ животныхъ, представляющихъ собою выродившееся человѣчество, до ужасающихъ размѣровъ. Сильный отпечатокъ злобы противъ всего человѣчества, лежащей на этой сатирѣ, кромѣ разочарованія и недовольства людьми объясняется еще и страшной мрачностью его характера, которая развивалась вслѣдствіе развѣдавшей его болѣзни.

Еще въ первое пребываніе его въ Муръ-Паркѣ, у него начали появляться припадки головокруженія, принявшія съ годами страшно мучительный характеръ. Онъ страдалъ, такъ называемой *Меньеровой болѣзью*, вызывавшей головокруженіе и постепенную глухоту. Эта болѣзнь, дѣлавшая его желчнымъ и раздражительнымъ и временами прямо-таки невыносимымъ для окружающихъ, и накладывала мрачный отпечатокъ на его произведенія. Не мало приходилось страдать отъ нея и Стеллѣ. Здоровье ея сильно расшаталось,

силы ослабѣли и она преждевременно сошла въ могилу, почти вслѣдъ за появленіемъ Путешествій.

Смерть ея страшно потрясла Свифта: кромѣ тяжелой утраты онъ испытывалъ еще и угрызенія совѣсти, считая себя виновникомъ преждевременной ея смерти.

Припадки стали повторяться чаще и чаще, онъ совершенно оглохъ и мало-по-малу началъ терять память; разсудокъ же еще работалъ. Для него было ужасно это медленное умираніе, онъ ждалъ, призывалъ смерть. Наконецъ 19 октября 1745 года желанный конецъ наступилъ. Смерть его была тяжелой утратой для народа, толпами приходили крестьяне отдать послѣдній привѣтъ своему вождю и какъ сокровище прятали клочки розданныхъ имъ сѣдыхъ кудрей великаго сатирика, желая сохранить ихъ своему потомству.

Путешествіе доктора Гулливера къ лиллипутамъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я родился въ Англіи. Отецъ мой имѣлъ въ окрестностяхъ Лондона небольшое помѣстье. Насъ было у него пятеро сыпоевъ, при чемъ я — третій изъ нихъ. Завѣтной мечтою отца было дать намъ хорошее образованіе, но средства его были настолько ограничены, что ихъ едва хватало, чтобы прокормить семью. Два старшіе брата помогали отцу въ хозяйствѣ; меня-же, когда мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, онъ отправилъ въ Лондонъ въ гимназію.

Три года билась семья, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ и посылая мнѣ деньги на содержаніе. Наконецъ, это стало ей не по силамъ. Я принужденъ былъ бросить гимназію и поступить къ доктору для изученія его науки. Это дѣло въ будущемъ могло дать мнѣ средства для существованія, но оно совершенно не интересовало меня, не о томъ думалъ я...

Съ самаго ранняго дѣтства я мечталъ сдѣлаться путешественникомъ, мечталъ объѣздить всю землю, посмотрѣть чужія страны, узнать какъ живутъ различные народы. Всѣ присылаемыя отцомъ деньги я тратилъ на покупку книгъ, въ которыхъ описывались путешествія и съ жадностью прочитывалъ ихъ. Кромѣ того я занялся изученіемъ морского дѣла, такъ меня неудержимо увлекала жизнь моряка.

Почти незамѣтно прошли годы ученія; я сдѣлался докторомъ, и теперь уже ничто не мѣшало мнѣ осуществить свою завѣтную мечту.

Я и не задумался надъ этимъ: при первомъ-же случаѣ поступилъ докторомъ на корабль «Ласточка» и отправился въ плаваніе.

Больше трехъ лѣтъ я провелъ вдали отъ родины, все время въ путешествіяхъ по отдаленнымъ странамъ. Наконецъ, вернулся довольный, счастливый, много новаго повидалъ, да и денегъ порядочно заработалъ. Купилъ я въ Лондонѣ небольшой домикъ и женился. Когда появились дѣти, я рѣшилъ навсегда остаться въ Лондонѣ, заняться ихъ воспитаніемъ и не думать больше о путешествіяхъ.

Нѣсколько лѣтъ мы прожили тихо, хорошо, но только вдругъ стала нападать на меня тоска. Потянуло опять вдаль, захотѣлось посмотрѣть другія, новыя страны. Да такъ потянуло, что ни пить, ни ѣсть не могъ, похварывать даже началъ.

Наконецъ, не вытерпѣлъ и рѣшилъ опять пуститься въ плаваніе. Ни уговоры жены, ни слезы дѣтей не помогли. Опредѣлился я докторомъ на корабль «Антилопа» и отправился въ Восточную Индію.

Вначалѣ все шло хорошо. Погода стояла превосходная, корабль быстро подвигался впередъ, всѣ были въ хорошемъ настроеніи, а я ликовалъ: я чувствовалъ себя, какъ плѣнникъ, вырвавшійся на свободу.

Вотъ скрылись уже берега. Корабль летѣлъ на всѣхъ парусахъ, какъ птица. Ничего кругомъ не видно — море да небо. Я - же, стоя на палубѣ, уже мечталъ о томъ, какъ много новаго предстоитъ увидѣть мнѣ въ дальнихъ краяхъ и не жаль мнѣ было ни родины, ни семьи.

Хорошая погода продержалась нѣсколько дней. Потомъ сталъ набѣгать восточный вѣтеръ.

Капитанъ, опытный морякъ, въ безпокойствѣ поглядывалъ по сторонамъ и понемногу приготовлялъ корабль къ встрѣчѣ бури.

Дѣйствительно, вѣтеръ становился все сильнѣе

и сильнѣе и, наконецъ, перешелъ въ шквалъ. Матросы забѣгали, раздавалась громкая команда капитана. Корабль стало бросать изъ стороны въ сторону, какъ щепку, всѣ снасти были уничтожены. Управлять судномъ не было никакой возможности, его быстро несло по волѣ вѣтра.

Вдругъ, впереди показалась громадная скала. Всѣ попытки измѣнить направленіе корабля были напрасны, его гнало прямо на скалу. Начали спускаться на воду шлюпки, кто могъ — спасался. Я попалъ въ лодку съ шестью матросами.

Едва мы успѣли отчалить, какъ раздался страшный трескъ. Судно налетѣло на камни, разбилось вдребезги и исчезло въ пучинѣ...

Ужасъ охватилъ насъ, при видѣ гибели корабля, но предаваться грустнымъ размышленіямъ не приходилось, такъ какъ нужно было думать о своемъ спасеніи.

Бороться съ бушующимъ моремъ было нелегко и потому мы съ трудомъ подвигались впередъ. Наконецъ, всѣ наши силы истощились, мы оставили весла и отдались во власть вѣтру.

Шлюпку несло со страшной быстротой. А волны становились все выше и бурнѣе; какъ скалы, вздымались онѣ, пѣнились, набѣгали на лодку, разбивались о борта и заливали насъ, но мы все еще не теряли надежды на спасеніе.

Но вотъ налетѣлъ еще порывъ вѣтра, накренилъ шлюпку на бокъ и опрокинулъ.

Всѣ спутники мои исчезли въ бушующемъ морѣ, мнѣ же, благодаря случаю, удалось уцѣпиться за бортъ лодки и, пользуясь приливомъ, достичь берега.

Великая радость охватила все мое существо, когда я вступилъ на твердую землю. Но что-же было дальше дѣлать? — Передо мной разстилался пустынный берегъ, никакихъ слѣдовъ присутствія челоуѣка не было замѣтно. Несмотря на это я всс-

таки рѣшилъ пойти поискать какого нибудь пріюта; но усталость была настолько велика, что едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ свалился на землю точно подкошенный и крѣпко уснулъ.

Спать я должно быть долго и, когда проснулся, солнце стояло уже высоко.

Первою моею мыслью было поскорѣе встать и отправиться изслѣдовать подробнѣе мѣстность, въ которую занесла меня судьба. Но едва я попытался сдѣлать это, какъ почувствовалъ все свое тѣло связаннымъ какими-то путами, мнѣ не удавалось не только избавиться отъ этихъ существъ, но даже посмотрѣть, каковы они.

Неужели борьба съ моремъ такъ обезсилила меня? Дѣйствительно, въ тѣлѣ чувствовалась боль. Лежалъ я на спинѣ. Солнце немилосердно пекло мнѣ лицо и ничего не видно было кромѣ неба, а вокругъ слышался какой-то странный шумъ и шорохъ.

Я началъ прислушиваться и вдругъ почувствовалъ, что по моей ногѣ ползетъ какое-то живое существо, за нимъ второе, третье, и вскорѣ все мое тѣло покрылось ими.

Мнѣ сдѣлалось даже жутко. А члены мои все еще находились въ бездѣйствіи и я не могъ даже посмотрѣть, что это за звѣрьки.

А они становились все смѣлѣе и смѣлѣе и безцеремонно расхаживали по моему тѣлу, а одинъ изъ нихъ приблизился даже къ самому моему лицу.

Я опустилъ глаза. И каково-же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ передъ собою настоящаго человѣчка, только маленькаго, маленькаго, не болѣе шести дюймовъ ростомъ. За плечами его виднѣлись лукъ и стрѣлы, а въ рукѣ онъ держалъ копье.

Я въ ужасѣ закричалъ.

Всѣ эти крохотныя существа вразсыпную попадали на землю, но черезъ нѣсколько времени

Спать я, должно быть, долго я, когда проснулся, солнце стояло уже высоко.

опять вскарабкались на меня и начали съ любопытствомъ разсматривать.

Все это не особенно нравилось мнѣ, да и лежать было крайне неудобно: всѣ члены затекли.

Собравъ всѣ свои силы, я попытался опять подняться, рванулся и освободилъ лѣвую руку. Теперь я свободно могъ ощупать свое тѣло и убѣдиться, что все оно крѣпко связано какими-то тоненькими бинтами и веревочками, концы которыхъ прикрѣплены къ колышкамъ, вбитымъ въ землю.

Сильнымъ движеніемъ я оборвалъ веревочки, привязывавшія мои волосы къ землѣ, приподнялъ голову и хотѣлъ поймать хотя-бы одного изъ этихъ игрушечныхъ человѣчковъ, но они всѣ мигомъ разбѣжались.

Вслѣдъ за тѣмъ раздалась громкая команда и цѣлая туча мелкихъ стрѣлъ вонзилась въ мою лѣвую руку, причиняя нестерпимую боль.

Я застоналъ и опять попытался освободиться, но раздался второй залпъ, еще сильнѣе прежняго, и нѣсколько стрѣлъ попало мнѣ въ лицо. Тѣло не страдало, такъ какъ было защищено кожанной курткой.

За вторымъ послѣдовалъ третій залпъ. Что оставалось мнѣ дѣлать? При малѣйшемъ движеніи карлики обдавали меня градомъ стрѣлъ, концы которыхъ, очевидно, были смазаны какимъ-нибудь ядомъ, причинявшимъ сильную боль, да кромѣ того эти стрѣлы каждую минуту грозили попасть въ глаза. И что-же бы тогда могъ я сдѣлать, слѣпой, въ чужой, незнакомой странѣ, въ рукахъ у этихъ коварныхъ карликовъ.

Отъ боли и злости я скрежеталъ зубами, но пришлось сдаться, лежать смирно и ждать ночи, чтобы, пользуясь темнотой, развязать веревки и освободиться.

Поразмысливъ обо всемъ этомъ, я приутихъ.

Бомбардировка тоже прекратилась, шумъ-же кру-

гомъ все усиливался, очевидно, карликовъ все прибывало. А я все лежалъ и думалъ, думалъ... Невеселы были эти думы: вспомнилъ я родину, свой уютный домикъ, любящую жену, дѣтей... и такъ стало тяжело, одиноко, что сердце сжалось и слезы выступили на глазахъ...

Мои грустные размышленія прервалъ какой-то стукъ, напоминавшій удары топора, который раздался какъ разъ около моего праваго уха.

Стукъ продолжался около часу.

Когда онъ прекратился, я приподнялъ немного голову, съ трудомъ повернулъ ее и увидѣлъ возвышавшійся наравнѣ съ моимъ лицомъ помостъ, къ которому была приставлена лѣстница. Черезъ минуту на этотъ помостъ взобрался человѣчекъ, очень пышно одѣтый, очевидно какой-нибудь знатный вельможа, въ сопровожденіи свиты и началъ читать какую-то бумагу, стараясь знаками разъяснить мнѣ что-то.

По тону говорившаго и по его жестамъ я только и могъ понять, что я теперь плѣнникъ, что въ случаѣ покорности мнѣ даютъ какія-то обѣщанія, въ противномъ-же случаѣ чѣмъ-то угрожаютъ.

У меня въ настоящую минуту было только два желанія: освободиться какъ можно скорѣе отъ веревокъ, которыя немилосердно рѣзали все мое тѣло, и поѣсть, главное поѣсть, — голодъ и жажда нестерпимо томили меня.

Знаками старался я показать, что заранѣе на все согласенъ, лишь-бы дали мнѣ поѣсть. Сановникъ, повидимому, понялъ, слѣзъ съ помоста и сдѣлалъ знакъ, по которому изъ толпы потянулись вереницей носильщики съ корзинами на головахъ, въ которыхъ была провизія. Этихъ носильщиковъ насчитывалось около ста, они были присланы королемъ этой крохотной страны, носившей названіе Лиллипутіи,* еще въ то время, когда онъ получилъ извѣстіе, что его подданные нашли спящимъ недалеко отъ столицы

страшное чудовище Человѣка - Гору и берутъ его въ плѣнъ.

Носильщики ловко одинъ за другимъ взбирались по лѣстницѣ и выгружали свои корзиночки прямо мнѣ въ ротъ. Я съ жадностью все поглощалъ. Пища была довольно разнообразна и хорошо приготовлена. Больше всего мнѣ понравилось жаркое, состоявшее изъ окороковъ какихъ-то животныхъ, вкусомъ очень напоминавшихъ нашу баранину; каждый окорокъ равнялся крылу жаворонка. Я съѣдалъ за одинъ разъ по нѣсколько окороковъ и заѣдалъ хлѣбами, величиною съ ружейную пулю.

Лиллипуты-же въ изумленіи смотрѣли на это зрѣлище, испуская крики удивленія каждый разъ, какъ содержимое корзины, которую съ такимъ трудомъ несъ носильщикъ, такъ ловко проскальзывало въ мой желудокъ. Я же такъ увлекся ѣдой, что не обращалъ на это никакого вниманія.

Утоливъ, наконецъ, свой голодъ, я попросилъ пить. Ко мнѣ подкатили огромную бочку съ виномъ, величиною чуть-ли не съ наше куриное яйцо. Я разомъ осушилъ ее и попросилъ еще. Подкатили вторую, но больше не дали, несмотря на мои усиленные просьбы. Когда обѣ бочки опустѣли, лиллипуты знаками попросили меня сбросить ихъ внизъ, заранѣе предупредивъ своихъ товарищей, чтобы посторонились. Я исполнилъ ихъ желаніе.

Бочки взлетѣли высоко надъ землею и съ шумомъ упали. Маленькіе человѣчки были въ восторгѣ, испускали радостные крики и бросали вверхъ шапки, нѣкоторые смѣльчаки даже танцевали у меня на груди.

Нужно сознаться, что у меня было большое желаніе схватить штукъ пятьдесятъ этихъ карликовъ, такъ безцеремонно разгуливающихъ по моему тѣлу и придушить ихъ, но обѣщаніе, данное сановнику,

боязнѣ новыхъ стрѣлъ, а, кромѣ того, гостепріимство этого крохотнаго народца удерживали меня.

Чѣмъ ближе я къ нимъ присматривался, тѣмъ больше меня поражали ихъ храбрость и умъ и съ каждой минуты мои симпатіи къ нимъ становились сильнѣе.

Вдругъ опять раздался какой-то шумъ, который все усиливался; лиллипуты засуетились и начали сползать съ меня, затѣмъ наступила полная тишина.

Передо мной на помостѣ снова появился какой-то вельможа, еще пышнѣ одѣтый, чѣмъ первый. Это былъ министръ Гурго. Онъ показалъ мнѣ грамоту съ королевскою печатью, прочелъ ее и затѣмъ знаками объяснилъ мнѣ, что я нахожусь у нихъ въ плѣну и буду отправленъ въ столицу Лиллипутіи.

Я на все выразилъ согласіе и просилъ только развязать поскорѣе веревки и освободить мся, на что Гурго отрицательно покачалъ головою, расklанялся и удалился.

Послѣ его ухода нѣсколько лиллипутовъ приблизились ко мнѣ и начали вынимать изъ моего тѣла стрѣлы, смазывая раны какою-то мазью, отъ которой боль быстро утихала. Когда эта операція была кончена, они ослабили веревки, связывающія меня. Я былъ за это очень благодаренъ, такъ какъ всѣ мои члены, будучи такъ долго въ одномъ положеніи, начинали затекать и ныть, теперь-же я могъ повернуться на бокъ.

Усталость, хорошій завтракъ, а главное вино, въ которое лиллипутами нарочно былъ подмѣшанъ сонный напитокъ, оказали свое дѣйствіе: меня стало клонить ко сну и, вѣроятно, вскорѣ я крѣпко уснулъ.

Оказывается, лиллипутами все это заранѣе было предусмотрено и рассчитано. Едва только они слышали мой легкій храпъ, какъ засуетились, забѣгали: они рѣшили перевезти меня въ столицу соннаго.

Были привезены дроги, спѣшно для этого приготовленные, длиною около сажени и шириною фута четыре, возвышавшіяся фута на три отъ земли и установленные на двадцати-двухъ колесахъ. Въ эту повозку впрягли пятьсотъ самыхъ лучшихъ царскихъ лошадей. Повозка была готова.

Какъ-же могли эти крохотныя существа поднять на повозку такое страшное чудовище, какимъ представлялся для нихъ я? Но маленькіе человечки, которые не даромъ славились своимъ умомъ и смѣтливостью, и задумываться не стали надъ разрѣшеніемъ этой, на нашъ взглядъ, трудной задачи. Они подкатили повозку къ самому моему тѣлу, вбили восемьдесятъ свай, вышиною каждая около фута, взяли толстые канаты, съ нашу обыкновенную веревку, съ крючками на концахъ. Эти крючки зацѣпили за безчисленные бишты, связывающіе мое тѣло, канаты-же продѣли въ блоки, прикрѣпленные къ сваямъ.

Когда все это было устроено, девятьсотъ отборныхъ силачей принялись за дѣло...

Прошло три часа дружной, упорной работы, прежде чѣмъ имъ удалось водрузить меня на повозку. Крохотный народецъ ликовалъ: самое главное было сдѣлано. Привязавъ накрѣпко меня къ повозкѣ, тронули лошадей и вся процессія торжественно направилась къ столицѣ. Впереди ѣхали верхами сановники, съ боковъ повозку окружала стража, а сзади на далекое разстояніе черной лентой тянулись толпы любопытствующихъ. А я, виновникъ всего этого, спалъ непробуднымъ сномъ, не пошевелившись даже въ тотъ моментъ, когда меня поднимали на повозку.

Во время пути два храбреца, верхами на коняхъ, взобрались на меня и одинъ изъ нихъ, гвардейскій офицеръ, началъ своимъ копьемъ щекотать мнѣ ноздрю. Я невольно громко чихнулъ, отчего оба храбреца кувыркомъ скатились на землю; кругомъ

раздался хохотъ, но имъ-то было не до смѣха, хотя серьезныхъ поврежденій и не оказалось.

Весь день мы провели въ дорогѣ и только къ ночи устроили привалъ. Повозка остановилась, съ обѣихъ сторонъ ея было поставлено на стражу по пятисотъ гвардейцевъ. Они должны были при первой моей попыткѣ шевельнуться стрѣлять.

Наступила темная ночь... Всѣ путники уснули, бодрствовала только стража, да я. Не до сна мнѣ было: одолѣвали тяжелыя думы...

Надежду на освобожденіе я уже давно оставилъ, но меня мучило неизвѣстное будущее.

Ночь показалась мнѣ безконечной, хотя лиллипутскіе сутки равняются только нашимъ шести часамъ, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ восхода солнышка.

Наконецъ, желанное утро наступило, карлики проснулись, засуетились, какъ муравьи, и повозка двинулась дальше.

Къ полдню мы уже завидѣли столицу.

Самъ король, въ сопровожденіи всего двора, выѣхалъ встрѣчать это странное шествіе и былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Изумленію не было конца. Королю очень хотѣлось взобраться на мое туловище, но сановники его не допустили, боясь, какъ-бы его величество не подвергся опасности.

Между тѣмъ повозка въѣхала въ городъ и остановилась на площади. Здѣсь стоялъ древній, самый высокій во всемъ королевствѣ, храмъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ храмѣ было совершено убійство; съ тѣхъ поръ онъ былъ закрытъ, никакихъ богослуженій въ немъ не происходило, такъ какъ народъ смотрѣлъ на него, какъ на мѣсто недостойное святыни. Этотъ-то храмъ и нашли самымъ подходящимъ жилищемъ для меня; но прежде чѣмъ освободить меня, были позваны придворные слесаря, они приковали меня девяносто одною цѣпью

Процессія торжественно направилаь къ столицѣ.

за лѣвую ногу къ окну храма. Эти цѣпи едва позволяли мнѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ вокругъ жилища и вползти въ него, — высота двери равнялась четыремъ футамъ.

Когда все было готово, карлики начали рѣзать веревки, связывающія меня. При каждомъ ударѣ ножа у меня вырывался вздохъ облегченія, члены мои понемножку расправлялись. Почувствовавъ, наконецъ, себя совершенно свободнымъ, я быстро вскочилъ на ноги, началъ потягиваться и прогуливаться вокругъ храма. Изумленіе лиллипутовъ достигло крайняго предѣла, да и не мудрено: я имъ казался какой-то страшной движущейся горой.

Народу — же между тѣмъ все прибывало. Не только вся столица была на ногахъ, но даже вся страна зашевелилась: извѣстіе о такомъ чудѣ быстро разлеталось во всѣ концы, каждому хотѣлось поскорѣе посмотрѣть на невиданное чудище самому.

Дороги, ведущія въ столицу, представляли изъ себя какую-то сплошную кипящую массу, на улицахъ столицы стояла страшная давка. Площадь-же была совершенно переполнена, всѣ крыши домовъ, окна, балконы, карнизы были покрыты народомъ.

Самъ императоръ взобрался на башню, стоящую противъ храма, и оттуда разглядывалъ меня. Нѣкоторые смѣльчаки пробовали взбираться по моимъ ногамъ, но король подъ страхомъ смертной казни запретилъ это.

Море глазѣющихъ и непрерывный шумъ, который стоялъ кругомъ, начали раздражать меня, и я, прежде, чѣмъ заняться разсматриваніемъ этой диковинной страны, рѣшилъ отправиться въ свое новое жилище, чтобы хотя немного придти въ себя и очнуться отъ всего происшедшаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отдохнувъ немного, я покинулъ свое жилище. Народу, казалось, еще прибыло. Я оглядѣлся кругомъ.

Глазамъ моимъ представилась дивная картина: передо мною лежалъ игрушечный городокъ съ хорошенькими крохотными домиками, улицы, кишѣвшія народомъ, были расположены въ замѣчательномъ порядкѣ. Всюду виднѣлись густые тѣнистые сады, въ которыхъ самое высокое дерево едва-ли равнялось аршину, а вокругъ города, на далекое разстояніе, разстилались зеленѣющія поля. Присутствія грязи и нищеты нигдѣ не было замѣтно, — напротивъ, всюду виднѣлся достатокъ и даже роскошь. Видно было, что страна процвѣтала и маленькому народу жилось недурно.

Пока я занимался обозрѣваніемъ города, король слѣзъ съ башни и вмѣстѣ со свитой направился ко мнѣ.

Замѣтивъ его величество, я поспѣшилъ навстрѣчу. Но тутъ произошло нѣчто ужасное: конь короля, увидѣвъ движущуюся гору, всталъ на дыбы, заржалъ и понесся по площади, давя народъ.

Въ толпѣ произошло смятеніе, придворныя дамы, сопровождавшія короля, въ страхѣ закричали; многія даже попадали въ обморокъ; не растерялись только сановники: они бросились къ королю и общими усиліями остановили коня.

Убѣдившись, что король внѣ опасности, толпа радостно закричала; противъ-же меня кое-гдѣ стали раздаваться негодующіе возгласы: маленькій народъ очень любилъ своего монарха и не могъ мнѣ простить, что изъ-за меня онъ чуть было не лишился жизни.

Король былъ великолѣпный наѣздникъ и только благодаря этому ему удалось усидѣть на сѣдлѣ.

Когда онъ слѣзъ съ коня, лицо его было блѣдно, но испуга своего онъ старался не показывать. Немного оправившись послѣ тревоги, онъ, въ сопровожденіи сановниковъ, подошелъ ко мнѣ и милостиво протянулъ руку; придворныя-же дамы расположились въ нѣкоторомъ отдаленіи на приготовленныхъ для нихъ стульяхъ.

Я взялъ руку, такъ милостиво протянутую мнѣ королемъ и рѣшилъ въ знакъ покорности и признательности поцѣловать ее; для этого мнѣ пришлось лечь на животъ. Король, улыбаясь, разглядывалъ меня.

Теперь и я могъ во всѣхъ подробностяхъ рассмотреть монарха этой удивительной страны. Король былъ среднихъ лѣтъ, ростомъ немного выше своихъ подданныхъ, такъ приблизительно на мой ноготь; но что въ немъ особенно бросалось въ глаза, такъ это его величественная осанка, каждое его движеніе указывало на высокое происхожденіе. Онъ правилъ страной уже много лѣтъ и благодаря его уму, добротѣ, неустаннымъ трудамъ и мудрому управленію въ ней царилъ спокойствіе и благоденствіе. На своихъ сосѣдей-враговъ онъ наводилъ страхъ. Войнъ при немъ еще не было, несмотря на это войско содержалось въ образцовомъ порядкѣ.

Одѣтъ былъ король богато и красиво: вся одежда его блистала, на шляпѣ развивалось большое перо, а въ рукѣ онъ держалъ обнаженную шпагу, рукоятка которой была сплошь усыпана драгоценными камнями.

Послѣ первыхъ привѣтствій король вступилъ со мною въ разговоръ. Голосъ у него очень пріятный и внятный. Я понялъ, что онъ задаетъ мнѣ вопросы, но какіе? о чемъ? Я попытался отвѣчать на нихъ.

Разговоръ нашъ длился довольно долго, но ни я, ни онъ не поняли другъ друга. Затѣмъ король пригласилъ извѣстныхъ придворныхъ ученыхъ съ тѣмъ, чтобы они попробовали поговорить со мною. Я изъ-

яснялся и по-нѣмецки и по-французски, по-испански, итальянски, — но, ничто не помогало.

Пока длились наши бесплодные разговоры, королю пришла блестящая мысль угостить меня.

По его приказанію немедленно-же были позваны дворецкіе, которые подкатили ко мнѣ различныя кушанья на двадцати повозкахъ. Я съ большимъ удовольствіемъ принялся за ѣду, такъ какъ мой желудокъ уже давно былъ пустъ, и въ нѣсколько пріемовъ уничтожилъ все привезенное на повозкахъ. Вслѣдъ за тѣмъ ко мнѣ подвезли еще десять повозокъ съ глиняными кувшинами, наполненными виномъ. Тутъ уже я не могъ сдержать своего восторга: дѣло въ томъ, что лиллипутское вино очень пришлось мнѣ по вкусу, но, помня первое угощеніе, я уже отчаялся когда-либо получить его въ достаточномъ количествѣ, а тутъ такая щедрая порція.

Нечего и говорить, что эти повозки были опустошены мною быстрѣе первыхъ.

Императрица и придворныя дамы издали наблюдали за мной и ужасались моему аппетиту; король, поглядывая на меня, добродушно улыбался, а въ толпѣ иногда слышались негодующіе возгласы: послѣ опаснаго приключенія съ королемъ педовольство толпы противъ меня все возрастало.

По окончаніи завтрака король, распрощавшись со мною, удалился въ сопровожденіи всего двора, а вокругъ меня приказалъ разставить караулъ, который долженъ былъ охранять меня отъ злобы черни, тѣснившейся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ.

Раздавались злобные крики, насмѣшки, летѣли камни, у нѣкоторыхъ даже хватило безстыдства пустить въ меня нѣсколько стрѣлъ; одна изъ нихъ чуть было не повредила мнѣ глазъ.

Читатель, конечно, пойметъ, каково было въ это время мое душевное состояніе... Дорого-бы я далъ, чтобы въ эту минуту очутиться опять въ своей милой Англіи, въ кругу любящей семьи и изба-

виться навсегда отъ этихъ злобныхъ маленькихъ человѣчковъ...

Нападки толпы между тѣмъ не прекращались. Тогда полковникъ, начальствующій надъ стражей, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ, приказалъ схватить шестерыхъ главныхъ зачинщиковъ, связать и выдать ихъ мнѣ.

Нужно было видѣть страхъ этихъ несчастныхъ карликовъ, когда ихъ тупыми концами пикъ пригнали къ самымъ моимъ ногамъ. Они въ ужасѣ метались, выпускали дикіе крики; лица ихъ отъ страха перекосились, а волосы на головѣ встали дыбомъ, но дѣлать нечего, — приходилось расплачиваться за свои продѣлки.

Я молча взялъ пятерыхъ изъ нихъ и сунулъ въ карманъ сюртука, шестого-же, осторожно поднявъ двумя пальцами за спину, поднесъ ко рту, сдѣлалъ страшное лицо и защелкалъ зубами, какъ-бы собираясь съѣсть его.

Толпа испустила крикъ ужаса и замерла въ ожиданіи...

Я-же, не торопясь, полѣзъ въ карманъ, вынулъ перочинный ножикъ, открылъ его и сдѣлалъ видъ, что собираюсь перерѣзать горло своему маленькому врагу, который неистово кричалъ и метался въ моей рукѣ.

Тутъ ужъ не только народъ, но и солдаты и даже самъ полковникъ пришли въ сильное безпокойство.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не мой неожиданный маневръ: вмѣсто того, чтобы перерѣзать горло своему врагу, я однимъ ударомъ ножа освободилъ его отъ веревокъ и поставилъ на землю.

Почувствовавъ свободу, маленькій забіяка, еще не оправившись отъ испуга и не вполне понимая въ чемъ дѣло, пустился отъ меня улепетывать.

Затѣмъ я освободилъ остальныхъ своихъ плѣнниковъ, поочереды вынимая ихъ изъ кармана.

Мой великодушный поступокъ привелъ толпу въ неопиcуемый восторгъ. Прeжнее недовольство и злоба совершенно исчезли, и замѣнились добрымъ расположеніемъ.

Я совершенно не предполагалъ, что это, на мой взглядъ незначительное событіе такъ рѣзко измѣнить отношеніе ко мнѣ маленькаго народа и даже въ послѣдствіи окажетъ мнѣ немалую услугу.

Въ этотъ день въ столицѣ только и было разговора, что о добротѣ и благородствѣ Человѣка-Горы.

Между тѣмъ наступила ночь. Нужно было подумать объ отдыхѣ.

Я вползъ въ свое жилище и оглядѣлся кругомъ. Темно, сыро, холодно...

Приходилось спать на голой землѣ.

Опять чувство одиночества и тоски охватило меня...

Но дѣлать нечего, приходилось мириться съ обстоятельствами.

Такихъ ночей мнѣ пришлось провести еще не мало, хотя, по повелѣнію короля, сразу было приступлено къ изготовленію моей постели, но вѣдь это было дѣломъ не легкимъ. Въ особенности много возни было съ матрацемъ: привезли шестьсотъ обыкновенныхъ матрацевъ и сшили ихъ по полтора-ста вмѣстѣ, такимъ образомъ получились четыре матраца годныхъ для меня по длинѣ и ширинѣ; затѣмъ эти матрацы сложили одинъ на другой и втащили въ мое жилище. Такимъ-же способомъ были приготовлены подушки и простыни.

Матрацъ былъ очень тонокъ и жестокъ, но онъ давалъ возможность не спать на голой землѣ, что мнѣ съ непривычки причиняло большое страданіе.

Такъ проходилъ день за днемъ.

Я продолжалъ вести жизнь плѣнника: пилъ, ѣлъ и прогуливался около своего жилища, насколько позволяли цѣпи, прикованныя къ ногѣ.

Такая жизнь полная бездѣлья, начинала уже тяготить меня. Особенно неприятно дѣйствовала на меня толпа любопытныхъ, которая нисколько не уменьшалась, а наоборотъ, съ каждымъ днемъ все увеличивалась.

За то жизнь этой крохотной страны меня очень интересовала. Мнѣ хотѣлось изучить нравы, обычаи, управленіе. Но что я могъ сдѣлать, не зная лиллипутскаго языка?

И вотъ я рѣшилъ, какъ можно скорѣе заняться изученіемъ его, и съ этой просьбой обратился къ его величеству. Король, всегда очень внимательно относившійся ко мнѣ, прислалъ тотчасъ-же шестерыхъ самыхъ извѣстныхъ придворныхъ ученыхъ, съ которыми я и приступилъ къ дѣлу.

Обученіе велось такимъ образомъ: они показывали мнѣ какой-либо предметъ или его изображеніе и говорили названіе, которое я повторялъ до тѣхъ поръ, пока не запоминалъ; или же поступали такъ — производили какое нибудь дѣйствіе и называли его.

Память у меня была недурная, и потому я быстро все усваивалъ. Этому же помогало сильное желаніе, а кромѣ того красота и простота языка. Когда-же мнѣ удалось раздобыть карандашъ, и я началъ записывать слова, то ученіе пошло еще успѣшнѣе. Мои учителя отъ изумленія только покачивали головами.

Я цѣликомъ погрузился въ свои занятія и не замѣчалъ ничего окружающаго. А между тѣмъ жизнь въ Лиллипутіи съ моимъ появленіемъ совершенно выбилась изъ колеи.

Народъ, покинувъ свои обычные занятія, спѣшилъ въ столицу посмотреть небывалое чудовище. Ъхали богачи, шли толпами со всѣхъ сторонъ бѣдняки.

Всѣ поля и нивы опустѣли.

Народъ, всегда такой трудолюбивый, побросалъ всѣ дѣла, ничѣмъ другимъ не интересовался и ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ только о появленіи въ ихъ странѣ невиданнаго чуда, Человѣка-Горы — эта кличка уже окончательно упрочилась за мною.

Такое положеніе дѣлъ начинало уже грозить странѣ разореніемъ, тѣмъ болѣе что въ это время созрѣли всѣ хлѣба и нужно было приступить къ уборкѣ.

Тяжелыя колосья падали на землю, осыпались...

А народъ, точно обезумѣвъ, не обращалъ на это никакого вниманія и бѣжалъ въ столицу.

Вслѣдствіе страшнаго скопленія народа, въ столицѣ не хватало съѣстныхъ припасовъ, многимъ приходилось голодать. Кромѣ того, начали появляться разные болѣзни, число заболѣвающихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Король, всегда такой спокойный и находчивый, тутъ даже голову потерялъ. — Что дѣлать? Какъ предотвратить надвигающіяся бѣдствія?

Съ одной стороны, нельзя запретить народу смотрѣть на чудо, которое не только никто никогда не видывалъ, но и не слыхивалъ о немъ, — эта крутая мѣра могла вызвать въ народѣ недовольство и даже бунтъ, — а этого король очень боялся; съ другой-же, — нельзя было оставлять дѣло и въ такомъ положеніи.

Долго думалъ король...

Наконецъ обычная его мудрость пришла къ нему на помощь: онъ издалъ указъ, въ которомъ строжайше запрещалось смотрѣть на Человѣка-Гору болѣе одного раза. Всѣмъ, уже видѣвшимъ меня, приказывалось вернуться по домамъ и приступить къ своимъ повседневнымъ занятіямъ.

Такъ мудрый король своимъ словомъ и на этотъ разъ вывелъ страну изъ опаснаго положенія.

Указъ сразу же подѣйствовалъ и толпы зѣвакъ потянулись отъ столицы къ своимъ домамъ, дороги опять закишѣли народомъ.

Теперь королю предстояло рѣшеніе еще одного не менѣ важнаго вопроса: что-же дѣлать со мною?

Тутъ уже король не рѣшился предпринимать что-либо самъ, а собралъ совѣтъ министровъ, чтобы сообща съ нимъ окончательно распорядиться моею судьбою.

Засѣданіе длилось довольно долго, спорамъ не было конца; голоса раздѣлились и долго не могли притти ни къ какому соглашенію. Одна половина требовала немедленно моей казни, указывая на то, что мое содержаніе слишкомъ дорого будетъ обходиться странѣ и въ концѣ концовъ доведетъ ее до разоренія. Въ доказательство приводили, что съ моимъ появленіемъ въ самый непродолжительный срокъ появились толпы голодныхъ.

Боялись они еще и того, что въ одинъ прекрасный день я вырвусь на свободу, перейду на сторону ихъ враговъ, Блефусканцевъ, которые живутъ черезъ проливъ, и съ ихъ помощью уничтожу страну.

Кромѣ этихъ главныхъ было много еще и мелкихъ доводовъ; но всѣ они сводились къ одному — не медля ни минуты лишить меня жизни.

Противники-же ихъ, въ числѣ которыхъ находились всѣ лица, расположенныя ко мнѣ, возражали на это, что они считаютъ безчестнымъ и преступнымъ лишать жизни человѣка, который не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла, а въ честности и благородствѣ котораго всѣ уже могли убѣдиться. Выставляли на видъ собранію, что въ случаѣ исполненія надо мною смертнаго приговора, могутъ появиться всевозможныя осложненія, такъ какъ некуда будетъ дѣть мой трупъ, а разложеніе такого колоссальнаго тѣла несомнѣнно вызоветъ рядъ болѣзней не только въ столицѣ, но и во всемъ государствѣ. Изгнаніе-же можетъ возбудить мой гнѣвъ.

Итакъ, по ихъ мнѣнію, выходъ былъ одинъ: оставить меня въ прежнемъ положеніи и постараться хорошимъ отношеніемъ заслужить мое полное расположеніе, которое можетъ пригодиться во всякое время. (Всѣ подробности этого засѣданія я узналъ въ послѣдствіи отъ одного близкаго мнѣ лица).

Не смотря на убѣдительность послѣднихъ доводовъ, противники стояли на своемъ и споры продолжались.

Но вотъ выступилъ на средину залы министръ Гурго. Онъ славился по всей странѣ, какъ хорошій ораторъ.

Споры притихли. Всѣ стали ждать его мудраго слова.

Говорилъ онъ долго и горячо... Доказывалъ собранію, какъ неправо оно, намѣреваясь лишить жизни невиннаго человѣка, указывалъ на то, что до сихъ поръ въ ихъ странѣ не совершалось такого злодѣянія, что она далеко вокругъ служила примѣромъ справедливости и милосердія. Выставлялъ на видъ всѣ мои достоинства и наконецъ напомнилъ собранію о моемъ великодушномъ поступкѣ съ шестью плѣнниками. Рассказывая объ этомъ, онъ такъ расчувствовался, что даже прослезился...

Его рѣчь произвела на собраніе сильное впечатлѣніе; большинство противниковъ сразу-же перешло на мою сторону. Было, конечно, нѣсколько министровъ, которые упорно стояли на своемъ, но съ ихъ мнѣніемъ уже не считались.

Рѣшено было оставить меня въ живыхъ, обязать ближайшія деревни каждое утро поставлять мнѣ по шести быковъ, сорока барановъ и прочую провизію, нужную для стола: хлѣбъ, вино и т. д.

Всѣ эти расходы король бралъ на себя; кромѣ того въ услуженіе мнѣ пазначалось шестьсотъ человѣкъ, для которыхъ рѣшили поставить палатки

около моего жилища. Рѣшено было заняться усиленнымъ обученіемъ меня лиллипутскому языку и сшить мнѣ платье придворнаго покроя.

Въ то время, какъ во дворцѣ рѣшалась моя участь, я, ничего не подозрѣвая, предавался своимъ занятіямъ и сдѣлалъ немалые успѣхи.

Когда его величество снова посѣтилъ меня я уже свободно могъ объясняться съ нимъ; первыя слова, съ которыми я обратился къ нему, выражали просьбу оказать мнѣ милость и освободить меня.

Король отвѣтилъ, что теперь этого никакъ нельзя сдѣлать, но что впослѣдствіи, если я заслужу, то государственнѣйшій совѣтъ можетъ мнѣ даровать свободу, но не ранѣе, чѣмъ я дамъ обѣщаніе сохранять вѣчный миръ съ королемъ и его страной.

Король просилъ меня не обижаться на него за отказъ, а затѣмъ очень осторожно и деликатно повелѣлъ рѣчь о томъ, что онъ очень-бы желалъ произвести осмотръ моихъ вещей, такъ какъ среди нихъ могло находиться и оружіе, которое, судя по моему росту, должно представлять большую опасность.

Я, чтобы успокоить его величество, тотчасъ-же началъ выворачивать свои карманы, но король быстрымъ движеніемъ остановилъ меня и объяснилъ, что по законамъ ихъ страны, обыскъ могутъ производить только особые чиновники, которыхъ онъ, зная мою честность и благородство, вручить мнѣ безъ всякаго опасенія.

Король обѣщалъ мнѣ сберечь всѣ найденныя у меня вещи и вернуть ихъ въ цѣлости и сохранности въ тотъ моментъ, когда я буду покидать страну, или-же, если я того пожелаю, уплатить за нихъ ту сумму, которую я самъ назначу.

Вслѣдъ за этимъ были позваны два чиновника.

Они тотчасъ-же появились съ озабоченными ли-

цами, съ большими свертками чистой бумаги подъ мышками и съ перьями въ рукахъ.

Душевное состояніе ихъ, конечно, не вполне соотвѣтствовало внѣшнему виду: какъ ни какъ, вѣдь приходилось имѣть дѣло съ великаномъ, да еще какое дѣло-то? — производить обыскъ, отбирать вещи. А ну, какъ онъ разсердится?

Но обязанности свои маленькій народецъ привыкъ исполнять свято, въ особенности, когда дѣло касалось государства и короля. Тутъ уже не приходилось думать о себѣ. И маленькіе чиновники съ храбрымъ видомъ подошли ко мнѣ.

Я взялъ ихъ обоихъ въ одну руку, положилъ сначала въ карманъ сюртука, затѣмъ поочереди сажалъ во всѣ другіе, кромѣ одного потайного, гдѣ у меня хранились очки, карманная подзорная трубка и кое-какіе инструменты необходимые для доктора. Эти вещи я счелъ вправѣ оставить у себя, такъ какъ они для короля не имѣли никакого значенія, а мнѣ могли понадобится каждую минуту.

Обыскъ длился довольно долго. Затѣмъ чиновники составили подробную опись всего найденнаго у меня.

Вотъ эта опись, переведенная впоследствии мною слово въ слово съ языка лиллипутовъ:

1). «Въ правомъ карманѣ великаго Человѣка-Горы, послѣ тщательнаго осмотра, мы нашли огромный кусокъ толстаго холста, который по своимъ размѣрамъ могъ-бы служить ковромъ для главной парадной залы вашего величества (*носовой платокъ*).

2). Въ лѣвомъ карманѣ мы увидѣли громадный серебряный сундукъ съ крышкой изъ того-же металла, которую мы, чиновники, не могли поднять. Когда-же, по нашему требованію, сундукъ былъ открытъ и одинъ изъ насъ влѣзъ туда, то онъ по колѣни погрузился въ какой-то ѣдкій порошокъ, часть котораго, поднявшись на воздухъ, обдала лицо и заставила насъ обоихъ много разъ громко и сильно

И маленькіе чиновники съ храбрымъ видомъ
подошли ко мнѣ.

чихать (*серебряная табакерка съ нюхательнымъ табакомъ*).

3). Въ правомъ карманѣ куртки мы нашли громадную кипу бѣлыхъ тонкихъ листовъ, сложенныхъ одинъ на другой. Эта кipa толщиною въ три человѣческихъ обхвата, перевязана какой-то прыгающей веревкой, листы испещрены какими-то черными знаками, изъ которыхъ каждый по величинѣ равняется нашей ладони. Мы предполагаемъ, что это суть ни что иное какъ письмо (*записная книжка съ резинкой*).

4). Въ лѣвомъ карманѣ мы нашли какой-то костяной снарядъ, къ внѣшней сторонѣ котораго прикрѣплены двадцать длинныхъ жердей, напоминающихъ рѣшетку передъ дворцомъ вашего величества, по нашему предположенію этотъ снарядъ служить Человѣку-Горѣ для расчесыванія волосъ. Повторяемъ еще разъ, что это только наше предположеніе; мы старались избѣгать всякихъ разспросовъ, такъ какъ намъ было очень трудно объясняться съ нимъ (*гребенка*).

5). Въ большомъ карманѣ праваго мѣшка (такъ они называли штаны) мы увидѣли пустой желѣзный столбъ, длиною въ ростъ нормальнаго человѣка, прикрѣпленный къ крѣпкому куску дерева, которое гораздо толще самаго столба; съ одной стороны столба вдѣланы большіе выпуклые куски желѣза, весьма странной формы. Подобная-же машина найдена и въ лѣвомъ мѣшкѣ (*два пистолета*).

6). Въ меньшемъ карманѣ находилось очень много гладкихъ круглыхъ пластинокъ изъ бѣлаго и желтаго металла, различной величины; бѣлыя пластинки очень похожи на серебро и такъ велики и тяжелы, что мы вдвоемъ едва могли поднять каждую изъ нихъ (*мѣдныя и серебряныя монеты*).

7). Въ другомъ меньшемъ карманѣ мы нашли двѣ какихъ-то странныхъ машины, внутри которыхъ находились огромныя пластины изъ стали;

полагая, что тамъ заключены какія-либо опасныя орудія, мы предъявили Человѣку-Горѣ требованіе объяснить ихъ употребленіе. Вынувъ обѣ машины изъ футляровъ, онъ сказалъ, что въ его странѣ одною изъ нихъ брѣютъ бороду, а другою рѣжутъ мясо (*бритва и ножъ*).

8) Кромѣ того на Человѣкъ-Горѣ мы нашли еще два кармана, куда не могли войти, такъ какъ они были сдавлены его животомъ. Эти карманы онъ называлъ жилетными. На днѣ перваго кармана находилась удивительная машина, отъ которой наружу спускалась серебряная цѣпь. Мы приказали ее вынуть. Машина эта имѣла видъ шара. Одна его половина сдѣлана изъ серебра, а другая изъ какого-то прозрачнаго вещества. Когда мы, замѣтивъ на прозрачной сторонѣ шара какіе-то странные знаки, расположенные въ видѣ круга, попробовали притронуться къ нимъ пальцемъ, то палецъ остановился, упираясь въ это твердое прозрачное вещество. Когда Человѣкъ-Гора прикладывалъ эту машину къ нашимъ ушамъ, былъ слышенъ непрерывный шумъ, похожій на шумъ колесъ водяной мельницы. Этотъ шумъ производило само чудовище, сидѣвшее внутри. Его самого намъ не удалось посмотрѣть, но судя по двумъ страшнымъ лапамъ, которыя непрерывно двигались одна за другой, можно судить объ его ужасномъ видѣ. По нашему предположенію чудовище это — есть божество, обожжаемое Человѣкомъ-Горой. Онъ самъ подтвердилъ это, сказавъ, если мы правильно его поняли, что не начинаетъ ни одного дѣла не посоветовавшись прежде съ нимъ. Онъ называетъ его своимъ оракуломъ, который указываетъ время каждаго шага его жизни (*часы*).

9). Изъ лѣваго жилетнаго кармана Человѣкъ-Гора вынулъ сѣть, почти такой-же величины, какъ и рыболовная, но устроена она такъ, что можетъ открываться и закрываться. Эта сѣть служить ему

кошелькомъ. Въ ней мы нашли нѣсколько большихъ кусковъ желтаго металла, если это золото, то оно имѣетъ громадную цѣнность.

Затѣмъ мы перешли къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и открыли слѣдующее: на Человѣкъ-Горѣ находится поясъ, сдѣланный изъ кожи какого-то гигантскаго животного. На этомъ поясѣ виситъ съ лѣвой стороны шпага — длиною въ пять разъ болѣе роста обыкновеннаго человѣка, а съ правой сумка или карманъ, раздѣленный на два отдѣленія, изъ коихъ въ каждомъ можно свободно помѣстить трехъ подданныхъ вашего величества. Въ одномъ отдѣленіи сумки мы нашли множество шаровъ изъ самаго тяжелаго металла; по величинѣ этотъ шаръ равняется нашей головѣ, въ другомъ-же цѣлую массу какихъ-то крупныхъ черныхъ зеренъ (*пули и порохъ*).

Такова точная опись всего, что найдено нами при обыскѣ Человѣка-Горы. Во время обыска онъ держалъ себя вѣжливо и съ должнымъ почтеніемъ, какое подобаетъ оказывать чиновникамъ вашего величества.

Скрѣплено подписью съ приложеніемъ печати, въ восемьдесятъ девятую луну благополучнаго царствованія вашего величества.

Чиновники его королевскаго величества
короля Лиллипутіи

Клефринъ Фрелонъ.

Морзи Фрелонъ».

Когда была прочитана эта опись, то король хотя и очень деликатно, но всетаки потребовалъ, чтобы я отдалъ нѣкоторыя вещи.

Больше всего его беспокоила моя шпага: вѣдь я могъ ею въ одинъ мигъ уничтожить весь его народъ.

Но прежде, чѣмъ попросить меня обнажить шпагу, онъ приказалъ тремъ тысячамъ отборнаго войска,

которое въ этотъ день составляло его конвой, окружить меня на извѣстномъ разстояніи и держать лукъ и стрѣлы наготовѣ.

Я конечно ничего этого и не замѣтилъ и по первой просьбѣ короля вынулъ саблю изъ ноженъ.

Всѣ солдаты закричали отъ изумленія и ужаса, многіе изъ нихъ попадали на землю; его величество, этотъ храбрѣйшій изъ королей, также едва устоялъ на ногахъ, но страха своего все-таки не выдалъ.

Я же, поднявъ саблю высоко надъ головою, съ воинственнымъ видомъ размахивалъ ею изъ стороны въ сторону.

Сталь блестѣла, отражая яркіе солнечные лучи и ослѣпляла карликовъ, которые въ ужасѣ копошились у моихъ ногъ и теперь имѣли особенно жалкій и безпомощный видъ.

Король, скоро пришедшій въ себя, приказалъ мнѣ вложить шпагу въ ножны и осторожно отбросить ее отъ себя на далекое разстояніе.

Затѣмъ онъ потребовалъ показать пустой желѣзный столбъ и объяснить его употребленіе.

Я не спѣша вынулъ пистолетъ, порохъ, который благодаря хорошей закупкѣ не пострадалъ во время плаванія, и зарядилъ холостымъ зарядомъ.

Грянулъ выстрѣлъ...

Тутъ произошло нѣчто ужасное.

Сотни человѣкъ, оглушенные и пораженные ужасомъ, замертво попадали на землю. Лошади взбѣсились, ржали и галопомъ носились по площади. Шумъ стоялъ невообразимый.

Я самъ страшно перетрусилъ, хотя вначалѣ мнѣ очень хотѣлось попугать немного этихъ храбрыхъ воиновъ.

Короля-же даже и тутъ не покинуло его обычное мужество и мнѣ пришлось сейчасъ-же отдать ему это страшное оружіе вмѣстѣ съ пулями и порохомъ.

Съ большой осторожностью всѣ эти предметы были сложены въ одну кучу.

Я предупредилъ короля, чтобы съ порохомъ обращались какъ можно осторожнѣе и держали его подальше отъ огня, такъ какъ отъ малѣйшей искры онъ можетъ воспламениться и взорвать на воздухъ весь дворецъ.

Послѣ моего сообщенія страхъ къ этимъ смертоноснымъ орудіямъ еще увеличился. Король не зналъ что съ ними дѣлать и только послѣ совѣщанія съ придворными рѣшено было отправить ихъ въ арсеналь.

Наконецъ дошла очередь и до часовъ.

Объ этой странной машинѣ было уже немало толковъ.

Король, конечно, не былъ согласенъ съ мнѣніемъ своихъ чиновниковъ, которые считали ее божествомъ, но тѣмъ не менѣе относился къ ней съ большимъ почтеніемъ.

Какъ только эта таинственная машина очутилась передъ нимъ, онъ сейчасъ-же приказалъ собрать всѣхъ ученыхъ столицы, чтобы они немедленно занялись подробнымъ разсмотрѣніемъ ея и вынесли свое рѣшеніе.

Ждать пришлось недолго; нѣкоторое волненіе въ заднихъ рядахъ войска извѣстило объ ихъ приближеніи.

Дѣйствительно вскорѣ показались и сами ученые мужи.

Король приподнялъ шляпу и отвѣсилъ имъ низкій поклонъ. Мнѣ-же пришлось собрать всѣ свои силы, чтобы удержаться отъ смѣха, настолько потѣшный видъ былъ у этихъ ученыхъ: съ ногъ до головы они были обвѣшаны какими-то трубками и всевозможными инструментами и сумками, а у нѣкоторыхъ все платье было покрыто карманами, изъ которыхъ торчали книги и свертки бумаги; лица важныя, серьезные.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ королемъ, они принялись за дѣло: обступили эту странную машину со всѣхъ сторонъ, выстукивали, выслушивали, измѣряли, разсматривали во всевозможныя трубки, спорили и опять принимались за работу. Это ученое изслѣдованіе продолжалось довольно долго.

Король, уже давно потерявшій терпѣніе, прохаживался около нихъ. Но ученые все еще вели свои споры и не могли притти ни къ какому общему рѣшенію.

Чтобы не терять напрасно времени, рѣшено было приступить къ дальнѣйшему осмотру вещей, изъ которыхъ ни одна больше не внушала опасенія; всѣ онѣ, за исключеніемъ страшныхъ орудій, отправленныхъ въ арсеналъ, были возвращены мнѣ вмѣстѣ съ часами, относительно которыхъ ученые такъ и не смогли ничего сказать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тяжела была мнѣ эта подневольная жизнь. Моя душа просила простора, дѣятельности, новыхъ впечатлѣній...

Прежде мнѣ казалось тѣснымъ даже свое отечество: не смотря на всю мою любовь къ родинѣ, женѣ и дѣтямъ, я не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ, меня постоянно тянуло вдаль.

Тутъ-же приходилось вести жизнь настоящаго плѣнника; въ особенности раздражали меня цѣпи, которыя позволяли мнѣ отойти отъ жилища только на нѣсколько шаговъ.

Ужъ не знаю, вынесъ-ли бы я эту подневольную жизнь, еслибы не надежда на скорое освобожденіе. Думаю, что врядъ-ли.

Единственно, что поддерживало меня, — такъ это обѣщаніе короля освободить меня сразу-же, какъ только я заслужу это хорошимъ поведеніемъ. По-

нѣтно, что я всѣ свои силы направилъ на то, чтобы вызвать къ себѣ довѣріе короля, двора и народа. Для этого мнѣ не приходилось дѣлать особыхъ усилій, такъ какъ маленькій народецъ съ каждымъ днемъ мнѣ все больше и больше нравился, а кромѣ того, по природѣ своей, я былъ человѣкомъ не злопамятнымъ, старался всякія недоразумѣнія поскорѣе улаживать и жить въ мирѣ со всѣми окружающими.

Лиллипуты, въ свою очередь, вѣроятно, замѣтивъ мое расположеніе къ нимъ, совершенно измѣнили свое отношеніе.

Прежняго недовольства какъ не бывало, мы стали настоящими друзьями.

Каждый день вечеромъ, покончивъ съ дневными занятіями, собирались они къ моему жилищу. Я обыкновенно или садился на землю или ложился; они-же взбирались на меня, усаживались поудобнѣе и начинались безконечные разговоры.

Я уже довольно свободно говорилъ на языкѣ лиллипутовъ, и могъ сколько угодно удовлетворять свое любопытство относительно жизни этой крохотной страны.

Лиллипуты-же, очень любившіе и свое отечество и свой народъ, способны были говорить о немъ, неумолкая, цѣлыми часами. Съ гордостью описывали они жизнь своей страны и государственное управленіе, къ своему-же королю относились прямо таки съ благоговѣніемъ.

Иногда они спрашивали и меня про мою далекую родину. Я, конечно, удовлетворялъ ихъ любопытство, но всѣ мои рассказы казались имъ настолько невѣроятными, что они считали ихъ скорѣе сказкой, чѣмъ дѣйствительностью.

Но кто особенно полюбилъ меня, такъ это дѣтишки. Цѣлыми днями они вертѣлись около моего жилища, безцеремонно влѣзали на меня, танцовали

на моихъ ладоняхъ, играли въ прятки въ моихъ волосахъ, забирались въ карманы, кричали, аукались.

Я всегда любилъ дѣтей, но тутъ особенно привязался къ моимъ маленькимъ «букашечкамъ», какъ я называлъ ихъ въ минуты нѣжности и, вѣроятно, безъ нихъ дни показались-бы мнѣ гораздо длиннѣе и жизнь несравненно тяжелѣе.

Съ королемъ у меня такъ-же наладились ве-локолѣпныя отношенія. Его величество часто посѣщалъ меня и подолгу бесѣдовалъ. При каждомъ удобномъ случаѣ я старался напомнить королю объ его общаніи. Онъ всегда благосклонно меня выслушивалъ, но опредѣленнаго отвѣта не давалъ. Это упорное уклоненіе отъ прямого отвѣта въ концѣ концовъ начало смущать меня.

Вѣдь мое поведеніе было безупречно. Отчего же король медлитъ? — вотъ вопросъ, который не давалъ мнѣ покоя.

Чтобы еще больше расположить къ себѣ короля я придумалъ развлеченіе, которое привело въ восторгъ и его величество и всѣхъ придворныхъ.

Для выполненія моего плана необходимо было достать десятка полтора бревенъ; я обратился съ этою просьбою ко двору и на другой-же день рано утромъ все требуемое было доставлено къ моему жилищу.

Я немедленно засѣлъ за работу: выбралъ девять самыхъ большихъ бревенъ, которыя по толщинѣ равнялись едва-ли нашей обыкновенной тросточкѣ, заострилъ ихъ съ одного конца и вбилъ въ землю въ видѣ четырехугольника; на эти колья я туго натянулъ носовой платокъ, образовавъ такимъ образомъ площадку, съ боковъ которой построилъ нѣчто вродѣ перилъ.

Когда все было готово, я послалъ королю и всѣмъ придворнымъ приглашенія, обѣщая имъ маленькое развлеченіе.

Король, конечно, не замедлилъ явиться и, какъ

всегда, въ сопровожденіи двора и довольно многочисленнаго войска.

Я попросилъ его величество отрядить двадцать четыре лучшихъ кавалериста для упражненій на устроенномъ мною помостѣ.

Когда они приблизились ко мнѣ, я поднялъ поочередіи каждаго изъ нихъ и поставилъ на площадку. Вначалѣ среди нихъ замѣчалось нѣкоторое волненіе, но затѣмъ, быстро придя въ себя, они раздѣлились на два отряда и началось примѣрное сраженіе. Одинъ изъ отрядовъ обратилъ своего противника въ бѣгство, осыпавъ его градомъ тупыхъ стрѣлъ. Преслѣдованіе велось по всѣмъ правиламъ искусства; въ концѣ концовъ враждебныя стороны съ обнаженными шпагами вступили въ рукопашный бой. Король былъ въ восторгѣ. Кавалерія составляла гордость его арміи: онъ самъ слѣдилъ за ея обученіемъ.

Когда первая смѣна утомилась, на помостъ были подняты слѣдующіе двадцать гвардейцевъ и маневры начались снова. Такъ длилось до поздняго вечера.

Уѣзжая, король просилъ меня и на другой день устроить такое-же увеселеніе.

Я конечно ничего не имѣлъ противъ, такъ какъ эти военныя забавы нѣсколько развлекали меня, а кромѣ того, я питалъ надежду, благодаря имъ, получить свободу въ самомъ непродолжительномъ времени.

Эти шуточные сраженія длились нѣсколько дней подрядъ и однажды самъ король пожелалъ принять въ нихъ участіе.

Хотя я и опасался за прочность своего носового платка, но тѣмъ не менѣе принужденъ былъ поднять короля, боясь отказомъ повредить себѣ.

Королева тоже захотѣла поближе посмотреть на эти увеселенія. Я поставилъ ее на свою ладонь и поднесъ къ самому краю площадки.

Къ счастью для меня эти маневры прошли благополучно; одинъ только разъ лошадь подъ капитаномъ, разгорячившись, пробила копытомъ дыру въ носовомъ платкѣ и, споткнувшись, упала.

Капитанъ отдѣлался легкимъ испугомъ, лошадь-же переломила себѣ ногу.

Среди всадниковъ произошло нѣкоторое замѣшательство, но я быстро успокоилъ всѣхъ: заткнувъ дыру снизу пальцемъ, снялъ кавалеристовъ на землю.

Носовой платокъ мнѣ удалось починить, увеселенія-же эти во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, которые могли мнѣ сильно повредить, рѣшилъ окончательно прекратить, тѣмъ болѣе, что и цѣль была достигнута: король всецѣло былъ на моей сторонѣ.

Теперь я уже твердо надѣялся въ скоромъ времени получить свободу. И дѣйствительно, при дворѣ уже велись по этому поводу совѣщанія.

Въ это время случилось еще одно интересное событіе. Однажды, во время засѣданія государственнаго совѣта, ко двору прискакалъ курьеръ на взмыленной лошади съ очень важнымъ сообщеніемъ.

Оказалось, что на берегу моря, недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ найденъ я, нѣсколько всадниковъ, отправившихся на прогулку, замѣтили какое-то странное тѣло громаднхъ размѣровъ.

Предполагая, что это какое нибудь гигантское животное, они долго наблюдали его издали, не рѣшаясь приблизиться.

Прошло нѣсколько часовъ, а животное не подавало никакихъ признаковъ жизни.

Подѣхавъ поближе, храбрецы начали пугать его криками и даже пустили нѣсколько стрѣлъ. Ничто не помогало, тѣло оставалось въ прежнемъ положеніи.

Видя это всадники слѣзли съ коней и занялись его изслѣдованіемъ: обходили его со всѣхъ сторонъ, тыкали пиками въ бока, строили всевозможныя пред-

положенія. По словамъ курьера, тѣло было чернаго цвѣта, по величинѣ равнялось королевской спальнѣ и имѣло очень странную форму: края были распростерты на землѣ, середина приподнималась приблизительно на ростъ человѣческой. Когда-же всалники взобрались на вершину его и постучали, то убѣдились, что оно въ срединѣ пусто.

Въ заключеніе курьеръ прибавилъ: «Ваше Величество, нашедшіе предполагаютъ, что это загадочное тѣло принадлежитъ Человѣку - Гора и ждутъ повелѣнія Вашего, чтобы немедленно доставить его въ столицу».

Король выслушалъ курьера, но прежде чѣмъ давать какое-либо распоряженіе, направилъ его ко мнѣ съ извѣстіемъ о находкѣ.

Я сразу-же догадался, что рѣчь идетъ о моей шляпѣ, и очень обрадовался.

Тутъ только я вспомнилъ, что когда, сидя въ лодкѣ, я боролся съ бушующими волнами, то, чтобы шляпу не снесло вѣтромъ, я крѣпко накрѣпко привязалъ ее шнуркомъ и нахлобучилъ на уши. Выйдя же на берегъ, я былъ такъ возбужденъ и разстроенъ, что совершенно не замѣтилъ, какъ она свалилась у меня съ головы и хватился ее только на другое утро, когда связанный лежалъ на землѣ, и солнце немилосердно пекло мнѣ голову. Я смутно помнилъ о происшедшемъ со мною наканунѣ и рѣшилъ, что потерялъ шляпу въ морѣ.

Живя въ Лиллипутіи, я не разъ вспоминалъ о ней, но что-же было дѣлать, приходилось мириться со всевозможными лишеніями.

Выслушавъ пріятное извѣстіе, я немедленно отправилъ курьера обратно, съ просьбою доставить мнѣ какъ можно скорѣе найденную вещь, которая есть ничто иное, какъ моя шляпа.

На другой день утромъ, сидя около своего

жилища, я замѣтилъ какое-то странное шествіе, медленно подвигавшееся по направленію къ площади.

Вглядѣвшись попристальнѣе, я узналъ свою шляпу и обрадовался; но затѣмъ испугъ наполнилъ всю мою душу: дѣло въ томъ, что карлики для перевозки ея употребили очень странный способъ.

За ея края были зацѣплены крючки, отъ которыхъ шли веревки, привязанныя къ сбруямъ пяти лошадей; на этихъ лошадяхъ мирно возсѣдали маленькіе человѣчки и погоняли ихъ, а моя несчастная шляпа волочилась по землѣ отъ самаго берега моря.

Можно вообразить, въ какомъ жалкомъ состояніи она должна была достаться мнѣ.

Я уже конечно не надѣялся, что ее можно будетъ надѣть на голову, и не мало дивился, увидѣвъ, что она пострадала очень мало. На мое счастье почва здѣсь представляетъ гладкую поверхность.

Спустя дня два послѣ описаннаго мною событія, король вдругъ отдалъ приказъ всей арміи, расположенной въ столицѣ и ея окрестностяхъ, собраться въ условное мѣсто и быть наготовѣ.

Полковники недоумѣвали. Въ странѣ царило полное спокойствіе, для чего же такой необычайный сборъ войскъ? Король же хранилъ глубокое молчаніе: онъ готовилъ себѣ и своимъ солдатамъ довольно странное развлеченіе.

Наканунѣ вечеромъ онъ былъ у меня на тайномъ совѣщаніи, а на утро былъ отданъ приказъ:— всѣмъ войскамъ въ полномъ парадѣ собраться къ жилищу Человѣка - Горы.

Когда войско, подъ командой стараго опытнаго военачальника, прибыло въ назначенное мѣсто, король былъ уже тамъ вмѣстѣ со своей свитой; я же стоялъ неподвижно посреди площади, разставивъ насколько возможно ноги и хранилъ глубокое молчаніе.

Король приказалъ главнокомандующему построить

войска въ сомкнутые ряды и провести его церемониальнымъ маршемъ между моими ногами, которыя должны были изображать триумфальныя ворота.

Раздался барабанный бой, взвились знамена и войско двинулось.

Впереди шла пѣхота по двадцать четыре человека въ рядъ, за нею двигалась конница съ выставленными впередъ пиками.

Королемъ былъ отданъ приказъ, чтобы солдаты во все время этой церемоніи вели себя благопристойно, но нѣкоторые молодые офицеры, проходя подо мною, поднимали глаза и начинали между собою пересмѣиваться: ужъ очень смѣшонъ я былъ въ своей странной позѣ, сохранять которую въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мнѣ стоило не малыхъ усилій.

По окончаніи парада войско направилось по домамъ. Король, очень радостно настроенный по случаю удавшейся забавы, подошелъ ко мнѣ, чтобы лично поблагодарить и общалъ непремѣнно хлопотать объ освобожденіи.

Дѣйствительно, на другой-же день былъ собранъ совѣтъ для окончательнаго разсмотрѣнія моего дѣла. Всѣ члены совѣта очень благосклонно относились ко мнѣ и ничего не имѣли противъ моего освобожденія.

Лишь одинъ министръ Скайришъ - Болголамъ, который занималъ постъ адмирала флота и былъ любимцемъ короля, не соглашался. Онъ почему-то съ самаго перваго дня нашего знакомства почувствовалъ ко мнѣ вражду, и съ тѣхъ поръ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался повредить мнѣ.

Чѣмъ объяснялась эта непріязнь, — сказать трудно. Вѣрнѣе всего, что онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что король съ моимъ появленіемъ сталъ обращать на него меньше вниманія, а это сильно задѣвало его самолюбіе.

Вначалѣ онъ даже и слышать не хотѣлъ о моемъ освобожденіи. Когда-же совѣтъ сталъ настаивать,

... Войско двинулось.

то онъ уступилъ, но съ условіемъ, что ему будетъ поручена выработка условій, на которыхъ я выпускался.

Совѣтъ согласился.

Скайришъ - Болголамъ немедленно приступилъ къ составленію условій и, конечно, постарался включить туда пункты, которые не только были крайне стѣснительны, но иногда даже оскорбляли мое самолюбіе.

Когда условія были готовы и подписаны императоромъ, адмиралъ лично явился ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ секретарей, которые должны были мнѣ прочесть этотъ договоръ.

Онъ потребовалъ у меня присяги въ томъ, что я никогда не нарушу этихъ условій.

Я присягнулъ по обычаю своей родины, но Болголаму такая присяга показалась недостаточной и онъ заставилъ меня принести вторую — по законамъ ихъ страны.

Когда секретари объяснили мнѣ, въ чемъ заключается эта присяга, я внутренно хохоталъ, но на лицѣ хранилъ полнѣйшую серьезность, боясь оскорбить адмирала и лишиться свободы.

Церемонія состояла въ слѣдующемъ: я долженъ былъ держать свою правую ногу въ лѣвой рукѣ, средній-же палецъ правой руки положить на темя головы, а большой — на верхній конецъ праваго уха и въ такомъ положеніи стоять все время, пока читался договоръ, сохраняя при этомъ полную серьезность.

Вотъ копія условій, на которыхъ я получилъ свободу (они были въ послѣдствіи переведены мною съ языка лиллипутовъ).

«Гольбасто Маморенъ Эйлямъ Гёрдило Шефинъ Молли Оллы Гой, могущественнѣйшій король Лиллипутіи, страда и ужасъ вселенной, — король, коего владѣнія распространяются до конца земного шара;

монархъ надъ монархами, величайшій изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, монархъ, который своею стопой упирается въ центръ земли, а главою касается солнца; монархъ, который однимъ мановеніемъ руки заставляетъ дрожать земныхъ королей; монархъ — пріятный какъ весна, благодѣтельный какъ лѣто, обильный какъ осень и суровый какъ зима. Его Величество высочайше соизволилъ предложить вновь прибывшему въ его небесное государство Человѣку - Горѣ слѣдующіе пункты, которые онъ подъ торжественной присягой обязуется принять и свято исполнить:

I. Человѣкъ - Гора не имѣетъ права оставить наше государство безъ нашего на то соизволенія, даннаго съ приложеніемъ нашей большой печати.

II. Онъ не имѣетъ права входить въ нашу столицу безъ особеннаго на то разрѣшенія, при чемъ жители должны быть предупреждены за два часа впередъ, чтобы они имѣли время запереться въ домахъ.

III. Вышерѣченный Человѣкъ - Гора ограничитъ свои прогулки только большими дорогами и не долженъ гулять или ложиться на лугахъ и хлѣбныхъ поляхъ.

IV. Во время прогулокъ по означеннымъ дорогамъ онъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы не наступить на кого-нибудь изъ нашихъ любезныхъ подданныхъ, или на ихъ лошадей и телѣги; онъ не долженъ брать въ руки никого изъ обывателей, безъ ихъ на то согласія.

V. Если потребуется быстрое доставленіе курьера къ мѣсту его назначенія, то Человѣкъ - Гора обязуется разъ въ луну относить въ своемъ карманѣ курьера вмѣстѣ съ лошадыю на разстояніи шести дней пути; а если потребуется, то и доставлять означеннаго курьера здоровымъ и невредимымъ обратно къ его величеству.

VI. Вышерѣченный Человѣкъ - Гора обязуется

быть нашимъ союзникомъ противъ враждебнаго намъ острова Блефуску и обязуется употребить всѣ усилія, чтобы разрушить непріятельскій флотъ, который теперь готовится къ нападенію на нашу имперію.

VII. Вышерѣченный Человѣкъ - Гора, въ часы своего досуга, обязуется помогать и принимать участіе въ общественныхъ работахъ, поднимая особенно громадныя камни при сооруженіи стѣны нашего главнаго парка, а также при постройкѣ другихъ королевскихъ зданій.

VIII. Вышерѣченный Человѣкъ - Гора, въ теченіи двухъ лунъ, составить точную опись окружности нашего государства, для чего обойдетъ все побережье и сосчитаетъ число пройденныхъ шаговъ.

Наконецъ, подъ торжественной присягой вышерѣченный Человѣкъ - Гора обязуется въ точности соблюдать означенныя пункты и тогда онъ, Человѣкъ - Гора, будетъ получать ежедневно съѣстные припасы и напитки въ количествѣ достаточномъ для продовольствія 1724 нашихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ Человѣкъ - Гора будетъ пользоваться свободнымъ доступомъ для лицезрѣнія нашей особы и другими знаками нашего благоволенія.

Дано въ Бельфадарокъ, нашемъ дворцѣ, въ двѣнадцатый день девяносто первой луны нашего царствованія».

Правду сказать, мнѣ не особенно нравились нѣкоторые пункты, въ особенности V и VII, но желаніе получить свободу было такъ сильно, что я не только не пытался протестовать, но даже подписалъ-бы условія въ десять разъ худшія, лишь-бы сбросить эти ненавистныя цѣпи. Къ тому-же я былъ увѣренъ, что эти пункты внесены исключительно по желанію адмирала Скайришъ - Болголама.

По исполненіи всѣхъ церемоній, цѣпи наконецъ были сняты.

Вздохъ облегченія невольно вырвался изъ моей

груди и чувство радости наполнило всю мою душу, въ глазахъ заблестѣли слезы... Я упалъ ницъ передъ королемъ, желая выразить ему свою глубокую благодарность.

Короля это очень растрогало, онъ ласково велѣлъ мнѣ встать и началъ утѣшать, говоря что и онъ и всѣ его подданные любятъ меня, довѣряютъ мнѣ и надѣются найти во мнѣ защитника и помощника во всѣхъ дѣлахъ.

Въ заключеніе король прибавилъ: «я надѣюсь, что Человѣкъ - Гора не обманетъ надеждъ, которыя я на него возлагаю и не отплатитъ зломъ за всѣ милости, которыми онъ до сихъ поръ пользовался въ нашей странѣ и на которыя и впредь можетъ рассчитывать».

Я конечно постарался увѣрить короля въ своей признательности и готовности послужить ему и его народу насколько мнѣ позволятъ мои силы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наконецъ-то я получилъ давно ожидаемую свободу. Первою моею мыслью было осмотрѣть Мильдендо, столицу государства, но для этого необходимо было получить разрѣшеніе короля. Я немедленно отправилъ къ нему посланнаго съ этою просьбою и разрѣшеніе было милостиво дано.

Но прежде чѣмъ пустить меня въ городъ, король особымъ указомъ предписывалъ въ назначенный день и часъ всѣмъ жителямъ столицы убраться въ свои дома и не показываться на улицахъ. Мнѣ же строго настрого запрещалось разрушать дома или заглядывать въ нихъ, и брать кого-либо въ руки. Кромѣ того свою прогулку по столицѣ я долженъ былъ совершить съ величайшей осторожностью, все время смотря себѣ подъ ноги. За cadaго раздавленнаго лиллипута я обязанъ былъ отвѣчать.

Вотъ наконецъ наступилъ назначенный день и я, принарядившись, насколько это было конечно возможно, отправился на прогулку.

Вся столица была обнесена высокой каменной стѣной, высотой около двухъ съ половиною футовъ и такой ширины, что по ней свободно могла проѣхать повозка, запряженная парюю лошадей. Стѣна эта отличалась особою крѣпостью и имѣла форму четырехугольника, каждая сторона котораго равнялась пятистамъ футамъ; по бокамъ ея на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга были расположены высокія башни.

Я безъ труда перешагнулъ черезъ стѣну, но прежде чѣмъ двинуться дальше, осмотрѣлся кругомъ, чтобы выбрать себѣ направленіе.

Отъ воротъ, черезъ которыя я перешагнулъ, шли прямо въ середину столицы двѣ главныя, самыя широкія улицы, каждая изъ нихъ занимала около пяти футовъ. Одну-то изъ нихъ я и выбралъ.

Улица была сплошь застроена домами въ три, четыре и даже пять этажей. Домики чистенькіе хорошенькіе. Видно было, что маленький народецъ очень заботился о красотѣ своего города.

На крышахъ домовъ, на балконахъ, на окнахъ, даже слуховыхъ — вездѣ виднѣлись кучи народу.

Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ навстрѣчу мнѣ понеслись громкіе привѣтственные крики... Я смѣло шагаль впередъ. Длинные полы сюртука развѣвались во всѣ стороны, задѣвая то крышу дома, то балконъ и каждую минуту грозя или что нибудь разрушить или кого либо искалѣчить.

Я же только тогда замѣтилъ свою оплошность, когда вслѣдъ за мною, въ одномъ изъ домовъ раздался громкій пронзительный крикъ. Тутъ только увидѣлъ я, что необходимо разстаться со своимъ сюртукомъ, единственной частью одежды,

которая имѣла еще вполне сносный видъ. Пришлось вернуться обратно, снять сюртукъ и бросить его на городскую стѣну. Долженъ сознаться что видъ у меня теперь былъ не особенно приличный; всѣ утреннія старанія пропали даромъ. И не слѣдовало-бы мнѣ въ такомъ костюмѣ показываться передъ всѣмъ народомъ, но что-же дѣлать, не отказываться-же изъ-за этого отъ такой пріятной прогулки.

Придя, послѣ минутнаго раздумья, къ такому рѣшенію я опять храбро зашагалъ по улицѣ.

Привѣтствія не прекращались. Я раскланивался направо и налево, но смотрѣть по сторонамъ не приходилось, такъ какъ то и дѣло подъ ногами попадались запоздавшіе зѣваки, а я хорошо помнилъ приказъ короля.

По дорогѣ встрѣчались мнѣ хорошенькіе садики, лавки, рынки, въ особенности поражали меня послѣдніе: какое разнообразіе товаровъ, какая чистота и красота повсюду.

Попробовалъ было я свернуть въ одну изъ боковыхъ улицъ, которыя пересѣкали главную, но это мнѣ не удалось, такъ какъ эти улицы въ ширину едва-ли достигали фута. Дѣлать нечего приходилось двигаться все въ томъ-же направленіи.

Моей давнишней мечтою было осмотрѣть королевскій дворецъ. Самъ король тоже не имѣлъ ничего противъ; ему давно хотѣлось показать мнѣ всю пышность и великолѣпіе своихъ палатъ.

Дворецъ стоялъ въ самомъ центрѣ столицы, гдѣ пересѣкались главные улицы. Вокругъ него шла стѣна, высотой въ два фута, образуя большой дворъ; внутри этого двора находился цѣлый рядъ высокихъ зданій, вплотную примыкавшихъ другъ къ другу и образующихъ собою тоже четырехугольникъ; за этими зданіями находился второй дворъ, среди котораго и возвышались царскія палаты.

Я смѣло перешагнулъ стѣну, такъ какъ разрѣ-

шеніе на осмотръ дворца было мною уже заранѣе получено, и попалъ на первый дворъ, но подойти къ самому дворцу мнѣ не удалось: дѣло въ томъ, что ворота, соединявшія первый дворъ со вторымъ, были настолько малы, что я не только не могъ сквозь нихъ пройти, но даже проползти; зданія-же, окружавшія второй дворъ, достигали сажени; перешагнуть черезъ нихъ я не могъ, а перелѣзть было рискованно, хотя всѣ постройки лиллипутовъ и отличаются особой прочностью, но врядъ-ли они смогли вынести такую тяжесть, какъ я.

Побродивъ по первому двору, я прежнюю дорогою вернулся къ своему жилищу и началъ обдумывать способъ, которымъ я могъ проникнуть ко дворцу.

На другой день я получилъ отъ короля второе приглашеніе въ одинъ изъ ближайшихъ дней пожаловать во дворецъ, гдѣ будутъ происходить придворныя увеселенія.

У меня въ головѣ тотчасъ-же явилась блестящая мысль, какъ попасть во дворецъ.

Не медля ни минуты я принялся за приготовленія: отправился въ королевскій паркъ, который лежалъ въ полчаса ходьбы отъ города, и выбралъ тамъ нѣсколько самыхъ большихъ деревьевъ; срубалъ ихъ при помощи перочиннаго ножа и, взваливъ на плечи, принесъ домой.

Я рѣшилъ изъ этихъ деревьевъ сдѣлать двѣ скамеечки, вышиною фута въ три и при помощи ихъ перелѣзть черезъ зданія, окружавшія дворецъ.

Къ назначенному дню скамеечки были готовы, и я далъ знать королю, что буду непременно присутствовать на праздникѣ. Опять было объявлено, чтобы народъ не смѣлъ выплывать на улицы, а сидѣлъ по домамъ. При дворѣ-же начались приготовленія къ увеселеніямъ, до которыхъ король былъ большой охотникъ.

Получивъ извѣщеніе о томъ, что всѣ предосто-

рожности приняты, я почистившись и причесавшись, подвернул повыше полы своего сюртука, безъ котораго ко дворцу, да еще на праздникъ, было не совсѣмъ удобно являться, захватилъ подъ мышку свои скамеечки и отправился.

До перваго двора дорога была мнѣ знакома, пробраться-же на второй дворъ мнѣ помогли мои скамеечки: я поставилъ одну изъ нихъ передъ стѣной, другую-же при помощи длинной палки съ крючкомъ на концѣ, переставилъ на внутренній дворъ и такимъ образомъ, шагая со скамейки на скамейку, благополучно добрался до самаго дворца.

Окна въ среднемъ этажѣ были открыты, оттуда доносилась веселая музыка, женскій смѣхъ и мужскіе голоса.

Замѣтивъ мое приближеніе, самъ король и всѣ гости, бывшіе во дворцѣ, вышли на балконъ привѣтствовать меня. Его величество, ласково улыбаясь, протянулъ мнѣ свою руку.

Любезно раскланявшись, сначала съ дамами, а затѣмъ со всѣми присутствующими, я приблизился къ королю, легъ на землю и приложился къ милостиво протянутой ручкѣ.

Король говорилъ, что онъ очень радъ видѣть меня своимъ гостемъ, очень сожалѣлъ, что я не могу, благодаря своему росту, проникнуть въ самый дворецъ и осмотрѣть его убранство, а въ особенности поближе полюбоваться на увеселенія. Тѣмъ не менѣе онъ надѣялся, что и въ открытое окошко можно будетъ все великолѣпно слышать и видѣть.

Пригласивъ меня занять мѣсто у открытаго окна, король раскланялся и удалился въ свои покои вмѣстѣ съ гостями.

Вслѣдъ затѣмъ снова заиграла музыка.

Я подползъ вплотную къ указанному окошку и заглянулъ въ него: убранство главпой залы дворца было дѣйствительно роскошное, всюду блестѣло золото, хрусталь, драгоценные камни. Мнѣ въ пер-

вую минуту показалось, что я попалъ въ царство сказочныхъ гномовъ, про которыхъ въ дѣтствѣ слышалъ много разсказовъ отъ своей старой няни. Только здѣсь, вмѣсто уродливыхъ карликовъ съ длинными сѣдыми бородами, злыми лицами и трясущимися отъ жадности руками, передо мною были богато разодѣтые сановники, совѣтники его величества, не менѣе пышно одѣтые гости и дамы, блиставшія красотою своихъ нарядовъ.

Пока я занимался разсматриваніемъ присутствующихъ, приготовленія окончились и приступили къ увеселеніямъ.

Характеръ ихъ немного удивилъ меня. Слыша музыку и видя разряженныхъ гостей, я, естественно, ждалъ танцевъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я замѣтилъ посреди зала цѣлый рядъ тонкихъ бѣлыхъ нитей, натянутыхъ на высотѣ нѣсколькихъ футовъ отъ земли. На нихъ поочереды взбирались канатные плясуны и продѣлывали, поистинѣ, удивительныя штуки.

Всѣ присутствующіе съ особымъ вниманіемъ слѣдили за этими фокусами, выражая громко то восхищеніе, то порицаніе.

Отъ министра Гурго, который почти все время праздника стоялъ около окна и бесѣдовалъ со мною, я узналъ, что это самое любимое развлеченіе не только короля и двора, но и всего народа, эти забавы помогаютъ имъ узнать и оцѣнить достойныхъ людей и привлечь ихъ къ дѣлу управленія странюю.

Дѣйствительно оказалось, что въ Лиллипутіи для занятія свободной, должности, даже самой отвѣтственной, не требовалось особаго ума, знатности происхожденія или богатства, нужно было только хорошо плясать на канатѣ.

Когда открывалась какая нибудь должность при дворѣ, король объявлялъ объ этомъ во всемъ королевствѣ, затѣмъ назначался особый день, въ ко-

торый всѣ желающіе занять это мѣсто приступали къ состязаніямъ.

Кто превосходилъ всѣхъ въ канатномъ искусствѣ, тотъ и считался болѣе достойнымъ занять свободное мѣсто.

Кромѣ описаннаго развлечения, при дворѣ практиковалось другое, не менѣе странное, которое мнѣ тоже удалось увидѣть.

Оно состояло въ слѣдующемъ: императоръ собственноручно клалъ на столъ три нити: синюю, красную и зеленую. Затѣмъ онъ бралъ палку, одинъ конецъ которой держалъ самъ, а другой — давалъ первому министру; сановники-же прыгали черезъ нее, стараясь сдѣлать прыжокъ возможно выше. По окончаніи состязанія слѣдовала раздача наградъ: сдѣлавшій самый лучший прыжокъ получалъ синюю нить, красная доставалась второму, а зеленая — третьему.

Пожалованіе нитями считалось величайшей наградой. Получившіе эти нити съ гордостью носили ихъ, обматывая два раза вокругъ таліи.

Нерѣдко эти прыжки кончались несчастіями, такъ напримѣръ, незадолго до этого одинъ министръ, котораго король совершенно неожиданно заставилъ показать свое искусство, сдѣлалъ такой неудачный прыжокъ, что сломалъ себѣ ногу и едва не лишился жизни.

При дворѣ никто не долженъ былъ забывать канатное искусство и прыганье черезъ палку, такъ какъ король время отъ времени провѣрялъ умѣніе своихъ придворныхъ.

Все это меня съ одной стороны удивляло, а съ другой — забавляло..

Долженъ сознаться, что эти увеселенія, не смотря на всю ихъ странность, доставили мнѣ немалое удовольствіе.

Съ наступленіемъ вечера, торжество окончилось и я, распрощавшись съ королемъ и при-

дворными, отправился во свояси. Всю ночь мнѣ слышалась музыка и передъ глазами вертѣлись канатные плясуны...

Жизнь моя послѣ освобожденія стала гораздо сноснѣе: я уже не такъ остро чувствовалъ тягость плѣна, такъ какъ могъ теперь и дѣлать то, что пожелаю, и ходить, куда захочу, конечно, заранѣе предупредивъ объ этомъ жителей.

Однажды, утромъ, это было въ пятнадцатый день моей свободы, ко мнѣ пріѣхалъ министръ Гурго въ простой каретѣ, въ сопровожденіи только одного лакея и просилъ меня удѣлить ему нѣсколько минутъ для дѣловаго разговора. Я конечно охотно согласился и хотѣлъ было лечь на землю, чтобы удобнѣе было слушать, но министръ пожелалъ остаться на моей ладони.

Прежде всего онъ поздравилъ меня съ освобожденіемъ, затѣмъ напомнилъ мнѣ какую роль онъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ.

«Но вообще-то», добавилъ министръ: «вы получили свободу только потому, что наши государственныя дѣла въ настоящій моментъ очень плохи и король всецѣло рассчитываетъ на вашу помощь».

И затѣмъ онъ подробно изложилъ мнѣ положеніе дѣлъ. Оказалось, что въ Лиллипутіи жилось вовсе ужъ не такъ покойно и хорошо, какъ казалось на первый взглядъ.

Напротивъ, въ странѣ существовала многолѣтняя междоусобная вражда между двумя партіями, которыя поочереды забирали власть въ свои руки и всѣми силами притѣсняли своихъ противниковъ.

Сторонниковъ этихъ враждебныхъ партій всегда можно было узнать и по внѣшнему виду: одни изъ нихъ носилъ низкіе каблуки, а другіе высокіе.

Въ настоящее время господствовали низкіе каблуки. Это заключеніе легко можно было вывести, взглянувъ на каблуки его величества.

Несмотря на это, высокихъ каблуковъ въ странѣ насчитывалось гораздо больше и было основаніе опасаться, что и наслѣдникъ престола принадлежитъ къ этой партіи, такъ какъ у него одинъ каблукъ былъ немного выше другого, что и заставляло его прихрамывать.

Эти постоянныя внутреннія несогласія страшно ослабили страну. Послѣднимъ обстоятельствомъ не замедлилъ воспользоваться сосѣдній островъ Блефуско, тоже величайшая въ мірѣ имперія, занимавшая такое-же огромное пространство какъ и Лиллипутія. Враги готовились сдѣлать на ихъ страну нападеніе.

Эти двѣ могущественнѣйшія державы вели между собою непрерывную войну вотъ уже въ теченіи шести тысячъ лунтъ. Поводомъ къ войнѣ послужило слѣдующее обстоятельство.

Съ незапамятныхъ временъ, среди всѣхъ народовъ существовалъ обычай разбивать сваренныя въ смятку яйца съ тупого конца; этотъ обычай долгое время существовалъ и въ Лиллипутіи.

Но однажды дѣдъ нынѣшняго короля, еще будучи ребенкомъ во время завтрака, разбивая яйцо обычнымъ способомъ, порѣзалъ себѣ палець. Испуганный и разгнѣванный король - отецъ тотчасъ-же издалъ указъ, воспрещавшій съ этого дня, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, разбивать яйца съ остраго конца.

Этотъ указъ несказанно возмутилъ народъ. Недовольство противъ него съ каждымъ днемъ усиливалось и въ концѣ концовъ вызвало цѣлый рядъ возстаній.

Среди народа встрѣчались такіе фанатики, ко-

торые соглашались скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить обычный способъ разбиванія яйца.

Король-же ни за что не хотѣлъ уступать и началъ жестокия преслѣдованія ослушниковъ. Благодаря этой борьбѣ, жизнь въ Лиллипутіи стала невыносимой.

Королевская партія была, конечно, сильнѣе и тупоконечникамъ пришлось обратиться въ бѣгство. Въ это тяжелое время они нашли себѣ теплый и радужный пріютъ при дворѣ императора Блефуско.

Вскорѣ изгнанные тупоконечники начали играть тамъ большую роль и оказывать вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ самой-же Лиллипутіи они имѣли не мало тайныхъ приверженцевъ.

Съ тѣхъ поръ эти двѣ державы и ведутъ постоянную войну съ переменнымъ успѣхомъ.

Много пролито крови, много потрачено денегъ!

Много разъ непріятель сжигалъ до тла непріятельскій флотъ, много разъ и самъ несъ тяжелыя потери, но несмотря на это вражда продолжалась.

Изложивъ мнѣ весь ходъ событій, Гурго добавилъ: «До сихъ поръ въ царствованіе нашего великаго и мудраго короля все было спокойно, но вотъ теперь, узнавъ, что наши внутренніе раздоры усилились, непріятель снарядилъ новый флотъ, готовый каждую минуту высадиться на нашей землѣ».

«Имѣя все это въ виду, нашъ всемилостивѣйшій король и прислалъ меня къ вамъ съ тайнымъ порученіемъ нарисовать передъ вами картину теперешняго положенія нашихъ государственныхъ дѣлъ и переждать вамъ, что онъ, вполне довѣряя вашей силѣ и храбрости, надѣется на вашу помощь».

Внимательно выслушавъ министра, я просилъ его засвидѣтельствовать передъ королемъ мое глубочайшее почтеніе и передать ему, что хотя мнѣ, какъ иностранцу, и не слѣдовало-бы вмѣшиваться въ политическія дѣла великихъ державъ, тѣмъ не

менѣе, я охотно, не щадя своей жизни, буду защищать могучаго короля и его страну отъ всякаго иноземнаго вторженія.

Министръ Гурго остался очень доволенъ результатомъ своего посѣщенія. Онъ тепло распрощался со мною, много разъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ и готовности помочь во всякую минуту, затѣмъ сѣлъ въ свою карету и такъ-же незамѣтно, какъ и прибылъ, удалился.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Страна Лиллипутія была расположена на материкѣ, Блефуско-же занимала островъ, лежащій отъ Лиллипутіи на сѣверо-востокъ и отдѣленный отъ нея проливомъ.

Я раньше никогда не замѣчалъ этого острова; теперь-же мнѣ необходимо было ознакомиться съ его расположеніемъ, такъ какъ отъ развѣдчиковъ-лиллипутовъ были получены извѣстія, что непріятельскій флотъ въ полной готовности и вооруженіи стоитъ въ гавани, готовый каждую минуту къ отплытію для нападенія на Лиллипутію. Такъ какъ я обѣщалъ королю принять самое дѣятельное участіе въ войнѣ, то главныя надежды возлагались теперь на меня.

Блефусканцы совершенно не подозрѣвали о моемъ присутствіи въ Лиллипутіи, такъ какъ въ военное время всякое сообщеніе между воюющими сторонами воспрещалось подъ страхомъ смертной казни.

Мое появленіе на берегу должно было измѣнить планы непріятели.

Я все это отлично понималъ, но мнѣ нужно было во что-бы то ни стало ознакомиться съ расположеніемъ острова, а для этого необходимо было подойти къ проливу.

Положеніе казалось безвыходнымъ, тѣмъ не менѣе

я рѣшилъ отправиться на сѣверо-восточный берегъ, откуда, какъ мнѣ говорили видна имперія Блефуско.

Окинувъ взглядомъ берегъ, я замѣтилъ небольшой холмикъ. Этотъ спасительный бугорокъ сразу-же уничтожилъ всѣ мои затрудненія: онъ могъ служить мнѣ прикрытіемъ.

Недолго думая, я легъ на животъ и поползъ по направленію къ нему. Здѣсь, лежа на землѣ, я вынулъ свою подозрную трубу и спокойно занялся осматриваніемъ острова, который, дѣйствительно, былъ хорошо виденъ.

Прежде всего мнѣ бросился въ глаза непріятельскій флотъ, стоящій въ гавани какъ разъ противъ Лиллипутіи. Онъ состоялъ приблизительно изъ пятидесяти линейныхъ кораблей; транспортныхъ-же—было гораздо больше. Всѣ суда стояли въ полномъ вооруженіи, готовые, повидимому, вскорѣ двинуться въ путь.

Теперь уже достаточно освѣдомленный, я вернулся домой и началъ обдумывать планъ захвата непріятельскаго флота.

Но для этого мнѣ еще необходимо было знать глубину пролива. Я обратился къ опытнымъ морякамъ, которые сообщили, что при самомъ большомъ морскомъ приливѣ глубина его посрединѣ едва равняется пятидесяти *гломглефамъ* т. е. нашимъ шести футамъ, къ берегамъ-же она значительно меньше. Они знали это достоверно, такъ какъ много разъ измѣряли проливъ.

Я очень обрадовался, получивъ эти свѣдѣнія; планъ захвата непріятельскаго флота уже окончателно созрѣлъ въ моей головѣ, оставалось лишь сдѣлать кое какія приготовленія.

Королю я сообщилъ только, что хочу взять въ плѣнъ непріятельскій флотъ и просилъ доставить мнѣ необходимыя для этого предметы, о планѣ-же не заикнулся.

Король отвѣтилъ, что онъ даетъ мнѣ полную

свободу дѣйствовать по моему усмотрѣнію и обѣщать все необходимое прислать мнѣ по первому требованію.

Мнѣ приходилось торопиться, такъ какъ флотъ блефусканцевъ могъ каждую минуту появиться у береговъ Лиллипутіи и тогда дѣла принимали совсѣмъ другой оборотъ.

Я приказалъ доставить мнѣ длинный канатъ, самый толстый, какой только смогутъ найти и нѣсколько десятковъ толстыхъ желѣзныхъ брусевъ.

Все требуемое было немедленно доставлено: — толстый канатъ оказался нашей обыкновенной веревкой, а желѣзныя брусья по длинѣ и толщинѣ равнялись нашей вязальной спицѣ.

Не особенно крѣпокъ былъ канатъ, но что-же дѣлать? — Приходилось довольствоваться и этимъ. Я взялъ эту бичевку и скрутилъ ее втройнѣ, попробовавъ крѣпость, я убѣдился въ ея пригодности. Перевивъ по три спицы вмѣстѣ, я сдѣлалъ изъ нихъ крючки, къ которымъ и привязалъ канаты. Такихъ крючковъ было заготовлено пятьдесятъ. Взваливъ это единственное орудіе нападенія себѣ на плечи, я отправился на сѣверо-восточный берегъ и сталъ выжидать удобный моментъ.

Замѣтивъ приближеніе прилива, я снялъ съ себя обувь и лишнюю одежду, вошелъ въ воду и направился къ берегамъ Блефуско, стараясь итти какъ можно быстрее.

Вначалѣ мнѣ это легко удавалось, но по мѣрѣ того, какъ я приближался къ срединѣ пролива, вода поднималась все выше и выше и итти становилось все труднѣе и труднѣе. Наконецъ я погрузился по самую шею, а въ одномъ мѣстѣ такъ даже пришлось пуститься вплавъ.

Несмотря на все это, менѣе чѣмъ черезъ полчаса я подходилъ уже къ берегамъ Блефуско.

Непріятель, завидѣвъ какое-то чудовище, быстро приближавшееся къ берегу, пришелъ въ ужасъ, на судахъ началась паника, многіе побросались въ

воду, думая вплавь достичь берега. Всѣхъ солдатъ на судахъ, по всей вѣроятности, было около тридцати тысячъ.

Пользуясь суматохой, я подошелъ вплотную къ кораблямъ и, вынувъ свои снаряды, началъ укрѣплять крючки въ носовыхъ отверстіяхъ кораблей. Когда всѣ крючки были использованы, я связалъ канаты въ одинъ узелъ и что было силы дернулъ, но суда ни капельки не подались: они всѣ сидѣли на якоряхъ.

Теперь мнѣ оставалось еще одно самое трудное и опасное дѣло: нужно было обрѣзать веревки, держащія корабли на якоряхъ.

Непріятель, къ этому времени уже успѣвшій оправиться отъ перваго испуга, далъ по мнѣ сильный залпъ. Цѣлый градъ стрѣлъ посыпался на меня. Острые концы ихъ, налитанные ядомъ, вонзались въ тѣло, причиняя нестерпимую боль и грозя каждую минуту попасть въ глаза, чего я очень боялся.

Къ счастью, я вспомнилъ, что въ моемъ боковомъ карманѣ хранятся, скрытыя мною во время обыска, очки; я тотчасъ-же вынулъ и крѣпко накрѣпко привязалъ ихъ.

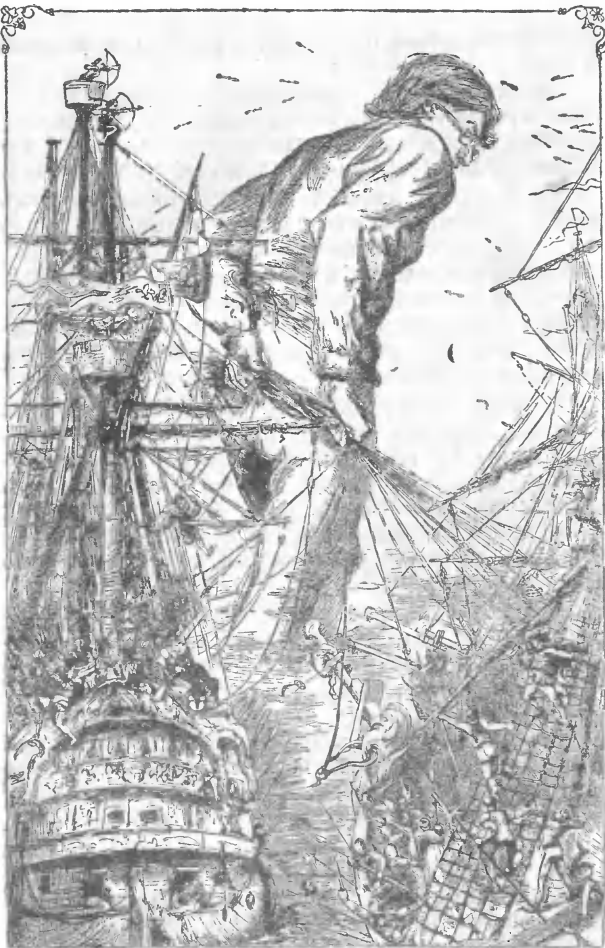
Глаза мои были въ безопасности, стрѣлы отскакивали отъ стеколъ, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда.

Теперь я сталъ храбрѣе, вынувъ перочинный ножикъ, я подошелъ къ судамъ и началъ поочередно обрѣзать якорные канаты.

Раздались душу раздирающіе крики... Стрѣлы не переставали осыпаться на меня, но я продолжалъ свою работу.

Корабли почувствовали свободу, закачались и начали надувать паруса.

Обрѣзавъ послѣдній канатъ, я схватилъ узелъ связанныхъ веревочъ и дернулъ...

...Я связалъ канаты въ одинъ узелъ и что было
силы дернулъ...

Корабли легко сдвинулись съ мѣста и поплыли за мной.

Зрѣлище было великолѣпное! Пятьдесятъ самыхъ громаднѣхъ военныхъ кораблей, теперь совершенно безпомощныхъ, плавно подвигались къ берегамъ Лиллипутіи, въ руки къ своимъ врагамъ.

Блефусканцы вначалѣ думали, что я собираюсь отдать корабли на волю вѣтра и теченія, отчего они, сталкиваясь другъ съ другомъ, должны были неминуемо разбиться и погибнуть. Вотъ отчего храбрые воины испускали такіе ужасные крики. Когда-же они замѣтили, что весь флотъ двинулся въ порядкѣ и что я очень умѣло управляю имъ, то стали понемногу успокаиваться.

Я благополучно добрался до середины пролива, но тутъ пришлось остановиться и прождать около часу. Дѣло въ томъ, что какъ разъ къ этому времени начался отливъ воды отъ береговъ и она скоплась на срединѣ пролива, отчего глубина въ этомъ мѣстѣ увеличилась настолько, что покрыла-бы меня съ головой, вплавъ-же я не могъ тащить корабли.

Блефусканцы тихо сидѣли на своихъ судахъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ сопротивленію, что было-бы совершенно бесполезно, такъ какъ я въ любой моментъ могъ ихъ всѣхъ утопить.

Пока вода убывала, я не терялъ времени даромъ: снялъ сначала очки, которые мнѣ всетаки мѣшали, а затѣмъ началъ вытаскивать изъ своего тѣла стрѣлы и смазывать ранки мазью, баночка которой уже давно хранилась у меня въ карманѣ.

Боль сразу-же утихла. Вода также пошла на убыль, и я могъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Благополучно пройдя середину пролива, я съ торжествующимъ видомъ побѣдителя приближался къ берегамъ Лиллипутіи.

Тамъ-же въ это время шло великое смятеніе.

Весь народъ былъ на ногахъ, а войско готовилось къ встрѣчѣ врага.

Дѣло въ томъ, что лиллипуты съ берега видѣли только быстро приближавшіеся непріятельскіе корабли, расположенные въ видѣ полумѣсяца, меня-же они не могли замѣтить, такъ какъ я по шею былъ погруженъ въ воду.

Король и весь народъ единогласно рѣшили, что я утонулъ, переплывая проливъ, а непріятельскій флотъ приближается къ нимъ съ враждебными намѣреніями.

Какова-же была ихъ радость, когда всѣ опасенія исчезли. Пролівъ сталъ мельче и я появился на виду у всѣхъ.

Поднявъ высоко вверхъ узелъ, связывающій всѣ веревки, я громко закричалъ: «Да здравствуетъ могущественнѣйшій король Лиллипутіи!»

Въ отвѣтъ мнѣ съ берега раздался дружный радостный крикъ; многія лица покрылись слезами благодарности.

Король стоялъ на берегу впереди всѣхъ. Когда я вышелъ, онъ осыпалъ меня милостивыми похвалами и тутъ-же пожаловалъ титулъ *нардака*, самый высокій во всемъ королевствѣ.

При этомъ его величество выразилъ желаніе, чтобы я захватилъ въ плѣнъ и всѣ остальные морскія силы непріятеля. Королю очень хотѣлось совершенно завладѣть островомъ Блефуско, подчинить себѣ весь народъ, заставить всѣхъ тупоконечниковъ разбивать яйца съ остраго конца и такимъ образомъ сразу-же стать владыкою міра.

Но мнѣ эти честолюбивые замыслы монарха вовсе не пришлись по душѣ, и я всячески старался убѣдить короля отказать отъ его намѣренія.

Король упорно стоялъ на своемъ.

Тогда я громогласно заявилъ, что я не способенъ на такое гнусное дѣло и никогда не согла-

шусь быть помощникомъ, при обращеніи въ рабство такого храбраго и свободнаго народа, какъ блефусканцы.

Король въ отвѣтъ на мои слова даже затрясся отъ злости, такъ велика была обида, нанесенная ему.

Съ тѣхъ поръ онъ затаилъ въ своемъ сердцѣ противъ меня страшную злобу.

Для разсмотрѣнія моего поступка былъ созванъ государственный совѣтъ. Большинство его членовъ находилось на моей сторонѣ, такимъ образомъ планы короля разрушились, но недовольство его противъ меня послѣ этого засѣданія не уменьшилось, а наоборотъ усилилось.

Этимъ воспользовались мои тайные враги, число которыхъ было значительно, и начали вести противъ меня интригу, продолжавшуюся около двухъ мѣсяцевъ и едва не погубившую меня.

Черезъ три недѣли послѣ захвата флота, отъ императора Блефуску прибыло торжественное посольство съ предложеніемъ мира. Посольство состояло изъ шести посланниковъ и пятидесяти членовъ свиты. Въѣздъ ихъ въ столицу, изъ уваженія къ монарху Лиллипутіи, отличался особой пышностью.

Я присутствовалъ при всѣхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ по поводу заключенія мира и все время стоялъ на сторонѣ блефусканцевъ. Я имѣлъ нѣкоторое вліяніе при дворѣ, благодаря чему, мнѣ удалось оказать посольству немало добрыхъ услугъ. Несмотря на это, миръ былъ заключенъ на очень выгодныхъ условіяхъ для лиллипутовъ.

Блефусканцы, узнавъ о моемъ расположеніи къ нимъ, явились ко мнѣ съ визитомъ, наговорили много любезностей по поводу моей храбрости, благодарили за заступничество передъ монархомъ Лиллипутіи и просили показать имъ мою чудовищную силу, о которой они такъ много слышали.

Мнѣ блефусканцы очень понравились и я старался, какъ умѣлъ, забавлять ихъ.

При прощаніи, которое было очень трогательно, посольство просило меня отъ имени своего монарха непремѣнно посѣтить ихъ страну, такъ какъ императоръ очень желалъ со мною познакомиться.

Я просилъ пословъ передать императору мою благодарность и далъ обѣщаніе непремѣнно побывать у нихъ прежде, чѣмъ отправлюсь на родину.

Всѣ эти разговоры мои съ посольствомъ велись при помощи переводчика, такъ какъ языкъ блефусканцевъ во многомъ отличается отъ нарѣчія лиллипутовъ. Каждый изъ этихъ народовъ очень гордился своимъ языкомъ и презиралъ языкъ сосѣдей; но частыя торговыя сношенія, радушный пріемъ изгнанниковъ, а также обычай отправлять молодыхъ людей къ сосѣдямъ съ цѣлью показать имъ свѣтъ, заставляютъ многихъ въ совершенствѣ знать оба языка. Въ этомъ я убѣдился позднѣе, когда посѣтилъ страну блефусканцевъ.

Такъ какъ дѣлать мнѣ было нечего, я рѣшилъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ блефусканцевъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я при первой встрѣчѣ съ королемъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ.

Король, выслушавъ просьбу, нахмурилъ брови, лицо его приняло недовольное выраженіе и онъ очень холодно далъ свое согласіе. Это меня вначалѣ удивляло, но въ послѣдствіи все выяснилось. Оказалось, что Скайришъ Болголамъ, который послѣ моей побѣды надъ непріятельскимъ флотомъ еще болѣе возненавидѣлъ меня, и нѣкоторые изъ моихъ тайныхъ враговъ совершенно въ иномъ свѣтѣ выставили передъ королемъ мои добрыя отношенія къ блефусканцамъ. Они увѣряли короля, что я совсѣмъ охладѣлъ къ нему и всему лиллипутскому народу и что всѣ мои симпатіи на сторонѣ Блефуско, а этого, конечно, слѣдуетъ опасаться и не довѣрять мнѣ. Вотъ почему король такъ подозрительно отнесся къ моей просьбѣ.

Вскорѣ мнѣ пришлось оказать его величеству большую услугу, такъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ, но эта услуга, опять таки не была оцѣнена достаточно и даже въ послѣдствіи принесла мнѣ вредъ.

Однажды въ полночь у дверей моего жилища раздались тревожные крики тысячной толпы. Я отъ шума пробудился и вышелъ на улицу, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Группа придворныхъ, едва пробившись черезъ толпу, подошла ко мнѣ и просила какъ можно скорѣе поспѣшить во дворецъ, такъ какъ всѣ покои королевы объаты пламенемъ. Пожаръ возникъ благодаря небрежности одной придворной дамы, которая, читая ночью книгу, уснула, не потушивъ свѣчи.

Я тотчасъ-же поспѣшилъ на мѣсто пожара; предварительно отдавъ приказъ очистить мнѣ дорогу.

На мое счастье ночь была лунная, такъ что я благополучно достигъ дворца, не раздавивъ никого по дорогѣ.

Когда я подошелъ, дворецъ уже весь пылалъ.

На мѣсто пожара были принесены лѣстницы, тутъ-же стоялъ большой запасъ ведеръ, но вода была далеко.

Вокругъ слышались крики и шумъ. Маленькіе человѣчки суетились и бѣгали по всѣмъ направленіямъ, очень напоминая муравьевъ въ тотъ моментъ, когда разоряютъ ихъ гнѣздо.

Каждое ведро по величинѣ равнялось нашему наперстку. Несчастные лиллипуты подавали эти ведра насколько возможно быстро. Я выливалъ принесенную воду на дворецъ, но эти капли совершенно не помогали, — пламя все усиливалось. Огненные языки начали уже показываться изъ оконъ верхняго этажа.

Казалось, этотъ великолѣпный дворецъ уже осужденъ на гибель.

Но тутъ мнѣ въ голову пришла смѣлая, даже бе-

зумная мысль потушить пожаръ особеннымъ способомъ. Это мнѣ и удалось, такъ какъ вечеромъ я выпилъ очень много превосходнаго вина, а проснувшись, не успѣлъ облегчиться...

Огонь сразу-же утихъ и такимъ образомъ благодаря моей находчивости дворецъ былъ спасенъ.

Я былъ доволенъ, что снова оказалъ большую услугу и вернувшись домой уже мечталъ о томъ, какъ будетъ благодарить меня король, а въ особенности королева, которая страшно любила этотъ дворецъ. Но каково-же было мое удивленіе, когда на другой день я узналъ, что королева пришла въ страшную ярость отъ моего поступка и перенеслась въ часть дворца наиболѣе отдаленную отъ мѣста пожара.

Она твердо рѣшила никогда не обновлять своего прежняго жилища и поклялась въ присутствіи всѣхъ жестоко отомстить мнѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Излагая ходъ событій, я мимоходомъ касался жизни Лиллипутіи, а между тѣмъ она настолько интересна, что не лишнее будетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Я уже упоминалъ, кажется, что все въ этой диковинной странѣ и люди, и животныя, и растительность, по величинѣ вполне подходятъ другъ къ другу.

Самыя высокія деревья, растущія въ королевскомъ паркѣ, едва достигаютъ сажени. Луга, покрытые травою, казались мнѣ сплошнымъ бархатнымъ ковромъ, настолько нѣжна и мелка была листва. Крохотныя полевые цвѣточки, отличались особою красотою окраски и издавали чудный тонкій аромат. Насѣкомыя-же были такъ малы, что простымъ глазомъ я ихъ совершенно не различалъ.

Въ садахъ, паркахъ и рощахъ было такое множество всевозможныхъ породъ птичекъ, что они напоминали собою улы. Цѣлыми днями маленькія пѣвуньи, по величинѣ походившія на нашихъ обыкновенныхъ мухъ, перепархивали съ деревца на деревцо. Высота лошадей и быковъ доходила до четырехъ-пяти дюймовъ.

Нормальный-же ростъ самихъ лиллипутовъ достигалъ шести дюймовъ. Внѣшность лиллипутовъ очень привлекательна, они напоминали мнѣ нарядныхъ куколокъ, въ которыя играютъ наши дѣти.

Изъ всѣхъ чувствъ у нихъ особенно развито зрѣніе, въ чемъ я могъ убѣдиться не разъ. Такъ напримѣръ, однажды я видѣлъ, какъ поваръ ошипывалъ жаворонка, у котораго я не только не замѣчалъ перьевъ, но даже не различалъ отдѣльныхъ частей; въ другой разъ я наблюдалъ дѣвушку, которая вдѣвала совершенно невидимую для меня шелковину въ ушко такой-же иглой.

Чрезвычайно интересно у лиллипутовъ письмо. Пишутъ они не такъ, какъ европейцы—отъ лѣвой руки къ правой, или арабы—отъ правой къ лѣвой, или китайцы—сверху внизъ, а—наискось страницы, отъ одного угла къ другому.

При погребеніи своихъ умершихъ они поворачиваютъ покойника головой внизъ. Этотъ обычай установился по слѣдующей причинѣ: они вѣрятъ, что всѣ мертвые по прошествіи тысячи лѣтъ воскреснутъ и что въ тотъ моментъ земля, которую они считаютъ плоскимъ тѣломъ, перевернется вверхъ дномъ; такъ вотъ они, чтобы воскресшимъ удобнѣе было стать на ноги, и хоронятъ ихъ внизъ головою.

Ученые, конечно, не вѣрятъ въ эту нелѣпость, но изъ уваженія къ простому народу не возстаютъ противъ этого обычая.

Всѣ государственныя преступленія въ Лиллипутіи караются очень строго. Особенно интересенъ законъ о доносчикахъ: если во время суда выяснялось, что обвинитель неправъ, что онъ напрасно оклеветалъ подсудимаго, то его немедленно здѣсь-же подвергали позорной смерти, а имущество его отдавали обвиняемому. Кромѣ того король старался осыпать невинно пострадавшаго всяческими милостями и знаками вниманія.

Мошенничество у лиллипутовъ считается болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ воровство. Они разсуждаютъ такъ; «при извѣстной осмотрительности и осторожности отъ вора можно уберечься — всегда, а отъ ловкаго мошенника — никогда». Поэтому мошенничество страшно преслѣдуется.

Въ каждомъ ихъ городѣ существуютъ общественныя школы, куда должны посылать своихъ дѣтей всѣ, кромѣ крестьянъ и рабочихъ. Въ этихъ школахъ воспитываются дѣти обоого пола съ самаго ранняго возраста. Воспитаніе и обученіе ведется подѣ наблюденіемъ и руководствомъ опытныхъ профессоровъ.

Одежда, пища да и вообще весь образъ жизни отличаются простотой. Цѣлый день дѣти проводятъ въ занятіяхъ, исключая время ѣды и двухъ рекреационныхъ часовъ, которые посвящаются тѣлеснымъ упражненіямъ.

Главное вниманіе воспитателей обращается на то, чтобы развить въ дѣтяхъ любовь къ труду и своему отечеству, а затѣмъ внушить имъ чувства справедливости, доброты, скромности и прочихъ хорошихъ качествъ.

До четырехъ лѣтъ за дѣтьми ухаживаетъ прислуга, но съ этого возраста они все обязаны дѣлать сами.

Родители имѣютъ право посѣщать своего ребенка только два раза въ годъ. При каждомъ свиданіи присутствуетъ профессоръ. Приноситъ игрушки и ка-

кія-бы то ни было лакомства строго воспрещается. Излишнія ласки и шептанія на ухо также не дозволяются, поцѣловать ребенка разрѣшается только два раза, при встрѣчѣ и при прощаніи.

Дѣтей не способныхъ къ наукамъ съ одиннадцати лѣтъ начинаютъ обучать всякимъ ремесламъ.

Дѣти-же крестьянъ и рабочихъ, которымъ по мнѣнію Лиллипутовъ образованіе совершенно излишне, такъ какъ сама судьба предназначила имъ заниматься воздѣлываніемъ и обработкою земли, содержатся дома.

Вотъ, кажется, все наиболѣе интересное въ жизни Лиллипутіи, о мелочахъ, конечно, говорить не стоитъ.

Теперь я коснусь нѣкоторыхъ подробностей моего домашняго быта.

Я пробылъ въ Лиллипутіи девять мѣсяцевъ и тринадцать дней. О всѣхъ событіяхъ, происшедшихъ за это время я сообщалъ. Говорилъ и своемъ жилищѣ, не упоминая только о внутреннемъ его убранствѣ, которое было очень незатѣйливо: постель, столъ и стулъ, которые я сдѣлалъ собственными руками; они ~~хотя~~ и не отличались особымъ изяществомъ, но зато были очень удобны.

Бѣлье постельное мнѣ изготовили двѣсти швей изъ самаго толстаго полотна, которое для меня всетаки было очень тонко. Эти-же швеи сшили мнѣ рубашки. Чтобы дать имъ возможность снять мѣрку, я легъ на полъ, а онѣ ползали по мнѣ съ веревками въ рукахъ, дѣлая нужныя измѣренія.

Верхнее платье мнѣ также было сшито, но этимъ дѣломъ занялись уже портные. Когда они впервые явились ко мнѣ съ серьезными лицами и ножницами въ рукахъ, я очень смѣялся, ужъ очень забавный видъ былъ у этихъ портныхъ; кромѣ того меня интересовало, какъ они будутъ снимать съ меня мѣрку. Но портные не задумались: притащивъ нѣсколько большихъ лѣстницъ, они связали ихъ,

затѣмъ попросили меня встать на колѣни и при-
слонили лѣстницу къ моему плечу. Одинъ изъ порт-
ныхъ быстро взобрался на меня и спустилъ внизъ
веревку, съ помощью которой и была измѣрена
длина моего суртука. Другихъ измѣреній имъ не
понадобилось, такъ какъ они дѣлають ихъ при по-
мощи особыхъ вычисленій.

Триста портныхъ тутъ-же въ моемъ жилищѣ
принялись за дѣло и вскорѣ платье было готово;
оно все состояло изъ маленькихъ кусочковъ, но си-
дѣло на мнѣ великолѣпно, что заставило меня лиш-
ній разъ подивиться уму маленькихъ человѣчковъ.

Что касается моего стола, то мнѣ не приходи-
лось на него жаловаться.

При мнѣ состояло триста поваровъ, жившихъ въ
палаткахъ, расположенныхъ вокругъ моего жилища.

Когда наступало время ѣды, особые прислуж-
ники забирали у поваровъ все наготовленное и
приносили въ мое жилище.

Къ моему столу было приставлено нѣсколько
лѣстницъ, по которымъ и носились наиболѣе лег-
кія блюда, тяжелые-же, какъ напримѣръ, боченки
съ виномъ, подымались при помощи особыхъ бло-
ковъ. Въ большинствѣ-же случаевъ я бралъ заразъ
по двадцати прислужниковъ въ руку и ставилъ на
столъ, гдѣ они очень умѣло и быстро мнѣ прислу-
живали. Вообще ловкость и проворство моихъ ма-
ленькихъ слугъ постоянно меня удивляла. Я ѣлъ,
ни на минуту не прерывая свою трапезу, такъ какъ
одно блюдо смѣняло другое съ быстротою молніи.

Баранина лиллипутская мнѣ не особенно нра-
вилась, зато говядина была превосходная. Гуся
и индѣйку я обыкновенно проглатывалъ за одинъ
пріемъ, мелкой-же птицы бралъ на кончикъ ножа
заразъ по двадцать, тридцать штукъ.

Однажды король выразилъ желаніе: «доставить
себѣ честь», какъ онъ выразился: «пообѣдать со
мною».

Онъ прибылъ ко мнѣ въ сопровожденіи всего двора. Я помѣстилъ всѣхъ гостей у себя на столѣ въ парадныхъ креслахъ, привезенныхъ спеціально для этого случая изъ дворца.

Въ числѣ гостей находился и адмиралъ Болголамъ, бросавшій на меня очень недружелюбные взгляды.

Я замѣтилъ это и мнѣ очень захотѣлось посердить его. Поднявъ бокалъ, который замѣняла мнѣ бочка, за здоровье короля, я разомъ осушилъ его и принялся за ѣду, стараясь ѣсть какъ можно больше. Украдкою я посматривалъ на Болголама, который нахмутивъ брови наблюдалъ за мной и вель подсчетъ количеству уничтожаемыхъ блюдъ.

Эта моя невинная шутка сослужила мнѣ впоследствии скверную услугу, такъ какъ Флимнапъ, настаивая на моей смерти, все время упиралъ на то, что при моемъ громадномъ аппетитѣ, государство не въ состояніи содержать меня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время какъ я собирался посѣтить королевство Блефуско, мои тайные враги не дремали и старались какъ можно сильнѣе вооружить противъ меня короля и весь дворъ.

Однажды, поздно вечеромъ, когда я уже собирался ложиться спать, въ мою дверь тихонько постучали. Я вышелъ и увидѣлъ передъ собою закрытыя носилки, которыя несли двое слугъ.

Они молча вошли въ мое жилище, поставили его на полъ и также молча удалились.

Дверца носилокъ открылась, и къ моему удивленію я увидѣлъ передъ собою одного изъ извѣстныхъ мнѣ сановниковъ. Этотъ вельможа, имѣвшій большое вліяніе при дворѣ, съ самаго начала нашего знакомства почувствовалъ ко мнѣ особое распо-

женіе и при всякомъ удобномъ случаѣ старался оказать мнѣ хотя-бы маленькую услугу.

Увидѣвъ его я смутился: въ моей головѣ, какъ молнія, пронеслась мысль, что, вѣроятно, противъ меня замышляется что-нибудь недоброе.

Я, дѣйствительно, не ошибся. Послѣ первыхъ привѣтствій, вельможа попросилъ меня прежде всего распорядиться, чтобы никто изъ слугъ не входилъ, затѣмъ сообщилъ мнѣ, что онъ явился ко мнѣ тайно отъ всѣхъ, чтобы сообщить мнѣ нѣчто важное и просилъ меня терпѣливо выслушать его до конца.

Я поднялъ его вмѣстѣ со стуломъ и спряталъ въ карманъ, когда-же слуги удалились вынулъ его, поставилъ передъ собою на столъ и приготовился слушать...

Вотъ что сообщилъ мнѣ этотъ добрый вельможа.

«Я пришелъ къ вамъ, чтобы предупредить о грозящей вамъ опасности.

Дѣло въ томъ, что послѣднее время въ государственномъ совѣтѣ по поводу насъ происходили частыя совѣщанія, которыя сохраняются въ страшной тайнѣ. Только два дня тому назадъ его величество принялъ относительно вашей дальнѣйшей судьбы опредѣленное рѣшеніе.

Вамъ конечно, извѣстно, что адмиралъ Скайришъ Болголамъ, почти со дня вашего прибытія сюда сталъ вашимъ смертельнымъ врагомъ. Мнѣ неизвѣстны причины, послужившія поводомъ къ этой враждѣ, но я навѣрное знаю, что его ненависть особенно усилилась послѣ вашей блестящей побѣды надъ флотомъ блефусканцевъ.

Ваша слава не давала ему покою; до сихъ поръ всѣ самыя громкія побѣды принадлежали ему. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ желчнымъ, раздражительнымъ, и поклялся во чтобы-бы то ни стало погубить васъ.

Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы очернить васъ и вызвать при дворѣ недовольство. Враговъ

вашихъ онъ старался сплотить между собою и такимъ образомъ основать цѣлую партію.

Эта партія въ особенности усилилась съ тѣхъ поръ, какъ къ ней примкнула королева, возмущенная вашимъ поступкомъ.

Благодаря стараніямъ враговъ, противъ васъ былъ составленъ обвинительный приговоръ, который въ самомъ непродолжительномъ времени думаютъ привести въ исполненіе.

Я-же, всегда глубоко уважая васъ и цѣня вашу доброту и услуги, оказанныя моему отечеству, счелъ своимъ долгомъ предупредить васъ объ грозящей опасности и доставить вамъ копію обвинительнаго акта».

Тутъ вельможа вынулъ бумагу, но прежде чѣмъ прочесть ее, попросилъ меня хранить полную тайну, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, какъ государственный измѣнникъ, будеть преданъ казни.

Я далъ торжественное обѣщаніе и тогда сановникъ приступилъ къ чтенію акта.

Обвинительный актъ, составленный противъ Куинбусъ Флестрина Горы-человѣка.

Пунктъ первый. Человѣкъ - Гора нанесъ величайшее оскорбленіе особѣ его величества; подъ видомъ тушенія пожара, охватившаго покои любезной супруги-королевы, онъ нарушилъ законъ, изданный въ царствованіе короля Кэлина Дюффера Плюма. Этотъ законъ предписываетъ смертную казнь за совершеніе подобнаго поступка въ оградѣ королевскаго дворца.

Пунктъ второй. Затѣмъ вышеупомянутый Куинбусъ Флестринъ, приведя въ нашъ портъ флотъ блефусканцевъ, получилъ отъ его величества повелѣніе захватить всѣ остальные корабли блефусканцевъ съ тѣмъ, чтобы подчинить себѣ эту имперію,

уничтожить тамъ не только партію толстокопечниковъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто немедленно не откажется отъ этой ереси. Но Флестринъ осмѣлился ослушаться приказанія его величества. Онъ, какъ вѣроломный измѣнникъ, предъявилъ просьбу всемилостивѣйшему королю избавить его отъ этого, такъ какъ онъ считаетъ этотъ поступокъ низкимъ и преступнымъ.

Пунктъ третій. Когда-же прибыло посольство отъ двора Блефуску къ Его Величеству просить мира, то онъ, Флестринъ, несмотря на то, что они слуги монарха, еще недавно враждебнаго нашему королю, который велъ съ нами кровавую войну, старался всячески помогать имъ, поддерживать, одобрять и прилагалъ всѣ старанія для того, чтобы развлечь ихъ и тѣмъ самымъ заслужить ихъ расположеніе.

Пунктъ четвертый. Кромѣ того Куинбусъ Флестринъ, въ противность долгу вѣрноподданнаго, готовится теперь совершить путешествіе въ имперію Блефуску, на которое онъ получилъ только словесное разрѣшеніе. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ хочетъ оказать помощь императору Блефуску.

«Въ обвинительномъ актѣ есть еще пункты, но прочитанные мною составляютъ главную сущность обвиненія», сказалъ сановникъ прочтя первые четыре пункта.

Затѣмъ онъ подробно передалъ мнѣ все, что происходило у нихъ въ государственномъ совѣтѣ, прежде чѣмъ окончательно былъ выработанъ обвинительный актъ.

«Адмиралъ Скайришъ Болголамъ и государственный казначей внесли предложеніе предать васъ самой позорной и мучительной казни.

Они предложили поджечь ночью ваше жилище со всѣхъ сторонъ, а вокругъ дома поставить двадцатитысячное войско, которое будетъ поражать ваше лицо и тѣло стрѣлами, напитанными ядомъ. При-

слуга-же должна была насытить ваши рубахи и простыни ядовитымъ сокомъ, который производитъ быстрое отравленіе и причиняетъ страшную боль.

Скайришъ Болголамъ такъ искусно дѣйствовалъ, что вначалѣ большинство членовъ было на его сторонѣ. Король - же, хотя и недовольный вами за послѣднее время, не примкнулъ однако къ этому рѣшенію.

Противъ Болголама выступилъ вашъ всегданный защитникъ — министръ Гурго и внесъ слѣдующее предложеніе: не лишая васъ жизни, выколотъ вамъ только глаза. Свое предложеніе онъ старался подкрѣпить многими доводами: во-первыхъ онъ полагалъ, что это гуманное отношеніе къ плѣннику вызоветъ всеобщее удивленіе и о милосердіи, добротѣ и мудрости монарха заговорить весь міръ, во-вторыхъ, вы все-таки до нѣкоторой степени будете наказаны за свои проступки, самое-же главное, что потеря глазъ не уменьшитъ вашу силу, а наоборотъ увеличить, такъ какъ, не видя опасности, вы станете еще храбрѣе и можете принести государству немало услугъ.

Скайришъ Болголамъ отъ словъ Гурго пришелъ прямо таки въ ярость. На министра посыпался цѣлый рядъ упрековъ и обвиненій. Адмиралъ возмущался, какъ Гурго осмѣливается защищать государственнаго преступника. Говорилъ, что смертный приговоръ уже окончательно вынесенъ и государственный совѣтъ собрался только для того, чтобы придумать способъ казни наиболѣе достойный преступника.

Государственный казначей поддерживалъ адмирала, указывая на то, что содержаніе ваше слишкомъ дорого обходится государству, что теперь уже казна пуста, если-же продержатъ васъ еще нѣкоторое время, то страна дойдетъ до полного разорѣнія.

Большинство совѣта примкнуло къ вашимъ противникамъ.

Король-же несмотря на всѣ доводы вашихъ вра-

говъ, принялъ предложеніе Гурго, опираясь на то, что лишивъ васъ зрѣнія можно въ любой моментъ, какъ только понадобится, лишить васъ и жизни. Что-же касается вашего содержанія, то онъ совѣтовалъ казначею постепенно уменьшать расходы. Это будетъ имѣть двойное значеніе: во-первыхъ, будетъ соблюдена экономія, а во-вторыхъ, вы начнете худѣть, блѣднѣть, потеряете аппетитъ, отчего наступитъ истощеніе организма и вѣсь тѣла уменьшится наполовину и въ случаѣ смерти разложеніе вашего трупа не будетъ грозить странѣ бѣдствіями. Пять-шесть тысячъ подданныхъ смогутъ въ три дня легко отдѣлать мясо отъ костей, отвезти его за городъ и закопать; скелетъ-же останется потомству какъ чрезвычайно цѣнная рѣдкость.

Послѣ рѣчи короля было принято рѣшеніе лишить васъ зрѣнія.

На дняхъ явится къ вамъ министръ Гурго и сообщитъ о милостивомъ рѣшеніи короля. Затѣмъ будетъ совершена операція, для чего приглашены двадцать придворныхъ хирурговъ.

Предполагается, что вы будете лежать неподвижно на землѣ съ открытыми глазами, въ то время какъ вамъ въ зрачки будутъ пускать острые стрѣлы, смазанныя ядомъ».

Сказавъ это, сановникъ на минуту замолкъ, какъ-бы собираясь съ мыслями...

Затѣмъ вдругъ заторопился домой. При прощаніи онъ мнѣ совѣтовалъ какъ можно скорѣе придумать что-нибудь для своего спасенія и общалъ всѣми силами помогать мнѣ. Послѣ этого на тѣхъ-же самыхъ носилкахъ онъ такъ-же безшумно удалился, какъ и прибылъ.

Оставшись одинъ, я пришелъ въ отчаяніе. Мысли мои разбѣгались во всѣ стороны, и я ничего не могъ придумать. Ужъ очень разстроило меня все слышанное, въ особенности милостивое рѣ-

шеніе короля и Гурго. Вотъ благодарность за все мое расположеніе и услуги...

Стало горько и обидно...

Что-же дѣлать?

Я отлично понималъ, что, пока я на свободѣ, со мною силою ничего не смогутъ сдѣлать, такъ какъ я нѣсколькими ударами камней могу разрушить до тла всю столицу. Но меня смущала клятва данная королю, а кромѣ того высокій титулъ *нардака*.

Теперь-бы я, конечно, не сталъ задумываться, но въ то время мой разсудокъ былъ настолько затемненъ, что я не понималъ такой простой вещи. Не могъ понять того, что это жестокое и несправедливое рѣшеніе совѣта снимало съ меня всѣ обязательства и клятвы, и я могъ свободно, не грѣша противъ своей совѣсти, прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ защиты.

Тогда-же я послѣ долгихъ размышленій рѣшилъ, не теряя ни минуты отправиться къ блефусканцамъ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе на это было мною уже получено.

На другой день рано утромъ, пославъ увѣдомленіе моему доброжелателю вельможѣ, я наскоро собрался, захвативъ на случай подъ мышку одѣяло и направился къ берегу, гдѣ стоялъ флотъ. Выбравъ самое большое судно, я положилъ на него свое одѣяло, лишнія части одежды, привязалъ къ нему канатъ и пустился вбродъ, таща за собою судно; кое-гдѣ приходилось и плыть.

Черезъ полчаса я уже приближался къ острову Блефуско. Блефусканцы, еще издали замѣтивъ меня, высыпали на встрѣчу. Народу было видимо невидимо. Когда я вышелъ на берегъ, меня привѣтствовали громкіе радостные крики.

Тотчасъ-же ко мнѣ подошли два проводника, предложившихъ довести меня до столицы Блефуско, лежащей въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ бе-

рега. Я съ радостью согласился, взялъ ихъ обоихъ на ладонь и мы тронулись.

Вся толпа, бывшая на берегу, вначалѣ двинулась за нами, но понемногу ряды ея стали рѣдѣть и въ концѣ концовъ мы остались одни.

Вотъ, наконецъ, показалась и столица Блефуску, такой-же хорошенькій чистенькій городокъ, какъ и столица Лиллипутіи и также обнесшій стѣной.

Подойдя къ главнымъ городскимъ воротамъ я, прежде чѣмъ войти въ столицу, отправилъ посланнаго къ одному знакомому мнѣ вельможѣ, который былъ въ Лиллипутіи въ качествѣ посла, съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи и просьбою передать императору, что я ожидаю его приказаній.

Оказалось, что императоръ съ супругой, заранѣе услышавъ о моемъ прибытіи, отправились привѣтствовать меня.

Дѣйствительно, вскорѣ я замѣтилъ приближавшуюся свиту. Императоръ и императрица вышли изъ кареты и радостно улыбаясь направились ко мнѣ.

Я легъ на животъ и поцѣловалъ ихъ крохотныя ручки. Ихъ величества были со мною очень милы и любезны. Я видѣлъ, что они искренно рады моему приходу. Нечего и говорить, что пріемъ при дворѣ былъ оказанъ мнѣ самый радушный. Почестямъ не было конца.

Къ вечеру я даже утомился отъ этого шума и блеска, но на душѣ у меня было хорошо, все мое скверное настроеніе разомъ покинуло меня, да и не мудрено. Послѣ недружелюбнаго отношенія лиллипутовъ, послѣ всѣхъ волненій послѣднихъ дней, видѣть вокругъ себя такое вниманіе, такое сердечное теплое отношеніе...

Такъ провелъ я первый день у гостепріимныхъ блефусканцевъ. Вечеромъ, когда подошло время отправляться на покой, встрѣтилось маленькое затрудненіе: дѣло въ томъ, что любезные хозяева,

несмотря на всю готовность не смогли найти мнѣ подходящаго помѣщенія. Это ихъ очень смущало.

Успокоивъ ихъ, насколько это было возможно, я завернулся въ свое одѣяло и вскорѣ уснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

На третій день моего пребыванія въ Блефуско я отправился обозрѣвать страну.

Растительность здѣсь была та-же, что и въ Лиллипутіи, постройки также; вообще по внѣшнему виду обѣ эти столицы мало чѣмъ отличались другъ отъ друга.

Пройдя всю страну, я направился на противоположный берегъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть въ открытое море, въ ту сторону, гдѣ должна была, по моимъ расчетамъ, находиться моя милая Англія...

Вдругъ я замѣтилъ въ морѣ, на разстояніи полуторы мили отъ берега, какой-то предметъ.

Не долго думая, я раздѣлся и направился къ нему. Подойдя на разстояніи нѣсколькихъ сотъ футовъ я различилъ въ водѣ опрокинутый боть. Вѣроятно его бурей оторвало отъ какого-нибудь корабля и теперь медленно несло волнами по направлению къ берегу блефусканцевъ.

Отъ радости у меня даже дыханіе сперло. Въ головѣ моей мелькнула надежда на скорое возвращеніе въ дорогое отечество. Нужно было только немедленно дѣйствовать, такъ какъ каждую минуту вѣтеръ могъ измѣниться и лодку могло унести въ открытое море, а вмѣстѣ съ нею и мою надежду и мою радость.

Добѣжавъ до берега, я направился прямо къ императору и умолялъ его снарядить оставшіеся отъ флота корабли, чтобы помочь мнѣ притащить найденный боть. Монархъ милостиво разрѣшилъ и двадцать большихъ военныхъ судовъ съ тремя тысячами

матросовъ, подъ командою вице-адмирала, направились къ боту.

Пока флотъ огибалъ берегъ, я, забравъ большое количество веревокъ, заранее мною скрученныхъ, отправился прямымъ путемъ, такъ какъ страшно боялся лишиться дорогой для меня находки.

Ботъ находился еще на большой глубинѣ, такъ что мнѣ, чтобы добраться до него пришлось пуститься вплавъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Волны становились все сильнѣе и сильнѣе. Мнѣ приходилось сильно бороться. Не разъ я изнемогалъ и отчаявался, но наконецъ таки добрался до бота. Снявъ съ себя веревку, я однимъ концомъ укрѣпилъ ее на носу бота, другой-же передалъ подошедшимъ на судахъ.

Матросы тянули ботъ за веревку, я-же, что есть силы, подталкивалъ сзади. Работа значительно облегчилась, когда я смогъ встать на ноги. Все время по пути мнѣ помогалъ приливъ и попутный вѣтеръ.

Въ сорока ярдахъ отъ берега мы остановились. Начался отливъ и ботъ очутился на мели.

Тутъ при помощи двухъ тысячъ блефусканцевъ, работавшихъ со своими машинами, намъ удалось опрокинуть ботъ. Обнаружились большія поврежденія въ днѣ и необходимо было приступить къ починкѣ.

Прежде всего мнѣ пришлось сдѣлать весла и съ помощью ихъ доставить лодку въ гавань, гдѣ уже я могъ приступить къ тщательному ея осмотру и затѣмъ и поправкѣ.

Надежды мои на удачное выполненіе задуманнаго плана возрастали съ каждою минутою. Императору я объявилъ, что ботъ посланъ мнѣ самою судьбою для возвращенія на родину и просилъ его доставить мнѣ матерьялъ, необходимый для его исправленія.

Монархъ вначалѣ уговаривалъ меня не покидать его страны, но видя, что я упорно стою на своемъ, обѣщался предоставить все нужное.

Я всецѣло погрузился въ рабту, почти не отходя отъ своего бота.

Въ это время король Лиллипутіи, очень обезпокоенный моимъ долгимъ отсутствіемъ, прислалъ пословъ съ копіей моего обвинительнаго акта и требовалъ, чтобы я въ теченіи четырехъ часовъ вернулся обратно. Если-же къ означенному сроку, я не прибуду въ Лиллипутію, то буду лишень званія *нардака* и объявленъ государственнымъ преступникомъ. При обвинительномъ актѣ была приложена просьба къ правителю Блефуско, въ случаѣ моей непокорности, связать меня по ногамъ и рукамъ и въ такомъ видѣ отправить въ Лиллипутію, гдѣ я долженъ буду подвергнуться строгому наказанію.

Императоръ Блефуско попалъ въ неудобное положеніе: съ одной стороны нельзя отказать королю Лиллипутіи, такъ какъ этотъ отказъ могъ повлечь за собою войну, которую блефусканцы, лишеныя флота, вести не могли, съ другой-же — онъ конечно ничего не могъ сдѣлать со мною, да, повидимому и не желалъ причинять мнѣ зло.

Три дня императоръ предавался размышленіямъ и только на четвертый написалъ королю Гольбасто въ высшей степени любезный и осторожный отвѣтъ. Онъ писалъ, что не имѣетъ возможности связать меня, такъ какъ у него нѣтъ для этого силъ, кромѣ того, онъ считаетъ себя не вправѣ поступать такимъ образомъ съ человѣкомъ, который хотя и лишилъ его флота, но тѣмъ не менѣе оказалъ ему немало услугъ, въ особенности во время заключенія мира, кромѣ того этотъ человѣкъ являлся въ настоящій моментъ его гостемъ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній олъ, при всемъ желаніи, не могъ притти на помощь великому королю Лиллипутіи.

«Въ заключеніе-же», писалъ монархъ Блефуско: «сгѣшу сообщить вашему величеству радостное извѣстіе, что вашъ плѣнникъ, Человѣкъ-Гора, на-

шелъ у береговъ моего государства боть чудовищной величины, на которомъ онъ въ самомъ непродолжительномъ времени думаетъ отправиться на свою родину. Такимъ образомъ обѣ наши державы навсегда будутъ избавлены отъ этого страшнаго великана». Далѣе слѣдовали увѣренія въ преданности и дружбѣ.

Отправивъ немедленно это посланіе, онъ поспѣшилъ ко мнѣ. Подробно рассказавъ все уже изложенное, онъ началъ вторично уговаривать меня остаться у него на службѣ, обѣщаль почетную должность при дворѣ и всевозможныя милости.

Но я, уже умудренный опытомъ, не полагался больше на обѣщанія монарховъ и, вѣжливо поблагодаривъ его, заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи вернуться на родину. «Я рѣшилъ лучше отдаться коварнымъ волнамъ океана, чѣмъ быть яблочкомъ раздора между двумя дружественными монархіями», сказалъ я императору.

Онъ больше не настаивалъ. Выразивъ свое глубокое сожалѣніе, онъ просилъ меня не сомнѣваться въ его дружбѣ и расположеніи и во всемъ разсчитывать на его помощь.

Я не замедлилъ воспользоваться его добротою и тутъ-же представилъ ему списокъ всего необходимаго для оснащенія бота, а также для путешествія; кромѣ того, я просилъ прислать мнѣ на помощь корабельныхъ мастеровъ и матросовъ.

Когда все требуемое мнѣ было прислано, работа закипѣла.

Пятисотъ матросовъ дѣлали мнѣ паруса, сшивая ихъ изъ самыхъ толстыхъ корабельныхъ парусовъ. Я готовилъ снасти и канаты, скручивая ихъ изъ самыхъ толстыхъ веревокъ. Весла уже были готовы. Большое затрудненіе встрѣтилось при постройкѣ мачтъ, такъ какъ я долгое время не могъ найти соотвѣтствующей высоты деревьевъ. Я дѣ-

лалъ всю работу вчернѣ, а корабельные мастера отдѣлывали.

Наконецъ боть былъ готовъ. Но тутъ явилось еще одно затрудненіе: какъ-же быть съ якоремъ?

Этотъ вопросъ навелъ на меня прямо таки уныніе...

Разрѣшилъ-же я его совершенно случайно и очень просто. Отправившись какъ-то въ королевскій паркъ, я по дорогѣ наткнулся на камень довольно большихъ размѣровъ. Эта находка очень обрадовала меня, такъ какъ онъ могъ вполне замѣнить мнѣ якорь. Теперь все было готово, оставалось только сдѣлать основательную смазку бота, для чего мнѣ было доставлено сало отъ трехсотъ коровъ.

Въ этихъ незамѣтныхъ приготовленіяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Но вотъ, наконецъ, я собрался въ свое далекое путешествіе.

Передъ отъѣздомъ я отправился къ императору, чтобы сообщить о своемъ отъѣздѣ, поблагодарить за радушный пріемъ и за всѣ услуги, оказанныя мнѣ, безъ которыхъ я не смогъ-бы осуществить своей желанной мечты.

Весь дворъ собрался провожать меня. Прощаніе было самое трогательное. Императоръ подарилъ мнѣ на память свой портретъ во весь ростъ, который я тутъ-же, чтобы не потерять и не попортить, засунулъ въ перчатку, и пятьдесятъ кошельковъ, въ которыхъ находилось по двѣсти золотыхъ монетокъ.

Четыреста поваровъ наготовили мнѣ въ дорогу всевозможныхъ кушаній; кромѣ того, въ сыромъ видѣ мнѣ было дано сто тушъ говядины, триста баранины, хлѣба, вина и пр.

Я рассчитывалъ захватить съ собою хотя десяточекъ этихъ диковинныхъ человѣчковъ, съ которыми такъ странно столкнула меня судьба, но императоръ не далъ на это своего согласія и обязалъ меня честнымъ словомъ не увозить съ собою ни одного изъ его подданныхъ даже въ томъ слу-

чаѣ, если найдутся желающіе и сами будутъ просить объ этомъ.

Сильно опечалилъ меня этотъ отказъ; я уже представлялъ себѣ, какой-бы шумъ произвело въ Англіи появленіе этихъ диковинныхъ людей. Но что-же дѣлать? Не платить-же черною неблагодарностью и обманомъ за всѣ оказанныя мнѣ благодѣянія.

Подумавъ съ минуту, я рѣшилъ взять съ собою вмѣсто людей скотину и заняться на родинѣ ея разведеніемъ. Это мое желаніе не встрѣтило никакого сопротивленія. Мнѣ тотчасъ-же было представлено шесть коровъ съ двумя быками, столько-же овецъ и козъ и соотвѣтствующій запасъ сѣна.

Сложивъ все это въ лодку, я поднялъ паруса.

Погода стояла великолѣпная, — теплая, ясная, и 27-го сентября 1701 года въ шесть часовъ утра я тронулся въ путь.

Вѣтеръ былъ попутный, паруса надулись, подхватили боть и плавно понесли его въ открытое море.

Сердце мое сильно забилося. Что ждало меня впереди. Можетъ быть, вѣрная смерть, а быть можетъ и радостное прибытіе на родину?.. все было въ рукахъ судьбы.

Послѣдній разъ взглянулъ я на берегъ, гдѣ стояла тысячная толпа, провожавшая меня громкими криками, снялъ шляпу и послалъ послѣднія привѣтствія добрымъ блефусканцамъ. Затѣмъ невольно взоръ мой обратился въ ту сторону, гдѣ лежала Лилипутія, ея не было видно.

Живо вспомнилъ я все то, что пришлось мнѣ тамъ пережить и облегченно вздохнулъ. Злобы на лилипутовъ у меня въ сердцѣ не было, всѣ мои мысли, всѣ мои чувства направлялись впередъ, впередъ, неслись на дорогую мнѣ родину...

Скоро-ли я буду тамъ?

Я приналегъ на весла и направилъ боть на

сѣверъ. Со мною былъ компасъ, который давалъ мнѣ возможность держаться опредѣленнаго направленія...

Берега Блефуско уже давно скрылись изъ виду, солнце начинало клониться къ закату, а я еще не зналъ, какъ мнѣ придется провести ночь.

Взявъ подзорную трубу, я началъ осматривать горизонтъ и замѣтилъ на сѣверо-западѣ какое-то черное пятно, по моимъ соображеніямъ это былъ островъ.

Я взялъ курсъ въ этомъ направленіи и дѣйствительно, вскорѣ подплылъ къ маленькому островку.

Бросивъ якорь, я вышелъ на берегъ. Островъ казался на первый взглядъ необитаемымъ; дальнѣйшимъ-же осмотромъ его я рѣшилъ не заниматься, такъ какъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ страшную усталость, а тутъ-же легъ и уснулъ богатырскимъ сномъ...

Проснулся я часа за два до восхода солнца. Ночь была свѣтлая. Наскоро закусивъ, я поднялъ паруса и отправился дальше. Вѣтеръ былъ попутный. Я держался все того-же направленія, какъ и наканунѣ, такъ какъ мнѣ хотѣлось добраться до острова, лежащаго на сѣверо-востокъ отъ Ванди-меновой земли. Но въ этотъ день я плылъ безъ конца и ничего не встрѣтилъ, кругомъ виднѣлось лишь безконечное море.

Наступила ночь, на мое счастье, лунная.

Вѣтеръ утихъ и пришлось идти на веслахъ, но я не терялъ надежды и работалъ изо всѣхъ силъ. Подъ утро вѣтерокъ опять подулъ. Я поднялъ паруса и наслаждался отдыхомъ, о снѣ, конечно, не приходилось думать.

Около трехъ часовъ пополудни я вдругъ замѣтилъ парусъ, направлявшійся на юго-востокъ.

Я принялся что было силъ кричать въ рупоръ, но вѣтеръ относилъ мои слова въ другую сторону и отвѣта не было.

Отчаяніе охватило меня. Неужели корабль уйдегъ?

Я метался по своему боту какъ безумный и кричалъ до изнеможенія.

Ничто не помогало.

Я поднялъ все паруса, надѣясь догнать корабль и продолжалъ кричать.

Прошло полчаса. Вѣтеръ какъ будто-бы сталъ стихать. Вдругъ съ корабля раздался отвѣтный сигналъ, а затѣмъ пушечный выстрѣлъ.

Я былъ спасенъ.

Чувство радости наполнило всю мою душу: сейчасъ я увижу людей, подобныхъ себѣ, буду говорить на своемъ языкѣ, а тамъ родина, семья... Слезы сдавили мнѣ горло.

Корабль-же сталъ на якорь и ждалъ моего приближенія. На суднѣ развивался англійскій флагъ: казалось, сама судьба покровительствовала мнѣ.

Забравъ въ карманы весь свой скотъ и оставшіеся припасы, я съ бьющимся сердцемъ вступилъ на палубу англійскаго коммерческаго судна, которое возвращалось изъ Японіи.

Капитанъ корабля Джонъ Боддлъ, оказался человекомъ въ высшей степени любезнымъ и принялъ меня съ распростертыми объятіями. На кораблѣ нашелся одинъ старый морякъ, съ которымъ мы когда-то совершали дальнее плаваніе и паходились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ далъ обо мнѣ капитану самые лестные отзывы, послѣ чего тотъ сталъ еще любезнѣе со мной.

Накормивъ меня сытнымъ обѣдомъ, капитанъ приступилъ къ вопросамъ о моихъ приключеніяхъ.

Я началъ рассказывать все по порядку, съ момента гибели нашего экипажа до встрѣчи со спасителемъ-кораблемъ.

Капитанъ молча и внимательно слушалъ меня, но по его лицу я видѣлъ, что онъ не вѣритъ, считая меня лишившимся рассудка.

Чтобы убѣдить его въ правдивости моихъ словъ, я вытащилъ своихъ коровокъ изъ кармана и поставилъ передъ нимъ на столѣ.

Капитанъ даже привскочилъ на стулѣ отъ изумленія. Теперь ужъ онъ совершенно иначе началъ относиться къ моимъ словамъ. Какъ настоящій морякъ, онъ любилъ всякія приключенія, вопросы сыпались на меня цѣлымъ потокомъ; капитану хотѣлось знать жизнь этихъ диковинныхъ странъ до мельчайшихъ подробностей.

Я съ охотою отвѣчалъ ему, и мы такимъ образомъ за бутылкою хорошаго вина проводили все свободное время и незамѣтно прибыли въ Англію.

Въ пути случилось одно непріятное приключеніе: корабельная крыса стащила одну изъ моихъ овецекъ; кости ея я нашелъ въ щели. Остальной-же скотъ чувствовалъ себя превосходно. Я кормилъ его сѣномъ, которое по возможности экономилъ, а когда корабль приставагъ къ берегу, выпускалъ на мягкую сочную траву.

Наконецъ мы прибыли въ Англію. Благословляя судьбу, я вступилъ на родной берегъ и тутъ-же далъ обѣщаніе никогда больше не пускаться въ путешествіе.

Семью мой приѣздъ обрадовалъ несказанно. Не получая отъ меня извѣстій и зная о гибели нашего корабля, они считали меня давно умершимъ и вдругъ такая неожиданная радость. Дѣти мои очень выросли, сынъ Джонъ учился въ гимназій, а дочь была уже совершенно взрослой барышней.

Ликованію ихъ не было конца. Цѣлыми вечерами я долженъ былъ рассказывать имъ о всемъ видѣнномъ и пережитомъ.

Когда первая радость встрѣчи улеглась, я рѣшилъ заняться разведеніемъ своего скота. Этимъ я думалъ принести громадную пользу своему отечеству, такъ какъ мясо лиллипутскихъ коровъ было

очень нѣжно и вкусно, а шерсть овецъ отличалась особой тонкостью.

Вскорѣ по всему Лондону прошелъ слухъ о моихъ необычайныхъ коровахъ и знатныя лица начали съѣзжаться ко мнѣ посмотрѣть на нихъ и послушать мои рассказы про диковинныя страны.

Эти посѣщенія дали мнѣ возможность собрать значительную сумму денегъ. Когда-же я, — увы, не сдержавъ своего обѣщанія никогда не покидать домъ и забывъ всѣ свои злключенія — снова отправился въ путешествіе, я весь свой скоть, къ тому времени расплотившійся и представлявшій уже стадо, продалъ правительству, составивъ такимъ образомъ довольно кругленькій капиталецъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Путешествіе въ Бробдиньягъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Итакъ, я не сдержалъ своего обѣщанія прекратить путешествія и жить безвыѣздно на родинѣ. Черезъ два мѣсяца меня опять потянуло вдаль, въ новыя, неизвѣданныя мѣста.

И вотъ, 20 іюня 1702 года я снова на кораблѣ Адвенчеръ, капитаномъ котораго былъ Джонъ Николсъ, снова прощаюсь съ семьей и покидаю родину. Идемъ въ Сюрать.

Вначалѣ все покровительствовало намъ: до мыса Доброй Надежды попутный вѣтеръ и ясная погода. Тутъ бросили якорь съ цѣлью запастись прѣсною водой, но съ этого момента начались бѣды и разные препятствія: въ кораблѣ открылась течь, необходимо было произвести починку, потомъ заболѣлъ капитанъ перемежающеюся лихорадкой, поэтому вынуждены были остаться зимовать. Весною, въ концѣ марта, вновь двинулись въ путь. Подняли якорь и благополучно совершили переходъ къ Мадагаскарскому проливу. Къ сѣверу отъ острова Мадагаскара, на 5° южной широты, мы вошли въ тотъ поясъ вѣтровъ, гдѣ, по наблюденіямъ моряковъ, они дуютъ равномерно и постоянно съ начала декабря и до начала мая. 19 апрѣля вѣтеръ усилился и дулъ двадцать дней подрядъ. 2 мая капитанъ сдѣлалъ вычисленія, чтобы узнать, гдѣ мы находимся. Къ нашему огорченію, оказалось, что насъ отбросило

немного на востокъ отъ Молукскихъ острововъ, на 3° къ сѣверу отъ экватора. Тутъ вѣтеръ прекратился, все успокоилось, но мнѣ пришлось недолго радоваться. Капитанъ, человѣкъ опытный въ плаваніи по этимъ морямъ, предложилъ всѣмъ готовиться къ бурѣ. Дѣйствительно, на слѣдующій день поднялся сильный южный вѣтеръ, извѣстный подъ именемъ муссона.

Во время этой бури насъ несло лигъ на пять-сотъ, по крайней мѣрѣ, къ востоку. Никто, даже изъ самыхъ старыхъ моряковъ, не могъ сказать, куда мы попали, и въ какой части свѣта мы находимся. Хотя провизіи у насъ было пока достаточно, корабль былъ въ хорошемъ состояніи, всѣ люди экипажа чувствовали себя совершенно здоровыми, но боязнь очутиться безъ прѣсной воды внушала сильное безпокойство.

Однако 16 іюня 1703 года юнга *), бывший на брамъ-стенгѣ **), увидѣлъ землю. Крикъ восторга вырвался у насъ и мы съ облегченнымъ сердцемъ направились къ ней. 17-го нашъ корабль находился уже въ виду какого-то острова или континента, — мы не знали. На южной его сторонѣ выдавалась въ море полоса земли, и возлѣ нея бухта, но глубина ея была незначительна: намъ, на кораблѣ вмѣстимостью болѣе ста тоннъ, нечего было и думать войти въ нее. Мы бросили якорь въ разстояніи лиги отъ этой бухты. Капитанъ тотчасъ послалъ на берегъ за водой барказъ съ двѣнадцатью хорошо вооруженными людьми. Я попросилъ у капитана позволенія тоже отправиться съ ними, — мнѣ хотѣлось осмотрѣть страну и сдѣлать, какія возможно будетъ, открытія. Выйдя на берегъ, мы не нашли ни рѣчки, ни источника, ни малѣйшихъ признаковъ населенія. Матросы разбрелись по берегу,

*) Юнга — юноша, служащій на кораблѣ; будущій матросъ.

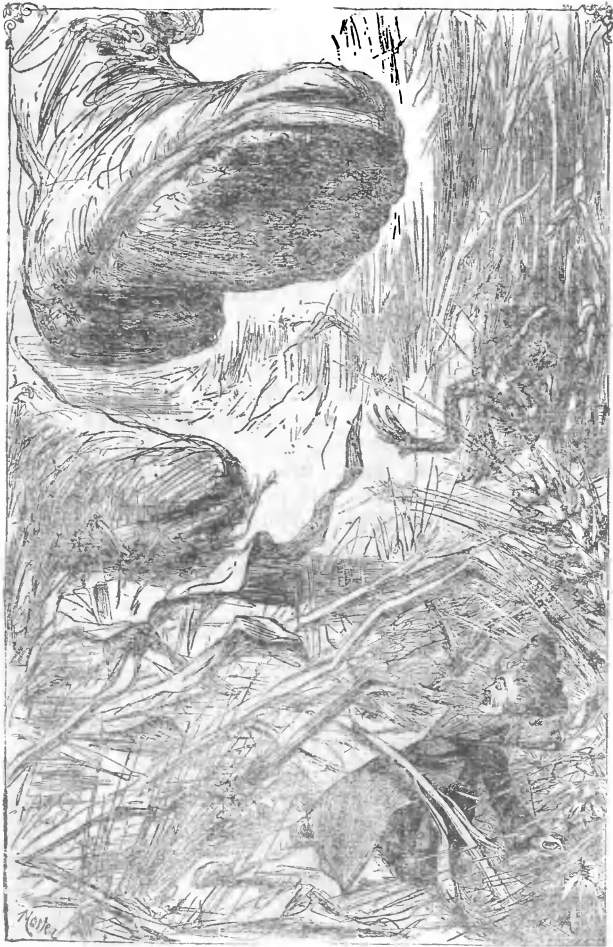
**) Брамъ-стенга — третья мачта.

а я пошелъ въ противоположномъ направленіи. Добрался я до какого-то холма, но не встрѣтилъ на пути ничего любопытнаго. Утомившись, я тихо возвращался къ бухтѣ. Передо мной находилось открытое море. Вдругъ я увидѣлъ, что всѣ матросы, сидя въ барказѣ, быстро гребли веслами; они, видно было, употребляли страшныя усилія, чтобы скорѣй достигнуть корабля. Я уже готовился ихъ окликнуть, хотя зналъ, что это бесполезно, — они были уже далеко, — какъ вдругъ замѣтилъ громадное существо, преслѣдовавшее барказъ. Гигантъ шелъ по водѣ; она была ему выше колѣнъ. Онъ, насколько было возможно, бѣжалъ быстро, но дно было усѣяно острыми камнями, а между тѣмъ наши ушли на полторы лиги впередъ, и онъ не могъ догнать лодки. Я не ожидая исхода приключенія, со всѣхъ ногъ бросился бѣжать назадъ, гдѣ только что былъ. Влѣзъ на знакомый уже утесистый холмъ и вздохнулъ свободно, чувствуя себя въ безопасности. Отсюда я сталъ оглядывать мѣстность, куда меня занесла судьба. Она была вездѣ воздѣлана. Меня сразу поразила высота травы, которая достигала почти трехъ сажень. Я спустился на большую дорогу; оказалось, для здѣшнихъ жителей она была только тропинкой, пересѣкавшей ячменное поле. Я шелъ впередъ, но ничего не видѣлъ по сторонамъ, потому что приближалось время жатвы, и хлѣбъ достигалъ, по крайней мѣрѣ, шести сажень высоты. Черезъ часъ я дошелъ до конца этого поля и уперся въ изгородь, высотой въ семнадцать сажень. Бревна этой изгороди были такъ громадны, что я не могъ составить по нимъ даже приблизительнаго понятія о высотѣ деревьевъ. Съ этого поля на другое вела каменная лѣстница въ четыре ступени; передъ верхней ступенью лежалъ огромный камень въ видѣ порога. Я безпомощно стоялъ у этой лѣстницы, потому что каждая ступень имѣла около сажени вышины, а верхній камень около

трехъ. Я вынужденъ былъ искать какой-нибудь щели въ изгороди и уже готовъ былъ пролѣзть, какъ вдругъ опять увидѣлъ на сосѣдномъ полѣ великана, приближавшагося къ лѣстницѣ. Онъ былъ такого-же роста, какъ и тотъ, который догонялъ нашъ барказъ въ морѣ. Казалось, онъ былъ не ниже шпика обыкновенной колокольни. Насколько я могъ опредѣлить, каждый его шагъ равнялся двѣнадцати моимъ. Объятый ужасомъ и изумленіемъ, я убѣжалъ и спрятался въ хлѣбѣ. Оттуда я видѣлъ, какъ стоя на верхней ступени лѣстницы, онъ осматривалъ сосѣднее поле; въ то же время я услышалъ, что онъ зоветъ кого-то. Сначала я былъ увѣренъ, что слышу раскаты грома, но это былъ его голосъ. На зовъ снизу стали приближаться семь такихъ-же чудовищъ съ серпами въ рукахъ; я успѣлъ замѣтить, что каждый серпъ былъ въ шесть разъ больше нашей косы. Эти люди были одѣты бѣднѣе перваго. Они оказались работниками, потому что послѣ нѣсколькихъ его словъ отправились жать то поле, гдѣ я спрятался. Я поспѣшилъ удалиться отъ нихъ, но подвигался впередъ съ большими затрудненіями. И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разстояніе между стеблями было такъ узко, что я едва пролѣзалъ между ними, и такъ дошелъ до непроходимаго мѣста: тутъ хлѣбъ былъ сваленъ вѣтромъ и дождемъ. Невозможно было сдѣлать ни одного шага дальше; стебли такъ перепутались, что я не могъ даже проползти между ними; а падающія ости колосьевъ были такъ крѣпки и остры, что прокалывали мнѣ платье и проникали въ тѣло. Въ то же время я слышалъ, что жнецы находятся отъ меня не дальше сорока саженьей. Разбитый усталостью и подавленный горемъ и отчаяніемъ, я легъ въ бороздѣ и отъ всего сердца желалъ смерти. Я оплакивалъ жену и моихъ сиротъ дѣтей. Я жаловался на свое легкомысліе и упорство, вслѣдствіе которыхъ началъ второе путешествіе, несмотря на

усиленные просьбы родныхъ и друзей остаться съ ними. Я вспоминалъ Лиллипутію, жители которой смотрѣли на меня, какъ на небывалое чудо въ свѣтѣ; тамъ я имѣлъ возможность одной рукой уничтожить весь императорскій флотъ и совершить много другихъ подвиговъ, которымъ съ трудомъ повѣрить потомство, несмотря на миллионы самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Я думалъ объ ожидающемъ меня униженіи среди людей, между которыми я буду казаться такимъ-же ничтожнымъ существомъ, какимъ казался-бы между нами любой обитатель Лиллипутіи. Чего-же могъ я ожидать теперь, кромѣ печальной участи попасть въ ротъ первому страшному варвару, который поймаешь меня?

Такія печальныя мысли одна за другой приходили мнѣ въ голову. Въ это время одинъ изъ жнецовъ подошелъ къ бороздѣ, въ которой я лежалъ. Видя, что при первомъ его движеніи я буду или раздавленъ или разсѣченъ надвое серпомъ, я закричалъ такъ громко, насколько хватило силъ. Громадное существо быстро остановилось, оглядываясь кругомъ, пока его взоръ не упалъ на меня. Съ минуту онъ разсматривалъ меня съ такимъ видомъ, съ какимъ иногда человѣкъ готовится схватить маленькое животное, боясь, чтобы оно не оцарапало или не укусило его; я самъ нѣсколько разъ ловилъ такимъ образомъ ласточекъ въ Англіи. Наконецъ, онъ рѣшился поднять меня, схвативъ двумя пальцами за середину туловища. Въ такомъ положеніи онъ держалъ меня, желая получше разсмотрѣть. Онъ страшно сдавливалъ ребра, боясь, чтобы я не выскочилъ изъ пальцевъ; но я не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія въ то время, когда онъ держалъ меня такъ на высотѣ сажени или полутора отъ земли. Все, что я позволилъ себѣ, — это обратить свои взоры къ солнцу, сложить въ умоляющей позѣ руки и смиреннымъ тономъ сказать нѣсколько словъ. На самомъ-же

Я закричалъ такъ громко, насколько хватило силъ.

дѣлѣ я очень боялся, что въ эту минуту онъ бросить меня на землю, какъ мы бросаемъ какое-нибудь отвратительное животное, готовясь раздавить его. Но мой голосъ и манеры, повидимому, ему понравились; онъ съ любопытствомъ меня разсматривалъ, удивлялся звукамъ моихъ словъ, смысла которыхъ онъ не понималъ. Однако, я не въ силахъ былъ удержаться отъ стога и слезъ и счелъ за лучшее показать головой на ребра, желая дать понять, что онъ причиняетъ мнѣ нестерпимую боль, сжимая ихъ пальцами. Казалось, онъ догадался, въ чемъ дѣло, такъ какъ, развернувъ полу своей одежды, осторожно положилъ меня туда и затѣмъ бѣгомъ отправился со мнѣ къ своему хозяину, къ тому богатому фермеру, котораго я видѣлъ въ полѣ.

Фермеръ, получивъ отъ своего работника — насколько я могъ догадаться, судя по ихъ разговору, — всѣ свѣдѣнія обо мнѣ, взялъ соломинку, толщиною въ обыкновенную трость, и сталъ поднимать ею полы моего кафтана: очевидно, онъ полагалъ, что природа одарила меня ими для защиты. Затѣмъ онъ дунулъ на мои волосы, желая лучше рассмотреть лицо.

Собравъ работниковъ, онъ спросилъ ихъ (что я заключилъ изъ его разговоровъ съ ними), не встрѣчали-ли они когда-нибудь въ полѣ еще другого такого маленькаго животнаго, какъ я. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ тихо опустилъ меня на землю и поставилъ на четвереньки; но я тотчасъ поднялся на ноги, сталъ ходить взадъ и впередъ, желая показать, что не имѣю ни малѣйшаго намѣренія убѣжать. Всѣ сѣли въ кругъ, чтобы лучше наблюдать за моими движеніями. Я снялъ шляпу и сдѣлалъ глубокій поклонъ фермеру. Ставъ на колѣни, я поднялъ руки къ небу и, какъ могъ, громко произнесъ нѣсколько словъ; потомъ вынулъ изъ кармана кошелекъ съ золотомъ и покорно передалъ его хозяину. Онъ положилъ кошелекъ на

ладонь и поднесъ ее близко къ глазамъ, желая лучше разсмотрѣть подарокъ; потомъ взялъ иголку и нѣсколько разъ потрогалъ ею кошелекъ, не понимая его значенія. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ положилъ руку на землю, взялъ кошелекъ, открылъ его и высыпалъ къ нему на ладонь все золото. Онъ смочилъ на языкѣ конецъ пальца, взялъ имъ сперва одну большую монету, потомъ другую и поднесъ къ глазамъ; но видно было, что фермеръ такъ и не понялъ назначенія моего подарка. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы я собралъ монеты въ кошелекъ и спряталъ въ карманъ; всѣ попытки убѣдить его принять отъ меня этотъ подарокъ были бесполезны, и мнѣ осталось только положить вновь въ карманъ свои деньги.

Фермеръ наконецъ убѣдился, что я разумное существо. Онъ говорилъ со мной, но звуки его голоса раздавались въ ушахъ моихъ подобно грохоту водяной мельницы; однако я замѣтилъ, что каждое его слово состояло изъ отдѣльных звуковъ. Я отвѣчалъ на разныхъ языкахъ такъ громко, какъ могъ, и, несмотря на то, что фермеръ подставлялъ свое ухо на разстояніи двухъ съ половиною аршинъ отъ меня, ничто не помогло, — мы не поняли другъ друга. Онъ отослалъ рабочихъ по мѣстамъ, а самъ вынулъ носовой платокъ, сложилъ его вдвое и растянулъ на лѣвой рукѣ, которую положилъ на землѣ ладонью вверхъ. Затѣмъ сдѣлалъ мнѣ знакъ взойти на нее. Мнѣ было не трудно это исполнить, такъ какъ ладонь была толщиною не болѣе одного фута. Боясь потерять равновѣсіе, я легъ, растянувшись, на платокъ. Для большей предосторожности фермеръ закуталъ меня въ него и такимъ образомъ понесъ домой. Придя на ферму, онъ показалъ меня своей женѣ. Лишь только она увидѣла мою фигурку, какъ тотчасъ въ ужасѣ вскрикнула и отскочила назадъ. Однако, спустя нѣкоторое время, она замѣтила, что я съ большимъ вниманіемъ слѣжу за

всѣми движеніями ея мужа и отвѣчаю на нихъ; она мало-по-малу привыкла ко мнѣ и стала обходиться со мной чрезвычайно ласково и привѣтливо.

Быль полдень. Слуга подалъ обѣдъ. Онъ, какъ у всѣхъ земледѣльцевъ, былъ очень простъ и состоялъ только изъ одного блюда говядины. Блюдо имѣло около трехъ съ половиной сажени въ поперечникѣ. За столъ сѣли фермеръ, его жена, трое дѣтей и бабушка. Фермеръ посадилъ меня около себя на столѣ. Мнѣ казалось, что я сижу на крышѣ трехэтажнаго дома, такъ какъ столъ былъ высотой въ четыре сажени. Боясь упасть съ такого пьедестала, я отодвинулся подальше отъ края. Фермерша отрѣзала тонкій кусокъ говядины, накрошила въ ту же тарелку хлѣба и поставила ее передо мной. Я сдѣлалъ глубокій поклонъ, вынулъ свою вилку и ножъ и началъ ѣсть. Это доставило всѣмъ большое удовольствіе. Хозяйка велѣла служанкѣ подать ликерную рюмочку, вмѣстимостью болѣе полуведра, и налила въ нее какого-то питья; съ большимъ усиленіемъ взялъ я эту рюмку въ обѣ руки и самымъ почтительнымъ образомъ выпилъ за здоровье прекрасной леди, объяснясь съ ней громко по англійски. Это заставило отъ души разсмѣяться всю компанію, но своимъ громкимъ смѣхомъ она едва не оглушила меня. Напитокъ напоминалъ слабый сидръ *) и имѣлъ весьма пріятный вкусъ. Затѣмъ хозяинъ зѣвками предложилъ мнѣ занять мѣсто возлѣ его тарелки. Проходя неосторожно по столу, я въ разсѣянности наткнулся на корку хлѣба и упалъ прямо носомъ. Мое паденіе сильно встревожило моихъ новыхъ знакомцевъ. Но все обошлось благополучно. Я поднялся, взялъ шляпу, которая у меня, какъ у благовоспитаннаго джентельмена, была всегда подъ рукой, поднялъ ее кверху и прокричалъ три раза «ура!»

Возлѣ моего хозяина (такъ я буду называть

*) Сидръ—грушевое или яблочное вино.

теперь фермера) сидѣлъ его младшій сынъ, десятилѣтній шалунъ. Когда я подошелъ къ хозяину, маленькій проказникъ быстро схватилъ меня за ноги и поднялъ такъ высоко, что у меня задрожали всѣ члены. Отецъ выхватилъ меня изъ рукъ сына и далъ ему такую пощечину, что она, навѣрно, сбросила-бы съ лошадей цѣлый эскадронъ кавалеріи, и тутъ-же приказалъ мальчику выйти вонъ. Я, не желая оставлять въ ребенкѣ неприязнь къ себѣ, упалъ на колѣни и знаками далъ понять отцу, что прошу его простить мальчика. Мои просьбы помогли: его вернули на мѣсто. Я подошелъ къ шалуну и поцѣловалъ его руку, послѣ чего отецъ взялъ руку сына и ею слегка погладилъ меня.

Во время обѣда вскочила на колѣни хозяйки ея любимая кошка. Вдругъ услышалъ я позади себя сильный шумъ, точно двѣнадцать чучелныхъ ткачей работали на станкѣ. Повернувшись, я увидѣлъ, что это мурлычетъ кошка, которая показалась мнѣ въ три раза больше нашего быка. Хозяйка, лаская свою любимицу, кормила ее. Видъ этого животнаго былъ такой свирѣпый, что я посторонился въ смущеніи, хотя и находился на разстояніи семи сажень отъ нея. Хозяйка крѣпко держала кошку: она боялась, чтобы та не выпрыгнула изъ рукъ и не вонзилась въ меня своими когтями. Однако, мои опасенія оказались напрасны. Хозяинъ поднесъ меня къ кошкѣ на разстояніе двухъ сажень, но она не обратила на меня ни малѣйшаго вниманія. Я набрался храбрости и тоже рѣшилъ не выказывать никакого безпокойства. Пять или шесть разъ я смѣло подходилъ къ самой мордѣ кошки на разстояніе двухъ шаговъ, но она пятилась назадъ и изгибала спину, какъ-бы сама пугаясь меня. Въ это время въ комнату вбѣжали собаки: одна изъ нихъ была дворовая, величиною въ четыре раза больше слона, другая — борзая, выше, но гораздо тоньше нея. Я ужъ ничуть не испугался ихъ.

Почти въ концѣ обѣда вошла кормилица съ ребенкомъ на рукахъ, которому было около года. Лишь только ребенокъ замѣтилъ меня, какъ тотчасъ началъ такъ кричать, что его, навѣрное, услышали-бы за нѣсколько кварталовъ. Оказалось, что ребенокъ тянулся за мной, какъ за игрушкой. Хозяйка изъ чувства материнской нѣжности, желая позабавить его, взяла и поставила меня передъ нимъ. Ребенокъ схватилъ меня за середину туловища и сталъ тащить къ себѣ; онъ старался вложить въ ротъ мою голову. Я страшно завылъ. Мальчикъ въ испугѣ бросилъ меня; я непременно сломалъ-бы шею, если-бы мать не подставила снизу свой растянутый передникъ. Чтобы успокоить ребенка, кормилица старалась отвлечь его погремушкой. Игрушка имѣла видъ какого-то сосуда, наполненнаго камнями, и висѣла на канатѣ, привязанномъ къ поясу ребенка. Но все было напрасно. Ребенокъ не унимался, и оставалось послѣднее средство — дать въ утѣшеніе грудь.

Послѣ обѣда хозяинъ отправился къ рабочимъ, а женѣ поручилъ — судя по тону и жестамъ, — внимательнѣе позаботиться обо мнѣ. Я сильно усталъ, и хотѣлъ спать. Фермерша положила меня на свою постель, шириною въ восемь саженей; на ней, вѣроятно, умѣстились-бы три большихъ комнаты. Закрыла она меня бѣлымъ чистымъ носовымъ платкомъ, который однако былъ длиннѣе и толще большого паруса корабля.

Я спалъ около двухъ часовъ и видѣлъ во снѣ себя дома съ женой и дѣтьми. Проснулся я въ грустномъ настроеніи; оно усилилось еще, когда я убѣдился, что я одинъ въ комнатѣ, шириной въ тридцать или сорокъ саженей и вышиной болѣе тридцати, — въ ней смѣло помѣстился-бы большой храмъ вмѣстѣ съ колокольной. Моя госпожа занялась хозяйствомъ и заперла меня на ключъ. Постель возвышалась надъ поломъ на три сажени, и я никакъ не могъ ни сойти, ни спрыгнуть съ нея. Вдругъ

вижу, по полу на постель сползли двѣ крысы и стали бѣгать по ней. Одна подбѣжала почти къ моему лицу. Я вскочилъ въ ужасѣ и вынулъ для защиты кортикъ. Страшные животныя не испугались и смѣло аттаковали меня; одна крыса схватила уже передними лапами воротникъ моего сюртука; къ счастью, мнѣ удалось распоротъ ей животъ прежде, чѣмъ она успѣла нанести мнѣ какой-нибудь вредъ. Крыса упала къ моимъ ногамъ. Другая бросилась въ бѣгство; но я все-же успѣлъ нанести ей въ спину рану, и за ней потянулся кровавый слѣдъ. Послѣ этого подвига я тихо прогуливался взадъ и впередъ на постели и никакъ не могъ успокоиться и придти въ себя. Эти крысы величиной съ нашу большую собаку, отличаются отъ нея необычайной ловкостью и свирѣпостью. Что, если-бы, лежа спать, я снялъ кортикъ? Крысы разорвали-бы меня на клочья и, конечно, съѣли. Я измѣрилъ хвостъ убитаго животнаго и нашелъ, что его длина равняется двумъ съ половиной аршинамъ, онъ какъ разъ улегся-бы во всю длину моей кровати въ Англіи. Трупъ плавалъ въ крови и вызывалъ отвращеніе, но я не могъ преодолѣть его, чтобы сбросить съ постели.

Скоро послѣ этого въ комнату вошла хозяйка. Увидя меня въ крови, она испугалась, подбѣжала и взяла меня на руки. Я указалъ пальцемъ на убитую крысу и, улыбаясь, знаками далъ ей понять, что самъ невредимъ. Она этому замѣтно обрадовалась. Затѣмъ хозяйка позвала служанку взять щипцами крысу и выбросить ее за окно, а сама поставила меня на столъ. Я показалъ ей окровавленный кортикъ, вытеръ его полою сюртука и положилъ въ ножны. По моимъ жестамъ она поняла, что я хочу спуститься на полъ, и тотчасъ исполнила мое желаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Моя хозяйка имѣла десятилѣтнюю дочь, очень смышленную и не по лѣтамъ развитую; она искусно шила и изобрѣтала весьма остроумные наряды для своей куклы. Вмѣстѣ съ матерью онѣ устроили мнѣ на ночь постель въ кукольной колыбели, которую помѣстили въ небольшой комодный ящикъ. Чтобы меня не трогали крысы, ящикъ этотъ подвѣсили на дощечкѣ къ потолку. Много неудобствъ представляла эта постель; но они мало-по-малу уничтожались, по мѣрѣ того, какъ я начиналъ говорить на ихъ языкѣ и могъ объяснять свои нужды.

Маленькая дѣвочка увидѣла разъ или два, какъ я одѣваюсь и раздѣваюсь, и сама стала продѣлывать все это со мною, какъ съ куклой. Я не надоедалъ ей своими просьбами, чтобы хоть иногда пользоваться полной свободой. Она сшила мнѣ бѣлье изъ самаго тонкаго полотна, какое только можно было у нихъ найти; но, говоря безъ преувеличенія, это полотно было гораздо толще нашей парусины для мѣшковъ. Дѣвочка сама умывала меня и была моей учительницей, — обучала своему родному языку. Когда я пальцемъ указывалъ на какой-нибудь предметъ, она называла его, и такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней я выучился спрашивать все, что было мнѣ нужно. Она дала мнѣ имя Грильдригъ, что означаетъ человѣкъ. Это имя такъ и осталось за мной сперва въ семьѣ, а потомъ и во всемъ королевствѣ. Эта дѣвочка оказала мнѣ массу услугъ. Благодаря ей, я остался живъ. Мы не разлучались никогда во все время моего пребыванія здѣсь. Я называлъ ее Глюмдалькличъ, т. е. моей маленькой кормилицей. Я съ глубокой благодарностью вспоминаю и теперь о заботахъ и теплой ко мнѣ привязанности этой дѣвочки. Но однако я не только не имѣлъ возможности лично отблагото-

дарить ее за всѣ заботы обо мнѣ, напротивъ, въ послѣдствіи я невольно сдѣлался виновникомъ ея горя.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, между сосѣдами хозяина начали распространяться слухи, что онъ нашелъ въ полѣ странное животное, совершенно похожее на человѣка; говорили, что оно подражаетъ всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ: говорить, выучивается произносить слова на мѣстномъ нарѣчій, ходить на двухъ ногахъ; оно ручное животное, весьма покорное, приходитъ на зовъ и дѣлаетъ все, о чемъ его попросятъ; всѣ его члены очень нѣжны, а цвѣтъ его лица бѣлѣе, чѣмъ у маленькой дворянской дѣвочки.

Близкій сосѣдъ и большой пріятель моего хозяина явился къ нему, чтобы лично убѣдиться въ справедливости всѣхъ этихъ слуховъ. Лишь только онъ пришелъ, меня немедленно вынесли и поставили на столъ, гдѣ я и началъ представленіе: я ходилъ по командѣ, нѣсколько разъ вынималъ изъ ноженъ и вкладывалъ туда свой кортикъ, кланялся гостю, спрашивалъ о его здоровьѣ, говорилъ, что очень радъ его видѣть, — словомъ, въ точности исполнялъ все, чему научила меня Глюмдалькличъ.

Этотъ старикъ надѣлъ очки, чтобы ближе рассмотреть меня. Я разсмѣялся отъ души: его глаза были похожи на полную луну въ то время, когда она ярко блеститъ въ оконныя стекла. Домашніе, понявъ причину моей веселости, тоже засмѣялись; но простакъ не могъ догадаться, въ чемъ дѣло, и нимало не смутился. Онъ былъ извѣстный скряга, и на мое несчастіе тотчасъ проявилъ это. Я видѣлъ, какъ онъ перешептывался съ хозяиномъ, указывая по временамъ пальцемъ на меня, и я догадался, что старикъ затѣваетъ что-то недоброе; мнѣ даже показалось, что я понялъ суть дѣла. Моя малютка вывѣдала у матери всѣ подробности и на другой день утромъ рассказала мнѣ все. Оказалось, что сосѣдъ далъ моему хозяину про-

клятый совѣтъ показывать меня за деньги на рынкѣ въ ближайшемъ городѣ.

Бѣдная дѣвочка прижала меня къ своей груди и плакала отъ стыда, горя и тревоги за меня. Она боялась, чтобы грубые и невѣжественные люди не причинили мнѣ какого-нибудь зла; изъ любопытства они могли неосторожно сдавить крѣпко, и тѣмъ повредить всѣ члены, даже задушить меня. Она замѣтила также мою скромность и въ то же время гордость и понимала, какимъ позоромъ я буду считать для себя необходимость за деньги фигурировать на выставкѣ передъ всякой публикой. «Вѣдь папа и мама обѣщали мнѣ отдать тебя навсегда», жаловалась она со слезами на глазахъ, «а теперь хотятъ поступить со мною такъ же, какъ въ прошломъ году, когда подарили ягненка, а потомъ черезъ годъ продали его мяснику».. Но я, признаюсь откровенно, не такъ сильно тревожился, какъ моя кормилица. Я твердо надѣялся, — и эта надежда никогда не покидала меня, — что настанетъ время, и я буду свободенъ; а на временный позоръ, когда я буду играть роль чудовища на выставкахъ, я смотрѣлъ, какъ на печальную необходимость. Никто не могъ упрекнуть меня въ этомъ, въ случаѣ моего возвращенія въ Англію; самъ король Великобританіи, находясь въ моемъ положеніи, долженъ былъ бы подчиниться такому испытанію.

По совѣтамъ своего друга, мой хозяинъ на другой же день повезъ меня въ сосѣдній городъ. Онъ взялъ съ собой и Глюмдалькличъ, которую посадилъ на подушку позади себя. Меня помѣстили въ ящикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ; въ немъ находилась небольшая дверь и нѣсколько отверстій для прохода воздуха. Дѣвочка позаботилась положить въ ящикъ стеганое одѣяло, на которое я и легъ.

Городъ находился на разстояніи двадцати двухъ

миль отъ насъ. Путешествіе продолжалось всего полчаса, тѣмъ не менѣе оно страшно утомило меня. Лошадъ бѣжала крупной рысью — каждый шагъ ея равнялся почти шести саженьямъ, — мнѣ казалось, что я точно на кораблѣ во время бури, когда онъ то поднимается на гребень волны, то низвергается въ пучину.

Такъ мы прибыли въ городъ и остановились въ гостиницѣ «Золотого Орла». Тутъ фермеръ условился съ хозяиномъ ея показывать меня какъ диковину за плату. Скоро всѣ приготовленія были окончены, и мой хозяинъ вмѣстѣ съ глашатаемъ отправились объявлять жителямъ о прибытіи въ городъ необыкновеннаго созданія.

Меня помѣстили на столѣ въ самой большой залѣ. Моя маленькая кормилица сидѣла возлѣ самаго стола: она охраняла меня и указывала, что я долженъ дѣлать. Во избѣжаніе толкотни хозяинъ впускалъ въ домъ заразъ не болѣе тридцати человѣкъ. По командѣ дѣвочки я ходилъ по столу; она предлагала мнѣ вопросы, отвѣты на которые я разучилъ уже заранѣе на ихъ языкѣ. Я произносилъ слова, насколько могъ, громко. Потомъ я обращался къ публикѣ, выражалъ ей свое почтеніе и высказывалъ желаніе видѣть всѣхъ еще разъ. Я бралъ наперстокъ съ какимъ-то питьемъ и выпивалъ его за здоровье жителей. Вынувъ шпагу, я фехтовалъ ею въ воздухѣ. Моя кормилица дала мнѣ соломину, и я, выучась еще въ дѣтствѣ упражненіямъ съ пикой, продѣлывалъ ихъ теперь. Въ этотъ день было двѣнадцать перемѣнъ публики, и каждый разъ я повторялъ тѣ же паясничества; они страшно надоѣли мнѣ и утомили до полусмерти. Про меня рассказывали чудеса, и народъ ломился въ двери, желая увидѣть меня. Скамьи были отставлены далеко отъ стола, и хозяинъ никому не позволялъ дотрогиваться до меня, кромѣ дочери, боясь за мою жизнь, конечно, въ своихъ

Меня помѣстили на столѣ въ самой большой залѣ.

интересахъ. Несмотря на эти предосторожности, какой-то школьникъ все же пустилъ мнѣ въ голову орѣхъ, величиной съ нашу небольшую тыкву; онъ бросилъ его съ такой силой, что едва не раскроилъ мнѣ черепа. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ публика расправилась со школяромъ и выгнала его изъ залы.

Мой хозяинъ объявилъ въ городѣ, что въ ближайшій базарный день онъ будетъ снова показывать ~~меня~~ ~~н~~я. Непривычное путешествіе и непрерывныя представленія въ теченіе восьми часовъ довели до того, что я насилу стоялъ на ногахъ и едва могъ выговорить слово. Обратный путь прошелъ не такъ мучительно: хозяинъ сдѣлалъ для меня болѣе удобныя приспособленія.

Только черезъ три дня я пришелъ въ себя и оправился немного. Но мнѣ и дома не давали покоя. Всѣ сосѣдніе дворяне, услышавъ обо мнѣ, пріѣзжали къ хозяину посмотреть на диковину. Любопытные являлись по тридцати человѣкъ разомъ: хозяинъ всегда требовалъ плату за полную залу, хотя бы въ ней находилось только одно семейство. Такимъ образомъ, въ теченіе недѣли я не имѣлъ ни одного свободного дня, кромѣ среды — ихъ воскресенья.

Хозяинъ, видя, какія большія выгоды извлекаетъ онъ изъ меня, рѣшилъ объѣхать со мной всѣ большіе города въ королевствѣ. Онъ собралъ все необходимое для долгаго путешествія, сдѣлалъ хозяйственныя распоряженія, и мы отправились въ дорогу 16 августа 1703 года.

Мы рѣшили ѣхать въ столицу, которая расположена была въ центрѣ имперіи, въ разстояніи трехъ тысячъ миль отъ нашего дома. Хозяинъ взялъ съ собой и дочь. Она держала меня на колѣняхъ въ ящикѣ, который былъ привязанъ къ ея поясу. Насколько возможно было, она устроила меня поудобнѣе: ящикъ обила самой мягкой ма-

теріей, а низъ устлала матрадами; внутри поставила постель своей куклы. Она позаботилась взять бѣлье и другія нужныя мнѣ вещи. Слѣдомъ за нами одинъ изъ работниковъ хозяина везъ багажъ.

Фермеръ рѣшилъ не терять выгоды и по пути: онъ показывалъ меня и въ деревняхъ, гдѣ рассчитывалъ найти зрителей между помѣщиками. Мы дѣлали въ день не больше ста сорока или ста шестидесяти миль, потому что Глюмдалькличъ, заботясь обо мнѣ, жаловалась на усталость лошадиной тряски. По моему желанію, она часто вынимала меня изъ ящика, чтобы я могъ подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть окрестности. Мы переправились черезъ пять или шесть рѣкъ; каждая изъ нихъ была глубже Нила или Ганга; даже ручейки были больше Темзы.

Мы путешествовали десять дней. Меня показали въ восемнадцати большихъ городахъ, не считая деревень и частныхъ домовъ.

26 октября мы прибыли въ столицу, извѣстную у нихъ подъ именемъ Лорбрульгрудъ или Гордость вселенной. Мой хозяинъ остановился на главной улицѣ, недалеко отъ королевскаго дворца и выпустилъ крикливыя афиши съ описаніемъ меня и моихъ талантовъ. Онъ нанялъ большую залу. Посреди залы возвышался столъ до девяти сажень въ поперечникѣ, — на немъ я долженъ былъ исполнять свою роль; вокругъ верхней доски стола была устроена рѣшетка, вышиной въ полсажени, чтобы защищать меня отъ паденія и отъ публики.

Къ общему удовольствію и восхищенію меня показывали по десяти разъ въ день. Теперь я уже довольно сносно говорилъ на мѣстномъ языкѣ и превосходно понималъ предложенные вопросы. Мало того, я уже выучилъ азбуку и могъ писать фразы, благодаря Глюмдалькличъ, которая, не только дома, но и дорогой занималась со мной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Утомительныя ежедневныя упражненія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль значительно подорвали мое здоровье, но хозяинъ становился все ненасытнѣе и не прекращалъ представленій. Наконецъ я сталъ походить болѣе на скелетъ, чѣмъ на человѣка. Фермеръ рѣшилъ, что я, вѣроятно, скоро умру, а потому изъ меня надо извлечь все, что только возможно. Вдругъ къ нему явился королевскій дворецкій съ требованіемъ немедленно доставить меня во дворецъ для увеселенія королевы и придворныхъ дамъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ уже видѣли меня и распустили необыкновенные слухи о моей красотѣ, благородныхъ манерахъ и большой сообразительности. Ея величество и придворныя дамы пришли отъ меня въ неописанный восторгъ. Я въ умиленіи упалъ передъ королевой на колѣни и умолялъ позволить мнѣ поцѣловать ея ногу. Министивая королева протянула мнѣ мизинецъ руки. Меня поставили на столъ, я охватилъ мизинецъ обѣими руками и съ глубокимъ почтеніемъ поднесъ его къ губамъ. Она разспрашивала о моей родинѣ, о моемъ путешествіи. Я отвѣчалъ кратко и по возможности ясно на всѣ ея вопросы.

Затѣмъ она спросила: «былъ бы ты доволенъ, если бы тебя оставили при дворѣ?» Наклонившись до стола, я отвѣчалъ: «я рабъ своего хозяина, но если буду принадлежать вамъ, ваше величество, то сочту своей гордостью посвятить всю свою жизнь на служеніе вамъ».

Она обратилась къ фермеру и спросила, согласенъ ли онъ продать меня за хорошую цѣну. Хозяинъ, боясь, что я не проживу и мѣсяца, очень обрадовался случаю отъ меня отдѣлаться. Онъ запросилъ тысячу золотыхъ монетъ, которыя тутъ же ему и отсчитали.

Тогда я обратился къ королевѣ и сказалъ: «такъ какъ теперь я состою покорнѣйшимъ слугой вашего величества, то и осмѣливался просить, какъ милости, оставить при дворѣ и Глюмдалькличъ, которая была моей кормилицей и учительницей, и безъ заботъ ея мнѣ очень трудно обойтись». Ея величество согласилась исполнить мою просьбу. Фермеръ тоже остался доволенъ тѣмъ, что его дочь сдѣлается придворной дамой. Глюмдалькличъ не могла скрыть своей глубокой радости. Мой старый хозяинъ удалился, выразивъ мнѣ на прощанье много добрыхъ пожеланій, и добавилъ, что оставляетъ меня на прекрасной должности. Я не отвѣтилъ ему ни слова, а ограничился только легкимъ поклономъ.

Королева замѣтила мою холодность къ бывшему хозяину и, когда фермеръ удалился, спросила о ея причинѣ. Я объяснилъ ея величеству, что я обязанъ этому человѣку только тѣмъ, что мнѣ, безобидному созданію, не раздавили черепа въ то время, когда случайно нашли въ полѣ. Я щедро вознаградилъ его за это одолженіе той огромной суммой денегъ, которую онъ выручилъ, благодаря мнѣ. Я же влачилъ у него такое жалкое и тяжелое существованіе, что оно могло бы уничтожить даже животное крѣпче и сильнѣе меня въ десять разъ. Мое здоровье очень подорвано и расшатано непрерывной работой — забавлять чернь въ теченіе цѣлаго дня. Онъ и продалъ меня такъ дешево ея величеству только потому, что дни мои сосчитаны. Теперь же я нахожусь подъ покровительствомъ такой великой и милостивой королевы, — этого украшенія природы, любви вселенной, отрады своихъ подданныхъ, перла созданія, — и надѣюсь, что опасенія моего бывшего хозяина не оправдаются: я уже чувствую возстановленіе моихъ силъ подъ вліяніемъ августѣйшаго ея присутствія.

Такова въ общихъ чертахъ моя рѣчь, сказанная королевѣ. Она стоила мнѣ большихъ затруд-

неній: мнѣ было не легко подобрать этотъ бужетъ вычурныхъ словъ. Съ манерой выраженій этого народа познакомила меня Глюмдалькличъ и выучила нѣсколькимъ фразамъ во время перехода ко двору.

Королева отнеслась очень снисходительно къ моей нескладной рѣчи. Она была поражена, видя въ такомъ маленькомъ созданіи столько ума. Взявъ на руку, она понесла меня въ кабинетъ къ королю. Его величество, важный и суровый на видъ, не разсмотрѣвъ съ перваго взгляда меня (я лежалъ грудью на правой рукѣ королевы) и холодно спросилъ королеву: «съ какихъ это поръ ты пристрастилась къ сплекнюку?» *).

Королева тихо поставила меня прямо на ноги на письменный приборъ и приказала рассказать его величеству свою исторію. Я исполнилъ это въ нѣсколькихъ словахъ. Глюмдалькличъ, стоявшая у дверей кабинета — она не оставляла меня безъ себя нигдѣ — получила позволеніе войти и добавила къ моему разсказу то, что произошло со мной со времени прибытія въ домъ ея отца.

Король былъ однимъ изъ ученѣйшихъ мужей во всемъ его государствѣ. Онъ разсмотрѣлъ внимательно мои члены, видѣлъ, что я хожу прямо; до разговора со мной онъ принялъ меня за заводную игрушку. Когда же онъ услышалъ мой голосъ и разумную рѣчь, то очень удивился. Онъ не совсѣмъ повѣрилъ моему разсказу о томъ, какъ я попалъ въ его королевство, онъ думалъ, что эту исторію сочинили Глюмдалькличъ съ отцомъ и заставили меня выучить наизусть, чтобы выгодно продать меня. Онъ предлагалъ мнѣ разные вопросы и получалъ отъ меня разумные отвѣты. Онъ замѣтилъ только, что я неправильно произношу и не вполне владѣю ихъ языкомъ; —

*) Сплекнюкъ — мѣстное животное.

требляю грубыя выраженія, заимствованныя у фермера; это, видно, было очень неприятно королю.

Его величество приказалъ привести для совѣщаній трехъ великихъ ученыхъ, бывшихъ въ то время на дежурствѣ. Во дворцѣ, по обычаю, обязательно дежурили два ученыхъ, которые чередовались по недѣлямъ. Эти господа очень долго и очень подробно изучали мои члены и пришли къ совершенно различнымъ заключеніямъ. Всѣ трое однако согласились, что я созданъ не по законамъ природы, такъ какъ по строенію тѣла не принадлежу ни къ бѣгающимъ, ни къ лазающимъ, ни къ роющимъ норы животнымъ. Внимательно осмотрѣвъ мои зубы, они признали, что я животное плотоядное. И какъ при такомъ ростѣ я, разсуждали они, могу выдержать борьбу хоть съ однимъ изъ четвероногихъ животныхъ, когда даже полевые мыши и другія мелкія животныя отличаются, сравнительно со мною, большею ловкостью. Они, сколько ни думали, никакъ не могли представить, какимъ же образомъ я добываю себѣ пищу. «Развѣ допустить, что онъ питается улитками и другими насѣкомыми!» воскликнулъ одинъ изъ ученыхъ. Но съ помощью разныхъ разсужденій они доказали, что и этого не можетъ быть. «Это, можетъ быть, зародышъ человѣка», глубокомысленно заявилъ другой. Но и это отвергли, указавъ на мои развитые члены, на мою бороду, волосы которой они разсматривали при этомъ въ лупу. И карликомъ меня нельзя считать, рѣшили они, такъ какъ карликъ, любимецъ королевы, самый маленькій человѣчекъ во всемъ королевствѣ, и тотъ былъ вышиной въ четыре сажени. Долго спорили они и наконецъ-то пришли къ единодушному заключенію: я ничто иное, какъ рильплюмъ сколькатъ — въ буквальномъ переводѣ — игра природы. Это опредѣленіе удовлетворило всѣхъ ученыхъ.

Я очень удивился такому рѣшенію и попро-

силъ позволенія сказать нѣсколько словъ. Мнѣ разрѣшили. Я, обратившись къ королю, объяснилъ, что страна, откуда я прибылъ, населена милліонами такихъ же людей, какъ я, одинаковаго со мной роста; что въ моей странѣ животныя, деревья, дома, — словомъ, все пропорціонально нашему росту; и тамъ я такъ же способенъ защищаться и добывать пищу, какъ дѣлаетъ это каждый здѣсь; слѣдовательно, всѣ доказательства господъ ученыхъ не могутъ быть вѣрны. На это они презрительно улыбнулись и сказали, что фермеръ, вѣроятно, давалъ мнѣ прекрасные уроки.

Король былъ образованнѣе всѣхъ этихъ ученыхъ и, видно, сомнѣвался въ ихъ рѣшеніи. Онъ отпустилъ ихъ и приказалъ позвать къ себѣ фермера, который, къ счастью, еще не выѣхалъ изъ города. Король разспросилъ его одного, а потомъ вмѣстѣ съ дочерью, и убѣдился, что мой рассказъ правдоподобенъ. Послѣ этого заботы обо мнѣ со стороны короля и королевы усилились, при мнѣ оставили мою любимицу Глюмдалькличъ.

Для насъ приготовили прекрасную комнату при дворѣ. Къ Глюмдалькличъ пригласили гувернантку; для одѣванія и другихъ услугъ опредѣлили ей горничную и еще двухъ служанокъ; за мной же должна была присматривать только одна Глюмдалькличъ. Королева приказала придворному столяру сдѣлать ящикъ, который замѣнилъ бы мнѣ спальню. Столяръ былъ замѣчательный мастеръ; въ три недѣли онъ сдѣлалъ, по моимъ указаніямъ, деревянную комнату съ выдвижными окнами и дверью. Потолокъ открывался вверхъ и опускался, чтобы можно было ставить въ моей спальнѣ постель, убранную обойщиками ея величества. Глюмдалькличъ каждый день выносила кровать на воздухъ, а вечеромъ ставила ее на мѣсто и запирала крышу моей комнаты. Другой столяръ - художникъ сдѣлалъ изъ матеріала, похожаго на слоновую кость, два стула,

два стола и шкапъ для платья. Вся комната внутри была обита войлокомъ, чтобы я не ушибся при неосторожной переноскѣ и не страдалъ отъ тряски во время ѣзды въ экипажѣ. Я просилъ сдѣлать для двери замокъ, чтобы запирались отъ крысъ и мышей. Слесарь много разъ пробовалъ и сдѣлалъ наконецъ одинъ, такой маленькій, какого здѣсь никогда не видѣли; для меня же онъ былъ такой громадный, больше котораго я видѣлъ только разъ у воротъ одного стариннаго замка въ Англіи. Ключъ я всегда носилъ съ собой, а для Глюмдалъкличъ онъ былъ такъ малъ, что она могла потерять его.

Королева приказала сшить мнѣ платье изъ самой тонкой шелковой матеріи; эта матерія оказалась толще англійскаго одѣяла и сильно беспокоила меня, пока я не привыкъ къ ней. Платье было сшито по мѣстной модѣ, напоминало частью персидскій, частью китайскій костюмъ, но придавало мнѣ величественный и важный видъ.

Королева такъ привязалась ко мнѣ, что никогда не обѣдала безъ меня. Мой столъ и стулъ ставили на столъ ея величества, съ лѣвой ея руки. Глюмдалъкличъ сидѣла возлѣ меня на табуретѣ и прибирала за мной. Весь мой столовый приборъ былъ изъ чистаго серебра. По сравненію съ столовой посудой королевы все было похоже на дѣтскіе сервизы, которые часто приходилось видѣть въ лондонскихъ игрушечныхъ лавкахъ. Моя кормилица носила мои приборы въ своемъ карманѣ, укладывая ихъ въ серебряный ящичекъ; за обѣдомъ она ставила ихъ передо мной, а послѣ обѣда сама ихъ мыла, чистила и прятала. Кромѣ королевы, за ея столомъ обѣдали еще двѣ уже взрослые королевскія принцессы; старшей было шестнадцать лѣтъ, а младшей — тринадцать. Ея величество давала мнѣ кусокъ говядины на мое блюдо; я рѣзалъ его самъ. Смотрѣть, какъ я ѣмъ, доставляло ей большое удовольствіе. Это и не удивительно: королева, пе-

смотря на свой нѣжный желудокъ, разомъ брала въ ротъ столько кушанья, сколько нужно, чтобы накормить за обѣдомъ двѣнадцать фермеровъ-англичанъ. Нѣкоторое время я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на это зрѣлище: она за одинъ приѣмъ брала въ ротъ крыло полевого жаворонка, по объему въ девять разъ больше нашей индѣйки, вмѣстѣ съ кускомъ булки въ два нашихъ хлѣба. Точно также она вышивала въ одинъ приѣмъ золотой кубокъ вмѣстимостью въ нашу бочку. Лезвее ихъ ножа по величинѣ равнялось косѣ, если ее выпрямить. Я вспоминаю, въ какой я пришелъ ужасъ, когда разъ Глюмдалькличъ повела меня посмотрѣть изъ любопытства кухонный столъ, на которомъ лежали вмѣстѣ десять или двѣнадцать ножей и вилокъ; болѣе страшнаго зрѣлища я никогда не видѣлъ.

По придворному обычаю, каждую среду — ихъ воскресенье — король, королева и всѣ дѣти обѣдали вмѣстѣ въ покояхъ короля. Я скоро сдѣлался и его любимцемъ, и въ этихъ случаяхъ мой столъ и стулъ ставили по правую руку его величества, передъ солонкой.

Король любилъ бесѣдовать со мной. Онъ разспрашивалъ меня о европейскихъ нравахъ, религіи, законахъ, правительствѣ и литературѣ; я давалъ ему по возможности самыя подробныя свѣдѣнія. Онъ высказывалъ много здравыхъ мыслей по поводу всего, что я сообщалъ ему. Когда же я слишкомъ подробно описалъ ему свое отечество, нашу торговлю, войны на сушѣ и на морѣ, религіозныя секты, политическія партіи и ихъ борьбу между собой, король не выдержалъ: онъ взялъ меня въ правую руку и, лаская лѣвой, громко засмѣялся и спросилъ, къ какой же партіи принадлежу я. Тутъ же стоялъ и первый министръ съ бѣлымъ жезломъ, длиною въ гротъ-мачту нашего англійскаго корабля «Царственный монархъ».

Король обратился къ нему и сказалъ: «какъ ничтожно человѣческое величіе, если такія и крохотныя насѣкомыя, какъ онъ, могутъ стремиться къ нему. Кромѣ того, продолжалъ онъ, я держу пари, что у этихъ созданий существуютъ титулы и различныя почетныя отличія; они строятъ гнѣзда и норки, называя ихъ домами и городами; они обращаютъ свое вниманіе на наряды и экипажи; они чувствуютъ, сражаются, ведутъ споры, плутуютъ, обманываютъ». Онъ продолжалъ въ такомъ же насмѣшливомъ тонѣ, я краснѣлъ отъ гнѣва, дрожалъ, слушая, какъ осмѣиваютъ мою благородную страну, эту гордость и зависть всего міра; но отомстить за такое оскорбленіе я, конечно, былъ не въ силахъ. Успокоившись немного и пораздумавъ, я пришелъ къ заключенію: что нѣтъ и основанія оскорбляться. Я уже привыкъ къ этимъ людямъ и всѣмъ окружающимъ предметамъ, которые были пропорціональны величинѣ обитателей; мой первый ужасъ уже прошелъ; я представлялъ себя въ обществѣ разряженныхъ въ праздничныя платья англійскихъ лордовъ и дамъ, съ ихъ важнымъ видомъ, поклонами, величественными движеніями; я, вѣроятно, такъ же смѣялся бы надъ ними, какъ теперь король и его придворные, глядя на меня. Я самъ каждый разъ улыбался, когда королева подносила меня на своей рукѣ къ зеркалу, въ которомъ мы отражались съ ногъ до головы; мнѣ казалось, что я былъ въ нѣсколько разъ меньше своего роста, и такое сравненіе было, дѣйствительно, смѣшно.

Никто меня такъ не раздражалъ и не оскорблялъ, какъ карликъ королевы. До меня во всей странѣ не было человѣка меньше его; теперь же, видя меня, такое маленькое созданіе, онъ считалъ себя великаномъ и становился со мной нахалѣнъ и дерзокъ. Когда онъ проходилъ въ переднюю королевы, я часто въ это время стоялъ на столѣ и бесѣдо-

валъ съ придворными лордами и дамами, и онъ рѣдко упускалъ случай кольнуть меня и бросить остроту насчетъ моего роста. Я, чтобы отомстить ему, называлъ его своимъ братомъ, предлагалъ ему выйти со мной на поединокъ.

Однажды за обѣдомъ я сильно задѣлъ это злое маленькое чудовище. Карликъ вскочилъ на стулъ, неожиданно схватилъ меня за туловище и бросилъ въ серебряную чашу со сливками. Я окунулся въ ней по уши. Глюмдалькличъ случайно находилась въ это время на другомъ концѣ залы, а королева такъ испугалась, что не знала, какъ помочь мнѣ, — къ счастью, я умѣлъ плавать. Наконецъ прибѣжала моя кормилица и вынула меня изъ вазы, но я успѣлъ проглотить пинты*) двѣ сливокъ.

Меня положили въ постель, но все обошлось благополучно, только совершенно испортилось мое модное платьѣ. Карлика сильно высѣкли и заставили выпить всѣ сливки, въ которыхъ я искупался. Королева не желала послѣ этого имѣть его во дворцѣ и подарила его одной знатной леди. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались.

Еще до этого онъ сыгралъ со мною грубую шутку. За обѣдомъ ея величество взяла на тарелку мозговую кость, вынула изъ нея мозгъ и положила кость обратно на блюдо. Въ это время Глюмдалькличъ пошла къ буфету. Карликъ воспользовался удобнымъ моментомъ, вскочилъ на табуретъ моей кормилицы, схватилъ меня, сжалъ мои ноги и всунулъ до пояса въ пустую кость. Я считалъ унижительнымъ для себя закричать и съ минутой оставался въ такомъ положеніи, пока не замѣтили этой проказы карлика. Я представлялъ такую смѣшную фигуру, что всѣ разсмѣялись, увидя меня. Я не обжегъ ногъ (при дворѣ рѣдко ѣдятъ горячее кушанье), но чулки и панталоны оказались

*) Пинта — мѣра жидкости больше трехъ бутылокъ

въ плачевномъ видѣ. Карлика высѣкли плетми; королева хотѣла немедленно прогнать его, но я великодушно заступился за него, и его простили.

Королева часто смѣялась надъ моей боязливостью и обыкновенно спрашивала, всѣ ли мои соотечественники такіе трусы, какъ я. Поводомъ къ насмѣшкамъ королевы послужило слѣдующее обстоятельство. Лѣтомъ здѣсь мухи летаютъ тучами; онѣ величиной съ нашего жаворонка; во время обѣда онѣ не давали мнѣ ни минуты покоя. Иногда онѣ садились на кушанье, оставляя на немъ свои яички, чего не замѣчали туземцы, — ихъ глаза не были такъ зорки, какъ мои при разсматриваніи небольшихъ предметовъ; мнѣ было не трудно видѣть на ихъ лапкахъ слѣды липкаго вещества, благодаря которому, по словамъ нашихъ натуралистовъ, мухи свободно держатся на потолкѣ. Иногда мухи садились на носъ и на лобъ, кусали до крови и распространяли отвратительный запахъ. Мнѣ стоило большого труда защищаться отъ этихъ гнусныхъ животныхъ; я съ содроганіемъ смотрѣлъ, какъ они льнутъ ко мнѣ. Карликъ набиралъ въ кулакъ нѣсколько такихъ мухъ, какъ это дѣлаютъ у насъ школьники, и неожиданно бросалъ ихъ мнѣ въ лицо, — это была его любимая забава; я пугался, а королева смѣялась. Я прибѣгалъ къ помощи своего ножа: когда онѣ подлетали ко мнѣ, я разсѣкалъ ихъ на части. Моя ловкость удивляла всѣхъ.

Я припоминаю еще слѣдующій случай. Однажды утромъ Глюмдалькличъ поставила меня въ ящикѣ на окно, чтобы я могъ подышать свѣжимъ воздухомъ, — это она обыкновенно дѣлала въ хорошую погоду, — я никогда не соглашался, чтобы ящикъ вѣшали на гвоздь, какъ вѣшаютъ птицъ въ Англіи. Я поднималъ свое выдвижное окно, сѣлъ за столъ и началъ завтракать. Я ѣлъ сладкій пирогъ; запахъ его привлечъ ось; ихъ влетѣло въ мою

комнату штукъ двадцать съ такимъ жужжаніемъ, будто заиграло двадцать вольноокъ. Однѣ рвали мой пирогъ на кусочки, другія летали вокругъ и оглушали меня своимъ жужжаніемъ. Ихъ жала привели меня въ ужасъ. Я вынулъ изъ ноженъ свой кортикъ и началъ съ ними сраженіе въ воздухъ. Четырехъ я убилъ, остальные улетѣли, и я поспѣшилъ закрыть окно. Эти насѣкомыя были величиной съ куропатку. Изъ убитой осы я вынулъ жало; оно было острое, какъ иголка, и длиною почти въ два дюйма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Король часто объѣзжалъ свои владѣнія. Королева всегда сопровождала его и брала для развлеченія и меня съ собой. Она не удалялась вглубь страны, а, проѣхавъ небольшое разстояніе, останавливалась и ожидала возвращенія короля съ границъ страны. Эти путешествія дали мнѣ возможность ближе ознакомиться съ страной, и я хочу дать читателю краткое описаніе ея.

Владѣнія короля занимаютъ около шести тысячъ лигъ въ длину и отъ трехъ до пяти тысячъ въ ширину. Наши географы сильно заблуждаются, думая, что между Японіей и Калифорніей нѣтъ ничего, кромѣ моря; я же всегда думалъ, что здѣсь необходимо должна быть земля. Географы должны исправить свои карты и планы, обозначивъ на нихъ огромное пространство земли у сѣверо-западныхъ береговъ Америки, въ чемъ я теперь съ удовольствіемъ могу помочь имъ.

Это королевство есть полуостровъ, съ одной стороны онъ оканчивается цѣпью неприступныхъ горъ, вышиною до тридцати миль. Самые глубокіе ученые не знаютъ, кто живетъ по ту сторону горъ; имъ даже неизвѣстно, населены ли эти мѣста или нѣтъ. Съ остальныхъ трехъ сторонъ полуостровъ

окруженъ океаномъ. Во всемъ королевствѣ нѣтъ ни одного порта. Все побережье, гдѣ впадаютъ рѣки въ море, покрыто острыми скалами; оно здѣсь такъ дико и неприступно, что никто не отваживается проникнуть въ море даже въ самой маленькой лодкѣ; поэтому этотъ народъ не имѣетъ никакихъ торговыхъ сношеній съ остальнымъ населеніемъ земного шара. А между тѣмъ ихъ большія рѣки служатъ водными путями и богаты превосходной рыбой. Туземцы рѣдко ловятъ морскую рыбу, потому что она такой же величины, какъ и въ Европѣ, и для нихъ слишкомъ мелка. Впрочемъ, они иногда ловятъ китовъ, когда они случайно заходятъ къ берегу и застреваютъ между утесами. Пойманный китъ служитъ поводомъ для устройства пира. Его мясо особенно по вкусу простому народу. Эти киты бываютъ здѣсь такой величины, что одинъ человѣкъ едва смогъ взвалить себѣ его на плечи. Иногда ихъ приносятъ въ корзинахъ въ столицу на показъ. Однажды я видѣлъ кита на блюдѣ за королевскимъ столомъ; его подали какъ рѣдкость. Король не дотронулся до этого блюда, и мнѣ показалось, что онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на эту громаду. Однако въ Гренландіи я встрѣчалъ еще большихъ китовъ.

Страна очень населена; въ ней сто пятьдесятъ одинъ большой городъ, около ста крѣпостей, обнесенныхъ стѣнами, и много деревень. Столица расположена на берегахъ рѣки. Въ ней болѣе восьмидесяти тысячъ домовъ и шестидесятъ тысячъ жителей. Она занимаетъ въ длину около пятидесяти четырехъ англійскихъ миль, а въ ширину немного меньше. Я измѣрилъ ее по картѣ, составленной по повелѣнію короля. Когда ее развернули для меня на землѣ, то она заняла мѣсто въ двѣ квадратныхъ сажени. Я прошелъ нѣсколько разъ поперекъ и по окружности карты, вычислилъ ко-

личество моихъ шаговъ и опредѣлилъ точное протяженіе города.

Королевскій дворецъ состоитъ изъ массы построекъ, которыя занимаютъ семь миль въ окружности, — въ Лондонѣ это составитъ нѣсколько кварталовъ. Главныя дворцовыя залы имѣютъ около тридцати пяти сажень вышины и такую же приблизительно длину и ширину.

У меня и Глюмдалькличъ была особая карета, въ которой я вмѣстѣ съ ней и гувернанткой ѣздили кататься по городу или въ лавки. Я сидѣлъ въ своемъ ящикѣ, но дѣвочка иногда, по моему желанію, брала меня на руки, чтобы мнѣ было удобно разсматривать дома и снующую толпу.

Ящикъ, въ которомъ меня носили, былъ великъ для колѣнъ Глюмдалькличъ и слишкомъ загромождалъ карету; поэтому королева заказала другой, меньшій. Его сдѣлалъ тотъ же самый мастеръ по моимъ указаніямъ. Этотъ дорожный кабинетъ имѣлъ форму правильнаго куба на трехъ сторонахъ его было по одному окну; они закрывались снаружи тонкими желѣзными рѣшетками, которыя оберегали меня отъ всякой опасности во время долгихъ путешествій. Къ четвертой глухой сторонѣ были придѣланы двѣ прочныхъ петли; сквозь нихъ продѣвался кожаный ремень; этимъ ремнемъ опоясывался мой носильщикъ, когда каталъ меня, сидя верхомъ на лошади. Носильщикомъ моимъ былъ обыкновенно вѣрный и осторожный слуга: на него я могъ вполнѣ положиться. Онъ носилъ меня во время моихъ путешествій съ королемъ и королевой, дома, по саду, или когда я отправлялся съ визитомъ къ какой-нибудь придворной дамѣ, къ министру или другимъ важнымъ особамъ.

Эти лица поспѣшили со мной познакомиться и всячески выражали мнѣ свое уваженіе, навѣрно, потому, что я имѣлъ счастье быть любимцемъ ихъ величествъ. Если во время путешествія меня утом-

ляла ѣзда въ каретѣ, то слуга прикрѣплялъ мой ящикъ къ своему поясу спереди и ставилъ его на подушку. Такимъ образомъ я могъ изъ своихъ оконъ осматривать всѣ окрестности. Въ ящикѣ у меня была походная постель, гамакъ, подвѣшанный къ потолку, два стула и столъ; послѣдніе были ввинчены въ полъ, чтобы не падали при движеніи лошади или кареты; я же давно привыкъ къ морской качкѣ, и теперь эти движенія больше не причиняли мнѣ прежняго безпокойства.

Каждый разъ, когда у меня являлось желаніе прогуляться по городу, я садился въ свой дорожный кабинетъ, Глюмдалъкличъ брала его къ себѣ на колѣни, и на открытыхъ носилкахъ насъ несли четыре человѣка въ сопровожденіи двухъ камеръ-лакеевъ королевы. Народъ толпился вокругъ насъ. Дѣвочка приказывала носильщикамъ останавливаться и сажала меня на руку, чтобы любопытные могли разглядывать меня.

Я давно хотѣлъ осмотрѣть главный храмъ, а въ особенности башню, которая считалась самою высокою въ королевствѣ. Однажды Глюмадлькличъ понесла меня туда. Я разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ: высота башни была немного болѣе четырехсотъ сажений, т. е. менѣе версты; для здѣшняго туземца такая высота не представляетъ ничего удивительнаго. Но зато я нашелъ башню необыкновенно красивой и прочной. Стѣны, толщиной почти въ пятнадцать сажений, построены изъ тесанаго камня; каждая изъ нихъ украшена статуями боговъ и императоровъ, высѣченныхъ изъ мрамора. Эти статуи болѣе обыкновеннаго роста и поставлены въ нишахъ *). Я измѣрилъ сломанный мизинецъ отъ статуи, который валялся незамѣченнымъ въ кучѣ мусора: оказалось, онъ былъ болѣе полтора аршина.

*) Ниша—углубленіе въ стѣнѣ, назначенное служить помѣщеніемъ для статуи, или какого-нибудь другого предмета.

Глюмдалькличъ завернула этотъ осколокъ въ платокъ и, положивъ въ карманъ, отвезла домой; она прибавила его къ другимъ бездѣлушкамъ, которыми очень любила забавляться, какъ и всѣ дѣти ея возраста.

Но я еще не договорилъ про королевскій дворецъ. Королевскія кухни представляли, дѣйствительно, великолѣпное зданіе со сводами, вышиною болѣе восьмидесяти пяти саженей. Главная печь шириною на десять шаговъ меньше купола собора Св. Павла, — это я въ точности измѣрилъ по возвращеніи своемъ въ Англію. Но мнѣ едва ли повѣрили бы, если бы я сталъ описывать чудовищные по размѣрамъ горшки и котлы, жаркія, вращающіяся на вертелѣ и другія подробности; это дало бы поводъ сказать, что я немного преувеличиваю, подобно всѣмъ путешественникамъ.

Его величество рѣдко держитъ въ своихъ конюшняхъ больше шестисотъ лошадей; ростомъ онѣ обыкновенно бываютъ въ семь-восемь разъ выше нашей лошади. Во время торжественныхъ выѣздовъ короля сопровождаетъ гвардія въ пятьсотъ всадниковъ. Это представляетъ такое зрѣлище, блистательнѣе котораго я не могъ вообразить до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ королевской арміи въ боевомъ порядкѣ, о чемъ расскажу потомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я жилъ бы довольно счастливо въ этой странѣ, если бы не мой маленькій ростъ; онъ былъ причиною многихъ унижительныхъ приключеній, о которыхъ я хочу рассказать.

Глюмдалькличъ часто носила меня въ дворцовый садъ въ небольшомъ ящикѣ, иногда вынимала изъ него и держала на рукѣ или опускала на землю погулять. Я вспоминаю, что однажды карликъ (тогда онъ еще состоялъ при королевѣ) пошелъ за нами

въ садъ. Моя кормилица поставила меня на землю, и мы остались съ нимъ вдвоемъ среди карликовыхъ яблонь. Мнѣ захотѣлось пошутить, и я сдѣлалъ намекъ, что его имя однозвучно съ названіемъ этихъ деревьевъ. Злой плутъ выждалъ минуту, когда я подошелъ подъ одно дерево, и началъ трясти его надъ моей головой. Двѣнадцать яблокъ, величиною съ небольшую бочку каждое, съ грохотомъ падали вокругъ; я нагнулся; одно изъ нихъ попало мнѣ на спину, свалило меня, и я плашмя растянулся на землѣ. Этотъ градъ изъ яблокъ не искалѣчилъ меня, и, по моей просьбѣ, карлика простили, тѣмъ болѣе, что я самъ вызвалъ его на эту шалость.

Въ другой разъ Глюмдалькличъ оставила меня одного на лугу, а сама ушла съ гувернанткой гулять. Въ это время внезапно появилась огромная туча, пошелъ градъ, и буря опрокинула меня на землю. Градины жестоко били по всему тѣлу, точно забрасывали меня мячами. Я кое-какъ добрался на четверенькахъ до высокой травы, гдѣ и пріютился; но отъ этого я такъ пострадалъ, что пролежалъ въ постели десять дней. Это не удивительно, потому что каждая градина здѣсь почти въ тысячу восемьсотъ разъ больше, чѣмъ въ Европѣ, — я изъ любопытства измѣрялъ и взвѣшивалъ ихъ.

Въ томъ же саду со мной случилось другое, болѣе опасное приключеніе. Желая на свободѣ предаваться размышленіямъ, я часто просилъ мою кормилицу оставлять меня одного. И вотъ однажды она исполнила мое желаніе: оставила меня, по ея предположенію, въ безопасномъ мѣстѣ и ушла со своими дамами такъ далеко, что услышать меня не могли. Вдругъ, прибѣжала небольшая болонка, собака одного изъ садовниковъ; незамѣтно подкравшись, она схватила меня въ ротъ, принесла къ своему хозяину и тихо положила на землю. Къ

счастью, она такъ осторожно держала меня въ своей пасти, что не только не повредила тѣла, но даже и не испортила платья. Бѣдный садовникъ—онъ любилъ меня—пришелъ въ неописанный ужасъ. Онъ осторожно поднялъ меня и спросилъ, какъ я себя чувствую; я былъ такъ испуганъ, что не могъ перевести дыханія и выговорить слова. Когда я пришелъ въ себя, то попросилъ поскорѣ отнести меня назадъ на то мѣсто, гдѣ оставила меня кормилица. Оказывается, она уже вернулась и въ сильной тревогѣ искала меня. Садовникъ передалъ ей меня совершенно невредимымъ, но все же она сдѣлала ему выговоръ за собаку.

Объ этой исторіи мы не рассказали королевѣ: Глюмадалькличъ побоялась гнѣва королевы, а я умолчалъ, чтобы не показаться смѣшнымъ и несчастнымъ въ ея глазахъ.

Послѣ этого Глюмадалькличъ рѣшила не спускать меня съ своихъ глазъ. Я давно боялся такого рѣшенія и потому скрывалъ отъ нея незначительныя приключенія, случавшіяся со мной въ ея отсутствіе. Разъ коршунъ, парившій надъ садомъ, сталъ спускаться на меня; я не испугался, вытащилъ кортикъ и, обороняясь имъ, убѣждалъ въ кустарникъ; это спасло меня, а то онъ, навѣрное, поднялъ бы меня на воздухъ въ своихъ когтяхъ.

Въ другой разъ я наступилъ на вершину кучи земли, которую выбросилъ изъ своей норы кротъ; я упалъ въ нее, погрузившись по шею. Я выбрался изъ нея съ трудомъ, но придумалъ какую-то ложь, чтобы объяснить, почему у меня испачкано платье. Точно также разъ, гуляя одинъ, я вспоминалъ свою Англію; въ раздумьи я споткнулся о раковину улитки и сломалъ себѣ голень правой ноги.

Во время этихъ одинокихъ прогулокъ даже самыя маленькія птицы не выказывали ни малѣйшаго страха въ моемъ присутствіи; на разстояніи аршина отъ меня онѣ прыгали и отыскивали червяковъ и па-

сѣкомыхъ такъ спокойно, какъ будто вблизи нихъ никого не было. Я не могу сказать, что чувствовалъ я въ это время — удовольствіе или оскорбленіе. Я припоминаю, что разъ дроздъ дошелъ до такой смѣлости, что клювомъ вытащилъ у меня изъ рукъ кусокъ пирога, который Глюмдалъкличъ дала мнѣ на завтракъ. Когда я пытался поймать какую-нибудь птицу, она смѣло поворачивалась ко мнѣ и старалась клевать мои пальцы; я пряталъ ихъ, и она удалялась безо всякаго страха, какъ отъ червяка или улитки. Однажды я взялъ большую палку и такъ ловко бросилъ ею въ коноплянку, что, мнѣ показалось, убилъ ее; схвативъ обѣими руками свою добычу (она была немного больше нашего лебедя), я съ торжествомъ понесъ ее къ кормилицѣ. Между тѣмъ оглушенная ударомъ, коноплянка пришла въ себя и начала бить меня крыльями по головѣ и спинѣ такъ сильно, что я готовъ былъ бросить ее. Но скоро мнѣ на помощь явился слуга и свернулъ ей шею. На слѣдующій день, по приказанію королевы, мнѣ подали на жаркое эту птицу.

Королева часто слышала, съ какимъ воодушевленіемъ рассказываю я о своихъ морскихъ путешествіяхъ; каждый разъ, когда она замѣчала мое грустное настроеніе, начинала / снова спрашивать о нихъ, желая развлечь меня. Какъ-то она спросила меня, умѣю ли я управлять парусомъ или грести веслами, и не будетъ ли полезно для моего здоровья, покататься мнѣ въ лодкѣ? Я отвѣчалъ, что, хотя я корабельный докторъ, но часто, въ опасные моменты плаванія, мнѣ приходилось исполнять обязанности обыкновеннаго моряка, а потому тѣмъ и другимъ владѣю въ совершенствѣ. Королева выразила желаніе доставить мнѣ это удовольствіе. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ привести она въ исполненіе свое намѣреніе: здѣсь самая небольшая лодка по своимъ размѣрамъ рав-

Когда я пытался поймать какую-нибудь птицу, она смѣло поворачивалась ко мнѣ и старалась клевать мои пальцы.

няется нашему военному кораблю; а лодка, которой я могъ бы управлять, не могла выдержать напора воды ни въ одной здѣшной рѣкѣ. Я выразилъ свои сомнѣнія; на это ея величество сказала, что если я дамъ планъ, то она прикажетъ своему столяру построить лодку и велитъ приготовить мѣсто, гдѣ бы можно было плавать въ ней. Столяръ въ десять дней сдѣлалъ по моему чертежу игрушечную лодку со всѣми снастями; лодка эта могла свободно вмѣстить восемь европейцевъ. Когда она была окончена, королева пришла въ восторгъ и понесла ее показать королю. Онъ приказалъ для пробы опустить лодку вмѣстѣ со мной въ цистерну, наполненную водой; но она оказалась мала, и я не могъ свободно дѣйствовать веслами. Тогда королева приказала тому же столяру сдѣлать деревянное корыто, длиною въ сорокъ три сажени, шириною въ семь и болѣе сажени глубиною. На днѣ этого просмоленного корыта находился кранъ для спуска воды, и двое слугъ легко могли въ полчаса наполнить его снова. Корыто это установили на помостѣ возлѣ внѣшней дворцовой стѣны. Сидя въ лодкѣ, я часто плавалъ въ немъ, ради развлечения; а иногда я желалъ этимъ доставить удовольствіе королевѣ и ея фрейлинамъ, которыя забавлялись моею ловкою греблей. Иногда я ставилъ парусъ, а дамы вѣерами своими производили такой вѣтеръ, что надували его. Когда же онѣ утомлялись, то приказывали нѣсколькимъ пажамъ дуть на мой парусъ и такимъ образомъ исполнять роль вѣтра; я же съ искусствомъ моряка управлялъ лодкой. Послѣ катанія Глюмдалькличъ уносила лодку въ свой кабинетъ и подвѣшивала ее на гвоздь для просушки.

Разъ во время этихъ катаній со мной случилось приключеніе, которое едва не стоило мнѣ жизни. Когда пажъ опустилъ лодку въ корыто, гувернантка подняла меня, чтобы посадить въ нее.

Но я проскользнулъ у нея между пальцами и не-
премѣнно упалъ бы на помостъ съ высоты почти
шести саженой, если бы случайно громадная булавка
въ корсажѣ этой дѣвицы не задержала меня: го-
ловка булавки попала между сорочкой и поясомъ,
и я висѣлъ въ воздухѣ, пока Глюмдалькличъ не
прибѣжала ко мнѣ на помощь.

Вода въ корытѣ мѣнялась каждые три дня.
Разъ слуга, не замѣтивъ, вмѣстѣ съ водой, впу-
стилъ громадную лягушку. Когда я входилъ въ
лодку, лягушка спряталась; но затѣмъ вскараб-
калась и такъ сильно накренила ее, что я долженъ
былъ налечь всею тяжестью тѣла на другую сто-
рону, чтобы удержать лодку. Однимъ прыжкомъ
лягушка перескочила половину лодки и начала пры-
гать взадъ и впередъ надъ моей головой. Она
была такихъ размѣровъ, что казалась самымъ безо-
бразнымъ животнымъ, какое можно себѣ предста-
вить. Я просилъ Глюмдалькличъ не мѣшать мнѣ
самому справиться съ ней. Я нѣсколько разъ уда-
рилъ по ней весломъ и этимъ заставилъ ее вы-
прыгнуть изъ лодки.

Но самая величайшая опасность угрожала мнѣ
отъ страшной обезьяны помощника повара. Глюм-
далькличъ обыкновенно, уходя по дѣлу или въ
гости, запирала меня въ своемъ кабинетѣ.

Погода была жаркая. Я спокойно сидѣлъ и
не замѣчалъ, что всѣ окна были открыты. Вдругъ
я услышалъ, что кто-то вскочилъ черезъ окно въ
кабинетъ и сталъ прыгать по комнатѣ. Я сильно
испугался, но, не трогаясь съ мѣста, все же
рѣшилъ обернуться и взглянуть, что тамъ проис-
ходитъ. Вижу, громадная обезьяна рѣзвится, пры-
гая изъ стороны въ сторону. Затѣмъ она подошла
къ моей комнатѣ и стала разсматривать ее, по-
видимому, съ большимъ любопытствомъ и удоволь-
ствіемъ, заглядывая въ отворенныя окна и дверь.
Я забился въ самый отдаленный уголъ ящика; съ

перепугу я не догадался раньше спрятаться въ постель. Обезьяна щелкала оскаленными зубами. Замѣтивъ меня, она зарычала, просунула черезъ дверь свою лапу и вытянула ее, какъ это дѣлають кошки, когда играютъ съ мышью. Я перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ она зацѣпила меня за полу платья и легко вытащила изъ ящика. Она взяла меня въ верхнюю правую руку. Мнѣ случалось въ Европѣ видѣть обезьянъ, которыя продѣлываютъ съ котятми тоже самое, что теперь эта продѣлывала со мной. Я попробовалъ сопротивляться, но она такъ, сильно прижала меня, что я счелъ за лучшее вполне подчиниться ей. Вѣроятно, она приняла меня за дѣтеныша, потому что очень часто нѣжно гладила меня по лицу свободной лапой.

Въ это время кто-то вошелъ въ кабинетъ. Обезьяна мгновенно бросилась въ окно, а оттуда полѣзла на трехъ лапахъ, держа меня въ четвертой, по кровельному желобу на крышу сосѣдней постройки. Я слышалъ крикъ Глюмдалькличъ. Бѣдная дѣвочка едва не помѣшалась. Весь дворецъ былъ поднять на ноги; слуги побѣждали за лѣстницами. Сотни придворныхъ смотрѣли на насъ. Обезьяна сидѣла на самой верхушкѣ крыши; въ одной лапѣ она держала меня, а другою набивала мой ротъ всѣмъ, что хранилось у нея въ защечномъ мѣшкѣ, и угощала меня тумаками, когда я не хотѣлъ брать этой пищи. Всѣ, стоявшіе внизу, смѣялись, глядя на эту картину. И я думаю, что обезьяна для всѣхъ, кромѣ меня, была очень забавна. Нѣкоторые стали бросать каменья, чтобы заставить ее сойти внизъ; но имъ запретили это, такъ какъ они могли размозжить мнѣ голову.

Нѣсколько человѣкъ приставили къ крышѣ лѣстницы, взобрались по нимъ и окружили обезьяну. Она поняла, что ей нельзя быстро бѣгать на трехъ лапахъ, оставила меня, а сама ушла. Я находился

на высотѣ двухсотъ саженой отъ земли и ожидалъ каждую минуту, что меня свалитъ вѣтеръ, или, вслѣдствіе головокруженія, я скачусь по крышѣ внизъ. Въ это время подползъ слуга моей кормилицы, положилъ меня въ карманъ и благополучно спустился внизъ.

Я почти задохался отъ той дряни, которой набить былъ мой ротъ. Моя милая кормилица вынула все небольшою иглой, и мнѣ стало легче. Однако, я былъ такъ слабъ, у меня такъ болѣли бока отъ объятій этого животного, что я пятнадцать дней пролежалъ въ постели. Король, королева и всѣ придворные каждый день справлялись о моемъ здоровьѣ, и ея величество нѣсколько разъ навѣщала меня во время болѣзни. Обезьяну убили, и былъ отданъ приказъ не держать болѣе во дворцѣ подобныхъ животныхъ.

Выздоровѣвъ, я явился къ королю благодарить его за оказанныя мнѣ милости. Онъ много смѣялся надъ этимъ приключеніемъ и спросилъ меня: «о чемъ я думалъ и разсуждалъ въ лапахъ обезьяны? понравилось ли мнѣ ея кушанье и манера угощенія? какъ подѣйствовалъ на меня свѣжій воздухъ на крышѣ?» Онъ желалъ знать, какъ бы поступилъ я въ данномъ случаѣ на родинѣ? На это я отвѣтилъ, что въ Европѣ нѣтъ обезьянъ; къ намъ привозятъ ихъ изъ чужихъ странъ; но онѣ такъ малы, что я справился бы съ дюжиной такихъ, если бы онѣ осмѣлились на меня напасть. Я могъ бы, если бы отъ испуга не лишился присутствія духа, нанести и этому странному животному моимъ кортикомъ ударъ по протянутой лапѣ и, навѣрное, такъ сильно ранилъ его, что заставилъ бы обратиться въ бѣгство. Говоря все это твердымъ голосомъ, я бросалъ яростные взгляды и ударилъ по рукояткѣ моего оружія. Тѣмъ не менѣе, эта рѣчь вызвала общій взрывъ смѣха, отъ котораго не могли

удержаться всѣмъ окружавшіе его величество, не смотря на все уваженіе ихъ къ его особѣ.

Каждый день я служилъ поводомъ какой-нибудь смѣшной исторіи при дворѣ; даже Глюмдалькличъ, несмотря на свою нѣжную привязанность ко мнѣ, не упускала случая рассказывать королевѣ о моихъ проказахъ, если видѣла, что это доставляетъ удовольствіе ея величеству.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разъ или два въ недѣлю я представлялся королю утромъ, когда онъ только что вставалъ съ постели. Въ это время часто мнѣ приходилось видѣть, какъ цирюльникъ бреетъ бороду короля. Въ первый разъ такое зрѣлище страшно поразило меня, — это и не удивительно, такъ какъ ихъ бритва почти въ два раза длиннѣе нашей косы. Слѣдуя обычаямъ страны, его величество брился два раза въ недѣлю. Однажды я взялъ у цирюльника съ бритвы около сорока или пятидесяти волосъ изъ бороды его величества. Затѣмъ я обдѣлалъ кусокъ дерева въ видѣ спинки гребешка; на ребрѣ этой спинки просверлилъ нѣсколько отверстій самой тонкой иглой, какую можно было достать у Глюмдалькличъ; въ эти отверстія вставилъ волосы королевской бороды, сгладилъ и заострилъ ихъ на концахъ. Такимъ образомъ я устроилъ себѣ довольно сносный гребень. Это оказалось очень кстати, потому что на моемъ гребнѣ зубцы всѣ поломались, а въ этой странѣ не было мастера для такой тонкой работы.

Послѣ этого мнѣ пришла мысль доставить себѣ нѣкоторое развлеченіе въ свободное время. Я попросилъ камеръ-фрейлину королевы сохранять тѣ ея волосы, которые будутъ падать во время причесыванія. Скоро у меня набралось ихъ довольно много. Я посоветовался съ моимъ столяромъ — ему

велѣли исполнять всѣ мои небольшіе заказы — и поручилъ ему сдѣлать по моимъ указаніямъ два стула только съ пустой спинкой и пустымъ сидѣньемъ. Когда они были готовы, я просверлилъ тонкимъ шиломъ отверстія вокругъ сидѣнья и спинки. Въ эти отверстія я вплелъ самые крѣпкіе волосы точно такъ, какъ дѣлають тростниковые стулья въ Англіи. Эти стулья я поднесъ въ подарокъ королевѣ; она поставила ихъ въ своемъ кабинетѣ и показывала всѣмъ, какъ рѣдкость; они вызывали всеобщее удивленіе. Королева хотѣла, чтобы я сѣлъ на одинъ изъ нихъ; но я положительно отказался исполнить ея требованіе и заявилъ, что лучше соглашусь принять тысячу смертей, чѣмъ сяду на драгоценные волосы, украшавшіе когда-то голову ея величества. Изъ ея же волосъ я сдѣлалъ небольшой красивый кошелекъ болѣе двухъ аршинъ длиною, съ вензелемъ ея величества, вытканнымъ золотыми буквами. Съ согласія королевы, я подарилъ кошелекъ Глюмдалькличъ. Онъ не могъ выдержать тяжести большихъ монетъ и годился скорѣе для часовъ, чѣмъ для денегъ; дѣвочкѣ онъ служилъ для разныхъ бездѣлушекъ.

Король любилъ музыку, и потому при дворѣ часто давались концерты, на которые иногда приносили и меня въ ящикѣ. Ящикъ ставили на столѣ, но гулъ и шумъ отъ инструментовъ были такъ велики, что я съ трудомъ различалъ музыкальные тона. Я увѣренъ, если бы заиграли разомъ всѣ барабанщики и горнисты англійской королевской арміи, то и тогда они не произвели бы такого страшнаго шума. Во время концерта я старался быть подальше отъ исполнителей, закиралъ въ ящикѣ окна, двери, задергивалъ занавѣски, и только тогда я не страдалъ отъ музыки.

Въ молодости я учился играть на шпинетѣ *).

*) Шпинетъ — старинный музыкальный инструментъ.

Въ комнатѣ Глюмдалъкличъ стоялъ такой инструментъ; два раза въ недѣлю приходилъ учитель давать ей уроки музыки. Мнѣ пришла фантазія сыграть королю и королевѣ одну англійскую арію. Но какъ было это сдѣлать? Инструментъ былъ длиннѣе восьми саженой, а каждая клавиша чуть ли не въ поларшина; я вытягивалъ обѣ руки и могъ захватить не больше пяти клавишъ; ударялъ кулакомъ изо всѣхъ силъ и не могъ извлечь ни одного звука. Наконецъ я придумалъ слѣдующій способъ: приготовилъ двѣ круглыхъ дубинки; сдѣлалъ одинъ конецъ толще другого, обтянулъ толстые концы мышьиной кожей, чтобы при ударѣ не испортить клавишъ и не прерывать звука. Передъ шпинетомъ поставили скамью на высотѣ полусаженіи ниже клавиатуры, а меня на скамью; я бѣгалъ по скамьѣ въ длину такъ скоро, какъ только могъ, ударялъ дубинками по клавишамъ и такимъ образомъ сыгралъ арію. Ихъ величества получили величайшее удовольствіе; но я никогда еще не испытывалъ такой усталости отъ музыкальнаго упражненія.

Король часто давалъ приказъ приносить меня въ ящикъ и ставить въ его кабинетъ на столѣ. Я бралъ изъ ящика стулъ и садился такъ, что находился почти на одномъ уровнѣ съ его лицомъ. Такимъ образомъ я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Однажды я набрался смѣлости и замѣтилъ королю, что я не понимаю, какъ онъ, съ такимъ благороднымъ умомъ, можетъ относиться съ такимъ презрѣніемъ къ Европѣ и всему остальному міру, только потому, что мы такъ малы ростомъ. У насъ, говорилъ я, мы замѣчаемъ обратное: чѣмъ больше животное, тѣмъ менѣе оно одарено духовно, такъ пчелы и муравьи смышленнѣе и изобрѣтательнѣе крупныхъ животныхъ. Я надѣюсь, заключилъ я, что доживу до того времени, когда мнѣ, такому ничтожному въ его глазахъ, представится случай ока-

...Я бѣгалъ по скамьѣ въ длину такъ скоро, какъ только могъ, ударялъ дубинками по клавишамъ...

затъ какую-либо услугу его величеству. Король выслушалъ меня со вниманіемъ и сталъ относиться ко мнѣ серьезнѣе, чѣмъ прежде. Онъ просилъ меня сообщить ему возможно точныя свѣдѣнія объ англійскомъ королевствѣ, зная, что въ каждой странѣ найдется что-либо достойное подражанія.

О, какъ бы я хотѣлъ въ то время быть красно-рѣчивымъ ораторомъ, чтобы сумѣть прославить мое дорогое отечество!

Государство наше, началъ я, состоитъ изъ двухъ острововъ, образующихъ три могущественныхъ королевства, не считая владѣній въ Америкѣ, и находится подъ властью одного короля. Мѣстами плодородная почва, умѣренный климатъ создаютъ выгодныя условія жизни. Законы въ странѣ издають палата перовъ и палата общинъ по соглашенію съ королемъ. Англійскій парламентъ самое величественное собраніе въ Европѣ.

Палата перовъ состоитъ изъ членовъ самой благородной крови и владѣтелей самыхъ древнихъ и богатыхъ помѣстій. Они получаютъ великолѣпное образованіе, чтобы стать достойными совѣтниками короля, государственными законодателями, верховными судьями. Они — украшеніе и опора королевства, достойные наслѣдники своихъ знаменитыхъ добродѣтелей предковъ. Въ составъ того же собранія входятъ еще епископы, которые обязаны охранять религію; они выбираются изъ священниковъ, которые отличаются наиболѣе святою жизнью и глубокой образованностью; они, дѣйствительно, самыя просвѣщенные въ средѣ духовенства и народа.

Члены палаты общинъ свободно выбираются самимъ народомъ; эти представители всей націи извѣстны въ странѣ своей мудростью и любовью къ родинѣ.

Судьи наши — почетные мудрецы, толкователи законовъ, рѣшаютъ споры о правахъ, собственности, опредѣляютъ наказанія за преступленія или оправ-

дывають невинныхъ. Я разсказалъ о храбрыхъ подвигахъ нашей арміи на сушѣ и на морѣ. Я высчиталъ сколько миллионовъ населенія въ странѣ.

Я не забылъ о нашемъ спортѣ, нашихъ развлеченіяхъ, которымъ я предавался у себя на родинѣ, и вообще, старался не пропустить ни одной подробности, которая могла бы увеличить славу моего дорогого отечества. Наконецъ я кратко изложилъ всю исторію Англіи за послѣднія сто лѣтъ.

На все это я посвятилъ пять бесѣдъ, и каждая изъ нихъ продолжалась по нѣскольку часовъ. Король слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

Когда я кончилъ свое длинное сообщеніе, его величество сталъ спрашивать меня: Какъ воспитываютъ молодыхъ людей нашего дворянства? Чѣмъ они занимаются въ юношескіе годы? Кто попадаетъ въ новые члены лордовъ? Не дѣлается ли это по капризу короля или за деньги? Хорошо ли знаютъ лорды законы своей страны? Какъ они приобрѣтаютъ эти знанія? Дѣйствительно ли, они такъ мудры, честны и заботятся только о благѣ родины? А епископы не прислуживаются ли къ своимъ лордамъ, чтобы быть избранными въ палату? Какъ происходятъ выборы членовъ палаты общинъ? Не оказываютъ ли здѣсь вліянія деньги или знатныя лица?

Онъ продолжалъ предлагать мнѣ массу вопросовъ и засыпалъ меня своими сомнѣніями и возраженіями. Онъ былъ пораженъ, когда я разсказывалъ о нашихъ войнахъ.

— Вы должно быть, — говорилъ онъ, — народъ сварливый, непокойный, или окружены дурными соседями? Какія могутъ быть дѣла за границей острововъ, кромѣ торговли и защиты своихъ береговъ при помощи флота?

Онъ особенно былъ удивленъ тѣмъ, что даже въ мирное время намъ необходима постоянная армія. Кого же мы боимся и съ кѣмъ должны сражаться?

Но король больше всего изумился, выслушавъ исторію Англіи. Онъ волновался и доказывалъ мнѣ, что это не исторія, а одни заговоры, смуты, убійства, смерти, революціи, ссылки, и все это отъ жадности, жестокости, ненависти, зависти, злобы, честолюбія.

Потомъ онъ взялъ меня въ руки и, тихо лаская, обратился ко мнѣ съ слѣдующей рѣчью, которая такъ сильно подѣйствовала на меня, что я ее никогда не забуду: «Мой маленький другъ, Грильдригъ, вы составили замѣчательно хвалебную пѣснь своей странѣ; вы ясно доказали, что законодатели должны быть лѣнны и невѣжественны; законы ваши не исполняются; нравы ваши такъ испорчены, что все хорошее въ вашихъ установленіяхъ исчезаетъ; для занятія какой-либо должностію у васъ не требуется никакихъ хорошихъ качествъ, хотя вы обращаете вниманіе на то, чтобы всѣ воспитывались честными, мудрыми, храбрыми, справедливыми. Что касается васъ, — продолжалъ король, — то вы большую часть жизни провели въ путешествіяхъ, и потому, я думаю, гораздо честнѣе другихъ. Вашъ же собственный рассказъ и отвѣты, которые съ такимъ трудомъ получилъ я отъ васъ, привели меня къ заключенію, что большая часть вашихъ соотечественниковъ есть самое вредное и отвратительное поколѣніе гадовъ на всей земной поверхности».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я былъ глубоко огорченъ. Но что было дѣлать? Негодовать, — это вызвало бы только смѣхъ; я рѣшилъ терпѣливо молчать.

Король былъ очень любознателенъ и съ жадностью старался изучить всѣ подробности нашей жизни; я оказался бы слишкомъ неблагодарнымъ

и неучтивымъ, если бы не удовлетворялъ его любопытству. Я ловко уклонялся отъ многихъ вопросовъ и старался представить все въ болѣе свѣтломъ видѣ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Но всѣ мои усилія были напрасны.

Надо прибавить, что король былъ совершенно удаленъ отъ всего остального міра, онъ ничего не зналъ о жизни другихъ народовъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ; у него было, вслѣдствіе этого, много неправильныхъ взглядовъ на жизнь. Я расскажу сейчасъ, какъ онъ былъ узко образованъ. Чтобы показать нашу силу, тонкость мысли, и тѣмъ пріобрѣсти расположеніе короля, я рассказалъ ему объ изобрѣтеніи пороха. Этотъ порошокъ, началъ я съ одушевленіемъ, въ самомъ большомъ количествѣ воспламеняется отъ малѣйшей искры, взрывается на воздухъ и производитъ трескъ и сотрясеніе сильнѣе грома. Я описалъ пушку и ядра; говорилъ, что ядра, пущенныя изъ пушекъ, разрушаютъ цѣлыя ряды армій, обращаютъ въ развалины стѣны крѣпостей, пускаютъ ко дну громадные корабли съ тысячами людей, опустошаютъ все, встрѣчающееся на пути. Часто этимъ порошкомъ мы начинаемъ большія пустыя ядра и особыми снарядами пускаемъ ихъ въ осаждаемые города, продолжалъ я, воодушевляясь все больше и больше; тамъ они взрываютъ мостовыя, разбиваютъ въ дребезги дома, зажигаютъ ихъ, разбрасываютъ во всѣ стороны свои осколки, которые разбиваютъ черепъ каждому, кто случится вблизи. Мнѣ въ совершенствѣ извѣстны, добавилъ я, всѣ составныя части этого порошка, я могу готовить его, и это будетъ стоить недорого. Въ благодарность за всѣ королевскія милости я смиренно предложилъ его величеству научить мастеровыхъ дѣлать пушки и ядра, — и вы, ваше величество, — закончилъ я, — можете въ нѣсколько часовъ разрушить самый большой городъ вашего государства и обратить въ раз-

валины всю столицу, если бы она вздумала сопротивляться вашимъ распоряженіямъ.

Но каково было мое недоумѣніе, когда я увидѣлъ, что король пришелъ въ ужасъ отъ описанія этихъ страшныхъ машинъ, а также отъ моего предложенія. Его поразило особенно то, что такое ничтожное, пресмыкающееся насѣкомое, какимъ былъ я — это его собственныя слова — можетъ имѣть такія безчеловѣчныя мысли и такъ спокойно рисовать кровавыя сцены и разрушительныя дѣйствія своихъ машинъ; изобрѣтателемъ ихъ былъ, вѣроятно, по его мнѣнію, страшный врагъ всего челоуѣческаго рода. Онъ прибавилъ, что скорѣе согласился бы потерять половину своего королевства, чѣмъ обладать всеразрушающими средствами. Онъ совѣтовалъ мнѣ никогда больше и не упоминать ему объ этомъ.

Знанія этого народа очень не велики: они изучаютъ науку о нравственности, исторію, поэзію, математику. Въ математикѣ они, правда, достигли большого совершенства; но они прилагаютъ эти познанія только къ тому, что можетъ принести пользу въ жизни, какъ напримѣръ, улучшить земледѣліе, машины и другія сооруженія.

Книгопечатаніе у нихъ, какъ и у китайцевъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но ихъ библіотеки бѣдны. Самая богатая королевская библіотека заключаетъ въ себѣ не болѣе тысячи томовъ; они помѣщаются въ галлерей, длиною до двадцати восьми сажень; я могъ свободно пользоваться всѣми книгами. Потребовалось цѣлое сооруженіе, чтобы дать мнѣ возможность читать. Столяръ королевы, какъ я уже говорилъ, былъ удивительно изобрѣтателенъ; онъ устроилъ въ комнатѣ Глюмдалъкличъ что-то въ родѣ машины; по формѣ она представляла двойную лѣстницу, вышиною около четырехъ сажень, каждая ступенька около сажени длиною. Книга устанавливалась около стѣны; я

всходилъ на самую высокую ступень и читалъ, проходя шаговъ восемь или десять по ступени справа налѣво; затѣмъ спускался на слѣдующую ступень, пока постепенно не доходилъ до конца страницы; послѣ чего поднимался снова, чтобы прочесть слѣдующую. Каждый листъ книги самаго большого формата былъ длиною отъ двухъ съ половиною до трехъ сажень, а по толщинѣ равнялся нашему картону. Понятно, что приходилось каждый такой листъ переворачивать обѣими руками.

Слогъ ихъ ясный, плавный, но очень простой; они избѣгаютъ многословія и разнообразія выраженій. Я прочиталъ очень много книгъ, особенно историческаго и правоучительнаго содержанія. Меня очень заинтересовала одна изъ нихъ. Въ ней указывается, какъ слабъ, ничтоженъ и безпомощенъ по своей природѣ человѣкъ: онъ не способенъ защищаться отъ климатическихъ условій, отъ ярости дикихъ животныхъ: одни изъ нихъ сильнѣе его, другія быстрѣе бѣгаютъ, третьи осторожнѣе, четвертыя смышленѣе. Въ первобытное время, предполагаетъ авторъ этой книги, весь родъ человѣческій былъ большихъ размѣровъ, тогда существовали великаны; это подтверждается величиной костей и череповъ, находимыхъ въ королевствѣ. Тогда человѣкъ былъ сильнѣе, крѣпче, менѣе подвергался опаснымъ случайностямъ.

Народъ этотъ гордится своимъ войскомъ. Я часто смотрѣлъ на военные упражненія на большомъ полѣ, недалеко отъ города. Въ сборѣ было не болѣе двадцати пяти тысячъ пѣхоты и шести тысячъ кавалеріи, но я никогда не могъ сосчитать ихъ, — такое огромное пространство занимали они. Каждый кавалеристъ, сидя на лошади, казался мнѣ колонной, вышиной около двѣнадцати сажень. Я видѣлъ, какъ весь корпусъ, по командѣ, разомъ обнажалъ сабли и размахивалъ ими въ воздухъ. Что это была за грандіозная и поразительная кар-

тина. Никакое воображеніе не можетъ представить ея себѣ. Казалось, десять тысячъ молній разомъ блистали со всѣхъ сторонъ небеснаго свода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

У меня всегда было сильное предчувствіе, что рано или поздно, а я вырвусь на свободу, — но, сколько ни старался, никакъ не могъ придумать, какими средствами достигнуть этой цѣли. Корабль, на которомъ я прибылъ сюда, былъ первый, какой когда-либо замѣчали у этого берега. Король сдѣлалъ строжайшее повелѣніе на случай, если появится снова другой такой-же корабль, привести его къ берегу и доставить со всѣмъ экипажемъ на телѣгѣ въ столицу.

Со мной обходились здѣсь очень благосклонно; я былъ любимцемъ короля и королевы, забавой всего двора; но все это оскорбляло мое человѣческое достоинство; я никогда не могъ забыть, что купленъ за деньги. Мнѣ хотѣлось жить среди равныхъ себѣ, ходить по городу, деревнѣ и не бояться, что тебя раздавятъ, какъ лягушку или маленькую собаченку.

Мое освобожденіе совершилось скорѣе, чѣмъ я ожидалъ и не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Я хочу въ точности разсказать со всѣми подробностями это происшествіе.

Два года прожилъ я въ этой странѣ въ надеждѣ, какъ-нибудь вырваться на свободу. Въ началѣ третьяго года король и королева отправились на южный берегъ королевства. Глюмдаль-кличъ и я сопровождали ихъ. Какъ я уже говорилъ, меня носили въ дорожномъ ящикѣ. Въ этой комнатѣ я прикрѣпилъ къ четыремъ угламъ потолка на шелковыхъ веревкахъ гамакъ; я лежалъ, а иногда и спалъ въ немъ во время ѣзды, — это уменьшало тряску. Въ крышѣ этого кабинета

столяръ сдѣлалъ отверстіе для прохода свѣжаго воздуха въ жаркую погоду. По желанію, я могъ закрывать это отверстіе доской, которая плотно вдвигалась.

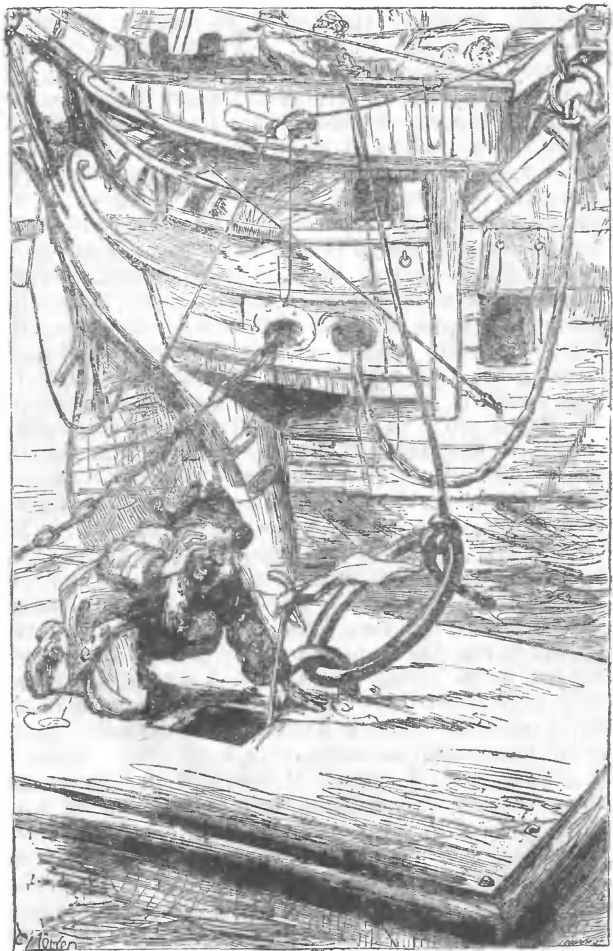
Наконецъ мы достигли берега. Король оставился во дворцѣ, въ восемнадцати миляхъ отъ морского берега. Я очень утомился въ дорогѣ, получилъ насморкъ, а бѣдная дѣвочка сильно заболѣла и не выходила изъ комнаты. Мысль, что я такъ близко отъ берега, бодрила меня. Вѣдь это былъ единственный путь для освобожденія. Оставаться дома я не могъ, притворился болѣе больнымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и просилъ отпустить меня на берегъ, чтобъ только подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Въ проводники я выбралъ пажу, котораго любилъ; уже не разъ случалось мнѣ довѣряться ему. Я никогда не забуду, какъ уговаривала меня Глюмдалъкличъ остаться; сколько горькихъ слезъ пролила бѣдная дѣвочка, точно предчувствовала, что со мной случится несчастье. Но я былъ неумолимъ; я такъ рвался туда, на путь спасенія, что, вмѣсто слезъ и просьбъ, я видѣлъ только океанъ и слышалъ шумъ его волнъ. Мнѣ надо было укрѣпить свою надежду — и казалось, если я только взгляну на него, то и тогда уже буду чувствовать себя болѣе свободнымъ. Видя, что всѣ мольбы напрасны, дѣвочка отпустила меня, — и при этомъ сколько наставленій, сколько предостереженій дала она пажу! Мы отправились. Пажъ несъ меня въ ящикѣ только полчаса, а мнѣ показалось, это вѣчностью. Я велѣлъ поставить меня на берегъ, поспѣшно выдвинулъ одно изъ оконъ и устремилъ свои взоры на океанъ. Но, вмѣсто радости, я почувствовалъ глубокую тоску, сожалѣніе, — передо мной разстилался безбрежный спокойный океанъ, и на немъ никакихъ признаковъ къ спасенію; бодрость моя сразу исчезла; утомленіе, щемящее чувство тоски и свѣжій

морской воздухъ лишили меня силъ; мнѣ стало дурно. Я сказалъ пажу, что хочу уснуть. Онъ задвинулъ окно, и я заснулъ. Пажъ, вѣроятно, не предвидя никакой опасности, отправился на скалы искать птичьи яйца. Въ это время и случилось мое похищеніе. Проснулся я внезапно отъ страшнаго сотрясенія кольца, которое было прикрѣплено къ крышѣ моего ящика. Толчекъ былъ такъ силенъ, что я чуть не выпалъ изъ гамака. Я едва пришелъ въ себя, какъ почувствовалъ, что ящикъ поднимается высоко въ воздухъ и уносится съ страшной быстротой вверхъ. Потомъ движеніе сдѣлалось болѣе спокойнымъ и плавнымъ. Я не зналъ, что дѣлать; принимался звать на помощь, но, конечно, это было напрасно, — я видѣлъ въ окна только облака и небо. Вдругъ слышу шумъ отъ взмаховъ крыльевъ, и оцѣпенѣлъ, сознавая весь ужасъ своего положенія. Я понялъ, что орелъ схватилъ клювомъ кольцо моего ящика и поднялъ, чтобы бросить его съ высоты, какъ черепаху; и вотъ, вмѣсто ожидаемаго спасенія, я буду разбитъ и разорванъ на части, — дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ членамъ. Съ сжатымъ сердцемъ, почти теряя сознаніе, я безъ надежды отдался судьбѣ и думалъ только, скорѣй бы наступилъ конецъ. Слѣдя за полетомъ, я замѣтилъ, что шумъ и движеніе крыльевъ очень быстро увеличиваются, ящикъ качается изъ стороны въ сторону. Затѣмъ нѣсколько ударовъ или толчковъ, и я падаю прямо внизъ; съ минуту я летѣлъ съ такой невѣроятной быстротой, что задыхался. Паденіе было прервано ужаснымъ глухимъ шумомъ; казалось, что ящикъ сплюснулся, и у меня въ ушахъ раздался грохотъ сильнѣе, чѣмъ отъ паденія Ниагарскаго водопада. Я погрузился во мракъ; но ящикъ сталъ подниматься; я увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ и кругомъ уже не небо, а воду, — я упалъ въ море. Желѣзные пластины, которыми были укрѣплены сверху и снизу всѣ четыре угла

ящика и полъ его, спасли меня, — ящикъ не разбился о поверхность воды; но зато эти пластины, тяжесть моего тѣла и вещей увеличивали его вѣсъ, и онъ плавалъ, погружившись чуть ли не на сажень. Я долго думалъ, какимъ образомъ случилось это паденіе и могъ сдѣлать только одно предположеніе: на орла, летѣвшаго со мной напали два или три другихъ, вступили съ нимъ въ борьбу изъ-за добычи, и въ это время орелъ выпустилъ изъ клюва мой ящикъ. Къ счастью, мой кабинетъ былъ почти непроницаемъ, и въ него вошло очень мало воды; все это не давало мнѣ ни на минуту утѣшенія; страхъ за жизнь не покидалъ меня; я былъ совершенно беспомощенъ, и это сильно угнетало меня. Съ большимъ трудомъ я вышелъ изъ своего гамака. Воздухъ былъ такой спертый, что я почти задыхался, и хотѣлъ отодвинуть въ крышѣ доску, какъ это дѣлала мнѣ часто моя кормилица. Я перенесся во дворецъ, вспомнивъ мою милую дѣвочку. Какъ захотѣлось мнѣ быть теперь съ ней! Прошелъ только часъ, думалъ я, и мы разлучены навсегда. Въ этотъ моментъ я даже забылъ объ опасности своего положенія и горько оплакивалъ печаль моей бѣдной кормилицы. Сколько горя причинить ей мое исчезновеніе! Можетъ быть, королева терпѣла ее только изъ-за меня, а теперь должна измѣниться вся ея жизнь. Отъ этихъ грустныхъ мыслей я вернулся опять къ себѣ и сталъ подробно обсуждать свое безвыходное положеніе. Я не въ силахъ былъ поднять крыши, и послѣдніе часы моей жизни я долженъ провести въ этой берлогѣ. Каждую минуту я ждалъ, что ящикъ будетъ опрокинутъ волной или наткнется на скалу и разлетится въ щепки, или стоило разбиться оконному стеклу, защищенному только желѣзной рѣшеткой, и смерть была бы неизбежна. Вдругъ вижу — вода начинаетъ все же просачиваться сквозь щели; я законопатилъ ихъ, — видно, еще не совсѣмъ исчезла

надежда на спасеніе и сильна была борьба за жизнь. Но если я избѣгну опасности въ теченіе одного—двухъ дней, развѣ я спасенъ? Голодъ, холодъ приведуть къ тому же концу. Мысли становились мрачнѣе и мрачнѣе; вѣроятно, я переживалъ тоже, что и узникъ, приговоренный къ смерти. Въ такомъ состояніи я провелъ часа четыре. Я ужъ сталъ привыкать къ мысли о своей неизбѣжной гибели и равнодушно ждалъ конца, какъ вновь случилось для меня что-то совершенно неожиданное. Вдругъ слышу по глухой сторонѣ ящика, гдѣ были пряжка и продѣтый сквозь нихъ ремень, что-то царапается. Я въ страхѣ вздрогнулъ отъ приближающейся опасности, но скоро сообразилъ, что ящикъ тащатъ по морю; волны иногда поднимались въ уровень съ окнами, и я погружался въ темноту. Во мнѣ вспыхнула надежда на спасеніе, но откуда, какимъ образомъ, я не могъ и представить. Я съ трудомъ отвинтилъ стулъ, отодвинулъ подвижную доску и привинтилъ къ ней стулъ; ставъ на него, я приложилъ ротъ возможно ближе къ отверстию и началъ звать на помощь на всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ. Потомъ привязалъ платокъ къ палкѣ, продѣлъ ее въ отверстіе и сталъ махать платкомъ, чтобы привлечь вниманіе матросовъ, если вблизи находится лодка или корабль. Результатовъ никакихъ, но ящикъ все подвигается впередъ. Такъ прошелъ часъ томительнаго для меня ожиданія и любопытства. Наконецъ ящикъ ударяется обо что-то твердое. Скала! — подумалъ я. Напряженіе ужаса усиливается; но ящикъ цѣлъ и качается больше прежняго. Я слышу звукъ: мнѣ кажется, что въ кольцо продѣваютъ канатъ; ящикъ поднимается. Надежда растеть, я сноваставляю палку съ платкомъ, машу имъ, кричу, задыхаясь до хрипоты. Въ отвѣтъ — громкое восклицаніе, повторенное три раза. Люди! — какъ молнія пронеслось въ головѣ. Меня охватилъ безумный восторгъ. Я

спасень, спасень! кричалъ я въ ящикъ и метался изъ стороны въ сторону. Скорѣй хотѣлось вырваться, чтобы убѣдиться, что это не сонъ, не мое воображеніе, а дѣйствительность настоящая:— я среди своихъ, я свободенъ! Надъ моей головой слышался топотъ шаговъ и крикъ: «Если есть кто-нибудь здѣсь, пусть говоритъ, я слушаю». Дрожащимъ отъ волненія и восторга голосомъ я отвѣчаю: «Здѣсь англичанинъ, брошенный злою судьбой въ такія несчастія, какія едва-ли испытыва. какое-нибудь другое человѣческое созданіе. Я заклинаю всѣмъ, что только можетъ тронуть сердце, освободить меня изъ этой темницы». — «Вы спасены», говорятъ мнѣ: «ящикъ привязанъ къ кораблю и немедленно явится плотникъ, который выпилитъ такое отверстіе, чтобы вы могли вылѣзть наружу». — Въ этомъ нѣтъ надобности, кричу я въ нетерпѣніи, боясь за промедленіе каждой минуты: это займетъ много времени; гораздо проще приказать какому-нибудь матросу захватить пальцемъ за кольцо ящика, вынуть его изъ воды и поставить въ каютѣ капитана. — Я совершенно забылъ, что имѣю дѣло уже не съ великанами, а людьми одинаковаго со мной роста и силы, и слышу въ отвѣтъ громкій смѣхъ и восклицаніе: «онъ сумасшедшій!» Я опомнился и терпѣливо ожидалъ плотника. Скоро онъ явился и въ нѣсколько минутъ выпилилъ проходъ, поставилъ небольшую лѣстницу, по которой я вышелъ наверхъ. Здѣсь я вздохнулъ полной грудью, но обезсиленный не могъ двинуться. Меня взяли и перенесли на корабль. Матросы окружили меня, съ изумленіемъ засыпали меня вопросами. Я такъ много пережилъ за нѣсколько часовъ, такъ быстро и неожиданно произошелъ переходъ отъ смерти къ жизни, что я никакъ не могъ прійти въ себя; напряженіе прошло, и я былъ не въ силахъ даже понять, о чемъ меня спрашиваютъ. Кромѣ того, я былъ пораженъ, увидя столько карликовъ,

Надъ мо^{ей} головой послышался топотъ шаговъ
и крикъ.

и смотрѣлъ на нихъ и на все окружающее съ страннымъ взглядомъ и не понималъ, гдѣ я, — такъ глаза мой привыкли уже къ предметамъ чудовищныхъ размѣровъ. Я чувствовалъ, что начинаю терять сознаніе. Капитанъ, мистеръ Томасъ Уилькоксъ, замѣтилъ, что я близокъ къ обмороку, отвелъ меня въ свою каюту, далъ лѣкарства для восстановленія силъ и заставилъ лечь въ постель, чтобы успокоиться. Я успѣлъ предупредить капитана, что мой кабинетъ обитъ шелкомъ и шерстью, въ немъ находится цѣнная мебель, которую жаль потерять. Я просилъ принести его въ каюту, и я покажу ему свои богатства. Капитанъ слушалъ меня и, думая, что я уже брежу, обѣщалъ исполнить всѣ мои желанія, чтобы только успокоить меня. Разрушеніе моего кабинета произошло безъ меня, и я очень былъ доволенъ этому: такое зрѣлище вызвало бы во мнѣ много воспоминаній, которыя я хотѣлъ поскорѣй позабыть. Мнѣ рассказали все, что произошло потомъ. Капитанъ велѣлъ матросамъ спуститься въ ящикъ и вынести оттуда, всѣ мои вещи. Мебель была сильно испорчена, такъ какъ матросы грубо вырывали вещи, содрали обивку, взяли все, что показалось цѣннымъ или нужнымъ для корабля, а остовъ ящика бросили. Онъ быстро наполнился водой, — и море похоронило мою темницу. Хорошо, что слѣды моего продолжительнаго заключенія исчезли, иначе они живо напоминали бы тяжелыя чувства, пережитыя въ плѣну.

Я спалъ нѣсколько часовъ, но очень беспокойно: покинутыя мѣста и послѣднія событія сильно потрясли меня, — я просыпался, вскакивалъ, бредилъ. Было около восьми часовъ вечера, когда я проснулся. Капитанъ приказалъ подать мнѣ ужинъ. Онъ угощалъ меня. Каждая вещь на столѣ, каждое новое кушанье вызывали во мнѣ удивленіе: чашка напоминала мнѣ скорлупу орѣха, блюдо казалось не больше трехъ монетъ; свиной окорокъ былъ,

по моему, величиной съ куриную лапку. Я улыбался, спрашивалъ, какъ они могутъ ѣсть изъ такой кукольной посуды; при этомъ я говорилъ оглушительно громко и все смотрѣлъ вверхъ, закинувъ голову. Окружающіе смѣялись, смотря на меня и слушая мой вздоръ. Капитанъ же успокаивалъ и убѣждалъ меня прійти въ себя.

Когда мы остались одни, онъ просилъ сообщить ему всѣ подробности моего путешествія и объяснить, какъ я очутился въ этой коробкѣ, брошенной на волю волнъ и теченія. Я хотѣлъ узнать сначала, какъ я былъ найденъ. Капитанъ охотно согласился рассказать все.

— Около полудня, — началъ онъ, — я увидѣлъ въ подозрную трубу вашъ ящикъ и подумалъ, что это былъ парусъ. Я рѣшилъ подойти ближе къ судну въ надеждѣ найти тамъ сухари, въ которыхъ экипажъ чувствовалъ недостатокъ. Вблизи я замѣтилъ, что ошибся, и послалъ шлюпку разслѣдовать эту находку. Матросы вернулись назадъ и клялись, что видѣли плавающій домъ. Я смѣялся надъ ихъ глупостью, самъ спустился въ шлюпку и приказалъ взять два прочныхъ каната. Море было спокойно. Мы объѣхали нѣсколько разъ вокругъ ящика и замѣтили окна съ желѣзными рѣшетками, а на глухой сторонѣ двѣ пряжки. Все казалось очень страннымъ, но все же захотѣлось разсмотрѣть поближе этотъ загадочный домъ. Я приказалъ греблыть къ нему, привязать канатъ къ пряжкѣ, взять на буксиръ и плыть къ кораблю. Я видѣлъ вашу палку съ платкомъ и догадался, что въ ящикѣ находится какой-то несчастный. Прибывъ сюда, привязали другой канатъ къ кольцу на крышѣ, продѣли его въ блокъ и хотѣли вытащить ящикъ. Работала вся команда, но онъ былъ такъ тяжелъ, что удалось приподнять его только аршина на полтора. А остальное вы знаете, — закончилъ капитанъ.

— Не замѣтили ли вы или кто-нибудь изъ экипажа одновременно на небѣ и нѣсколькихъ громадныхъ птицъ? спросилъ я.

— Матросы рассказывали, что видѣли трехъ орловъ, но не замѣтили, чтобы они были больше обыкновенныхъ, — отвѣтилъ капитанъ.

— Вѣроятно, они были на страшной высотѣ? продолжалъ я допытываться.

Капитанъ не понималъ, почему я задаю такіе вопросы и подозрительно смотрѣлъ на меня.

— На какомъ разстояніи находимся мы отъ земли? допрашивалъ я.

— По самымъ точнымъ вычисленіямъ, мы въ разстояніи не менѣе ста миль отъ берега.

Я увѣрялъ, что онъ ошибается больше, чѣмъ на половину: всего прошло часа два, какъ я оставилъ страну, гдѣ жилъ и откуда упалъ въ море. Капитанъ послѣ этого убѣдился, что я, дѣйствительно, помѣшался и пригласилъ меня опять лечь въ постель.

Я увѣрилъ его, что совершенно спокоенъ, чувствую себя такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Капитанъ принялъ серьезный видъ и просилъ позволить откровенно говорить со мной. Я далъ согласіе.

— Можетъ быть, — началъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, — вы совершили какое-нибудь тяжкое преступленіе, и король приказалъ въ наказаніе посадить васъ въ этотъ ящикъ и пустить его въ море. Если такъ, то я очень огорченъ, что принялъ на корабль такого злодѣя, но даю слово доставить васъ невредимымъ въ первый морской портъ. Ваши нелѣпыя разговоры со мной и матросами о вашемъ кабинетѣ, вашъ странный взоръ и ваше странное поведеніе за ужиномъ усилили мои подозрѣнія на этотъ счетъ.

Я просилъ капитана терпѣливо выслушать мою исторію съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ

оставилъ Англію, до той минуты, когда онъ меня нашелъ. Капитанъ скоро убѣдился въ правдивости моего разсказа. Желая еще болѣе подтвердить все, сказанное мною, я показалъ ему небольшую коллекцію рѣдкостей, собранныхъ въ странѣ, которую я только что покинулъ. Здѣсь были гребень изъ волосъ королевской бороды, цѣлая серія иголокъ и булавокъ длиною отъ четверти до одного аршина, — нѣсколько волосъ королевы, золотое кольцо, которое она мнѣ подарила, — я помню, какъ королева, снявъ это кольцо съ мизинца надѣла мнѣ его на шею. Я умолялъ капитана взять кольцо на память за его неоцѣнимыя услуги, но онъ наотрѣзъ отказался. Наконецъ я просилъ взглянуть на штаны изъ мышиной кожи, которыя я носилъ тамъ.

Капитанъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ зубъ, который былъ среди рѣдкостей. Одинъ плохой врачъ по ошибкѣ вырвалъ слугѣ Глюмдалькличъ здоровый зубъ. Я вычистилъ его и спряталъ, какъ диковину, въ шкапъ. Въ окружности онъ былъ около полуаршина.

Капитанъ очень заинтересовался моимъ разсказомъ, посовѣтовалъ описать свое путешествіе и напечатать.

Между прочимъ капитанъ справился, почему я такъ громко говорю; онъ думалъ, что король и королева той страны, гдѣ я жилъ, плохо слышали. Я сказалъ, что съ моими великанами необходимо было такъ говорить, даже когда я былъ на столѣ или на ихъ рукѣ; мнѣ всегда казалось, что я разговариваю снизу съ человѣкомъ, стоящимъ на вершинѣ колокольни; за два года я привыкъ къ ихъ громкому голосу, и теперь мнѣ кажется, что здѣсь всѣ говорятъ шепотомъ.

Я сообщилъ, что на кораблѣ всѣ матросы показались мнѣ такими маленькими, какихъ я никогда не видѣлъ. Тогда капитанъ сказалъ, что

по время ужина я разсматривалъ каждый предметъ съ необыкновеннымъ удивленіемъ, и это всѣхъ смѣшило; эта странность и заставила его подозрѣвать меня въ помѣшательствѣ.

Капитанъ весело слушалъ мои рассказы и шутя замѣтилъ, что, по англійской поговоркѣ, у меня глаза больше желудка, судя по моему аппетиту. Онъ серьезно прибавилъ, что заплатилъ бы сто фунтовъ за удовольствіе посмотрѣть на мой кабинетъ въ клювѣ орла и въ то время, какъ онъ падалъ въ море съ страшной высоты.

Капитанъ послѣ пребыванія въ Тонкинѣ возвращался въ Англію. Нашъ переходъ совершился довольно счастливо.

Разъ или два капитанъ заходилъ въ порты запасити провизіей и свѣжей водой, но я никогда не сходилъ съ корабля.

Прошло шесть утомительныхъ для меня мѣсяцевъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія домой.

Наконецъ 3 іюня 1706 года мы бросили якорь въ Даунсѣ. Я предлагалъ капитану въ вознагражденіе за мой переѣздъ все, что у меня было, но онъ оказался безконечно добръ и не взялъ ни одной полушки. Мы дружески разстались съ нимъ, и я взялъ съ него слово навѣстить меня. Я нанялъ лошадь съ проводникомъ, чтобы добраться до дому. Капитанъ и тутъ выручилъ меня — снабдилъ деньгами.

Съ такимъ же любопытствомъ, какъ и на пароходѣ, разсматривалъ я дома, деревья, людей и животныхъ, — мнѣ казалось, что я въ Лиллипутіи. Я боялся раздавить встрѣчавшихся на пути путешественниковъ, громко окликалъ ихъ, чтобы сворачивали съ дороги. Моя грубость всѣхъ поразжала, и мнѣ разъ или два чуть не раскропили голову.

Наконецъ я дома. Одинъ изъ слугъ, отво-

рилъ двери. Входя, я нагнулся, чтобы не удариться головой, какъ гусь, когда онъ пролѣзаетъ подъ воротами.

Все казалось мнѣ неестественнымъ, все обращало мое вниманіе. Я не испытывалъ радостнаго чувства свиданія во всей полнотѣ, когда прибѣжали всѣ и стали привѣтствовать меня. Жена бросилась обнимать меня, но я нагнулся ниже ея колѣнъ, думая, что иначе не достану ея лица. Дочь стала на колѣни, желая получить благословеніе, но я не увидѣлъ ея, пока она не поднялась, — я держалъ голову вверхъ на высоту восьми сажень; я сдѣлалъ жестъ и поднималъ ее за талию одной рукой. На моихъ слугъ и друзей, бывшихъ здѣсь, я смотрѣлъ сверху внизъ, какъ великанъ на карликовъ. Я замѣтилъ женѣ, что онѣ, вѣрнѣе, голодали и обратились съ дочерью въ ничто. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня, и такъ же, какъ на корабль, стали говорить, что я сошелъ съ ума.

Послѣ длинныхъ разсказовъ о моихъ странствованіяхъ всѣ недоразумѣнія между мной, семьей и друзьями разсѣялись. Жена дала слово никогда больше не пускать меня даже близко къ морю.

К О Н Е Ц Ъ.